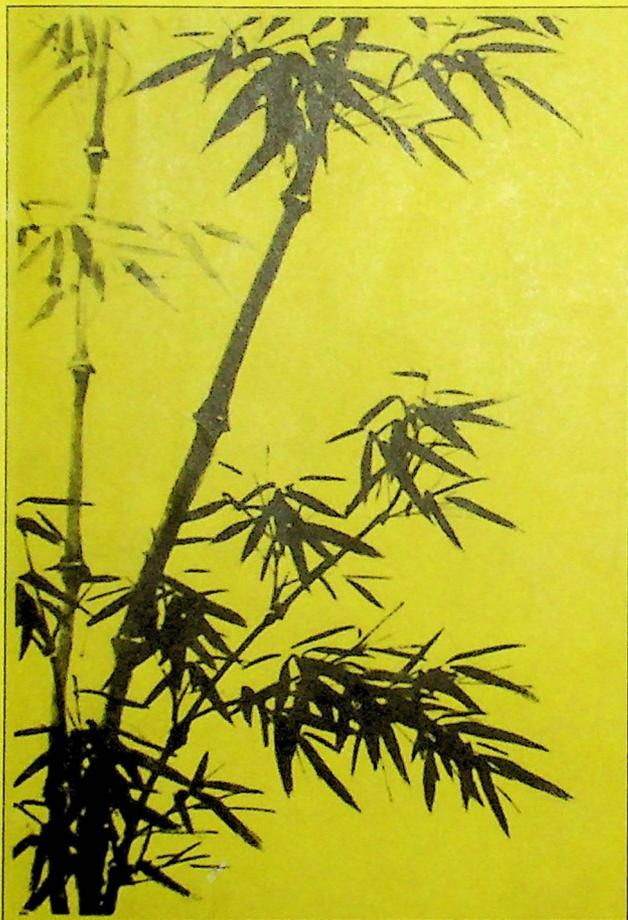

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2006

ISSN 0131-2812

Год России в Китае

•
КНР: внешняя политика
добрососедства

•
Российский вектор
в глобальной китайской миграции

•
Выдающийся ученый-китаевед
М. И. Сладковский

•
К 90-летию
со дня рождения Ху Яобана

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2006

Март - Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

Год России в Китае: организация и содержание.....	6
<i>В.Портыков.</i> Российский вектор в глобальной китайской миграции.....	10
<i>А.Шлындов.</i> О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене (окончание).....	22
<i>Лю Цинцай.</i> КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства.....	33
<i>Н.Мамасва.</i> КПК на современном этапе развития.....	43
<i>Е.Степанов.</i> Южно-Китайское море: острова на материковой отмели.....	55
<i>Ю.Цыганов.</i> Австралия и Восточная Азия.....	71

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

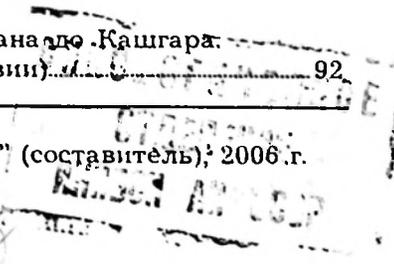
<i>М.Титаренко, В.Барышников.</i> Выдающийся ученый-китаевед и организатор науки Михаил Иосифович Сладковский.....	82
<i>Ян Годун.</i> В России есть корифей конфуцианства (о Л.С.Переломове).....	89

ЭКОНОМИКА

<i>Е.Баженова, А.Островский.</i> Синьцзян: от Турфана до Кашгара. (Программа освоения западных районов в действии).....	92
---	----

© Российская академия наук, 2006 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель); 2006 г.

<i>С.Савинский, Д.Смахтин. Иностранные банковские учреждения в КНР</i>	101
--	-----

ОБЩЕСТВО

<i>А.Виноградов. К методологии изучения китайской модернизации</i>	115
--	-----

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

<i>М.Мейер. К 50-летию Института стран Азии и Африки при МГУ</i>	128
--	-----

ИСТОРИЯ

<i>В.Усов. К 90-летию со дня рождения Ху Яобана</i>	136
<i>А.Ипатова. Православие на Дальнем Востоке. Историографический обзор (часть первая)</i>	146

КУЛЬТУРА

<i>С.Торопцев. Международный форум "Столетие китайского кино"</i>	157
---	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>Г.Куликова. Торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Ху Яобана</i>	159
<i>Г.Куликова. Делегации ОРКД на международном фестивале снега и льда в Харбине</i>	161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В.Портяков. Фань Жуньхуа — член Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии</i>	163
<i>Я.Бергер. Изучение проблем регионального развития в Китае (Конференция в г.Ухань)</i>	165
<i>М.Тригубенко. Состоится ли российский прорыв в АСЕАН?</i>	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Я.Бергер. В.Смил. Будущее энергетики, продовольствия и охраны окружающей среды</i>	177
<i>А.Сенаторов. Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии</i>	181

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

В.Портяков. Российский вектор в глобальной китайской миграции

В статье анализируются особенности современной миграционной политики Китая и место России в ней. Показано, что Россия в настоящее время не относится к числу приоритетных ареалов обустройства за рубежом выходцев из КНР.

А.Шлындов. О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия России и КНР на региональном уровне: в Центрально-Азиатском регионе и в Северо-Восточной Азии. При этом автор показывает как близость или совпадение позиций двух стран в отношении роли и места отдельных стран региона международных организаций в системе обеспечения безопасности АТР, так и нюансы, отличающие подходы Пекина и Москвы к вопросам урегулирования основных региональных конфликтов.

Лю Цинцай. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства

Профессор Цзилиньского университета посвящает свою статью исследованию геополитической среды, в которой осуществляется китайская внешнеполитическая стратегия XXI века — стратегия мирного развития, соответствующая стоящим перед страной задачам и новой международной и внутривнутриполитической ситуации в КНР.

Лю Цинцай расшифровывает сущность китайской политики добрососедства и принципы ее практической реализации. Автор особо отмечает достигнутое Китаем улучшение политических отношений со своими соседями, укрепление с ними взаимного доверия и сотрудничества в сфере безопасности, постоянное расширение торгово-экономического взаимодействия. Все это, как подчеркивает Лю Цинцай, осуществляется в целях мирного подъема и одновременно обеспечения геополитической основы становления Китая в качестве подлинно великой мировой державы.

Н.Мамаева. КПК на современном этапе развития

Изучение партийно-политических процессов в КНР предпринимается на основе анализа деятельности компартии Китая как правящей политической партии, не утратившей руководящих позиций в государстве и обществе, однако переживающей с конца XX века напряженный период поиска пути адаптации своей программы и политики к вызовам времени. В центре внимания автора находятся правящая партия как институт управления страной, политика укрепления и совершенствования ее управленческих функций и политической системы КНР в целом. Эти проблемы — наиважнейшие для судьбы монопартийного государства "советского типа", перешагнувшего в XXI век.

Е.Степанов. Южно-Китайское море: острова на материковой отмели

В статье излагается ситуация, складывающаяся в Южно-Китайском море в связи с попытками Китая найти юридические обоснования своих претензий на право разработки ресурсов континентального шельфа района островов Спратли. Приводятся некоторые концепции, разработанные в КНР для аргументирования этих претензий. Перечисляются совместные шаги стран региона, направленные на урегулирование существующих разногласий и споров.

Ю.Цыганов. Австралия и Восточная Азия

В статье анализируется политика Австралии в Восточной Азии главным образом через призму "доктрины Говарда" и влияния миротворческой операции на Восточном Тиморе в связи с проведением там референдума о независимости.

Автор считает, что при явном успехе австралийского миротворчества в гуманитарном плане размещение крупного воинского континента Австралии за рубежом и ее переход к более активной, если не сказать — агрессивной внешней политике, вызвали озабоченность и даже ухудшение ее отношений с некоторыми странами региона. АСЕАН даже отвергла предложение о создании зоны свободной торговли с Австралией и Новой Зеландией.

Констатируется быстрое развитие австралийско-китайских отношений. Отмечается, что КНР уверенно выходит на ведущее место среди торговых партнеров Австралии.

Е.Баженова, А.Островский. Синьцзян: от Турфана до Кашгара (Программа освоения западных районов в действии)

В статье рассказывается о визите делегации Института Дальнего Востока РАН в Синьцзян для участия в конференции по проблемам регионального и научно-технического сотрудничества. Авторы знакомят читателей с выдвинутой в конце XX века программой развития западных районов Китая на примере социально-экономического развития Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также с проблемами региональной политики в условиях проведения экономической реформы и истории Турфанской долины и города Кашгара в Южном Синьцзяне.

С.Савинский, Д.Смахтин. Иностранные банковские учреждения в КНР

В статье излагается история освоения иностранными банковскими учреждениями финансовых рынков КНР. Приводятся основные условия создания иностранных банковских структур на территории страны, методы их контроля и регулирования. Небольшой раздел посвящен освоению национальными банковскими учреждениями Китая зарубежных рынков. Авторы анализируют состояние иностранного банковского сектора в КНР в настоящее время и влияние на него присоединения Китая к ВТО.

А.Виноградов. К методологии изучения китайской модернизации

Автор обосновывает необходимость нового подхода к анализу китайской модели модернизации с использованием понятий "универсализм", "идентичность", "тип развития". В сравнительном аспекте рассматриваются закономерности формирования европейской и китайской цивилизаций, поиск национальными культурами условий и механизмов своего воспроизводства в современном мире, выявляются общие черты в реакции России и Китая на вызовы времени.

В.Усов. К 90-летию со дня рождения Ху Яобана

В статье рассказывается о выдающемся общественном и государственном деятеле, члене Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, Генеральном секретаре, Председателе ЦК КПК, видном представителе международного молодежного движения Ху Яобане. Кратко прослеживается его жизненный путь, деятельность до и после "культурной революции". Большое внимание уделяется его работе на посту заведующего Орготделом ЦК КПК, в результате которой заметно активизировался процесс политической реабилитации жертв "культурной революции". Именно за эту смелую и самоотверженную работу по восстановлению справедливости и доброго имени миллионов честных людей, которые подвергались незаслуженным гонениям, в Китае до сего дня благодарны Ху Яобану.

А.Ипатова. Православие на Дальнем Востоке. Историографический обзор

Данный обзор посвящен анализу 72 статей, опубликованных в четырех сборниках "Православие на Дальнем Востоке", подготовленных по материалам пяти конференций, организованных Восточным факультетом СПб ГУ и СПб Духовной академией. Как показано в обзоре, материалы сборников воссоздают объективную панораму распространения православия на Дальнем Востоке и роли Русской православной церкви в установлении Россией связей с народами и странами этого региона, принадлежащими к разным цивилизационным мирам и стоявшими на разных ступенях общественного и культурного развития. В этом номере публикуется первая часть статьи, посвященной российской духовной миссии в Китае.

Политика

Год России в Китае: организация и содержание

Визит президента РФ В.В.Путина в КНР в марте с.г. ознаменовал официальное открытие Года России в Китае. Примечательно, что в 2004 году исследовательским холдингом ROMIR Monitoring и компанией Horizon Research Group проводились сравнительные исследования общественного мнения в России и Китае. Среди прочих вопросов китайским респондентам было предложено оценить свои знания о нашей стране. При примерно равных показателях вариантов "знаю" (27%) и "имею общее представление" (28%) почти половина (43%) четко определилась с ответом "не знаю" и небольшая часть (2%) затруднилась ответить. Выводы, следующие из интервью россиян, позволяют констатировать, что наши соотечественники также в большинстве своем не в высокой степени осведомлены о Китае.

В целом к наблюдающимся пробелам в информации друг о друге у жителей обеих стран можно было бы отнестись не столь критично, если не рассматривать их в контексте отношений стратегического партнерства и добрососедства России и Китая, вышедших в последние годы, по обоюдному признанию сторон, на самый высокий за всю историю уровень развития. Очевидно, что в таких обстоятельствах подобает лучше знать и понимать своих соседей.

В этой связи решение Президента России В.В.Путина и Председателя КНР Ху Цзиньтао объявить 2006 год Годом России в Китае, а 2007 — Годом Китая в России стало важным и своевременным шагом¹. Естественному процессу улучшения взаимопонимания народов необходимы внимательная поддержка, координация и аккуратная разъяснительная работа со стороны обоих государств. Любая дружба, любой союз только выигрывают, если будут не просто эмоционально искренними, но, в первую очередь, осознанными.

Год России в Китае и Год Китая в России планируется провести в форме яркого калейдоскопа мероприятий, всесторонне демонстрирующих народам двух стран и всему миру результаты и потенциал российско-китайского сотрудничества.

Для реализации этого ширококомасштабного проекта в России и Китае созданы все условия, в том числе подготовлен слаженный механизм двустороннего взаимодействия.

24 июня 2005 года был образован организационный комитет по проведению Года России в Китае и Года Китая в России². Председателем оргкомитета стал первый заместитель Председателя правительства Российской Федерации Д.А.Медведев. Его заместителем на этом посту был назначен³ заместитель

Статья подготовлена на основе материала, предоставленного Первым Департаментом Азии МИД РФ.

Китай-де / РФ

Председателя правительства РФ А.Д.Жуков, одновременно являющийся руководителем российской части двусторонних комиссий по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая³ и по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта⁴. Таким образом в распоряжение оргкомитета был предоставлен весь механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, функционирующий с 1996 года. Проведение Национальных Годов является для него своеобразным экзаменом, подытоживающим прошедшее десятилетие становления и успешной работы.

В оргкомитет вошли более тридцати представителей федеральных и региональных органов исполнительной власти, Федерального Собрания, деловых и научных кругов, общественности и средств массовой информации.

Аналогичный оргкомитет был создан и в Китае. Его председателем была назначена заместитель премьера Государственного совета КНР, руководитель китайской части двусторонней комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая У И. Ее заместителями являются член Государственного совета КНР, руководитель китайской части двусторонней комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта Чэнь Чжили и член Госсовета КНР Тан Цзясюань, в недавнем прошлом возглавлявший внешнеполитическое ведомство Китая.

В течение 2005 года от российских учреждений и организаций в МИД России поступали многочисленные предложения по содержательному наполнению программы Года России в Китае. Более двухсот шестидесяти из них были отобраны и объединены в единый план мероприятий. Большой объем поступивших заявок стал свидетельством не только активного стремления российских организаций принять участие в проведении Года России в Китае, но и наличия у них соответствующих наработок.

8 декабря 2005 года в Пекине во время переговоров первого заместителя Председателя правительства Д.А.Медведева с руководством китайского оргкомитета стороны достигли принципиального взаимопонимания по организации и содержанию мероприятий Года.

2006 год начался с обмена посланиями руководителей двух стран, в которых Президент России В.В.Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнули уникальный характер и исключительное значение проведения Национальных Годов. В Посольстве России в КНР состоялась презентация эмблемы и девиза Года России в Китае: "Вместе — к общему процветанию".

Красивым символом, ознаменовавшим начало Года, стала установленная в пекинском парке новогодняя елка — подарок Иркутской области. Тематику поддержал приезд из Великого Устюга российского Деда Мороза, которого привезла с собой делегация Вологодской области во главе с губернатором В.Е.Позгалевым. 22-24 января в Посольстве России в КНР состоялась презентация области.

Многочисленные деловые и культурные обмены российских регионов Дальнего Востока с провинциями Северо-Восточного Китая естественным образом вписались в программу Года. С 3 по 12 января 2006 года официальная делегация Республики Саха провела в Харбине встречи с руководством провинции, деловыми кругами и общественностью, приняла участие в открытии Харбинского международного фестиваля льда и снега, посвященного в этот раз российской тематике. Провинцию Хэйлуцзян также посетили губернатор Камчатской области М.Б.Машковцев и губернатор Приморского края С.М.Дарькин. В Харбине открылась совместная аспирантура ДВГУ и Хэйлуцзянского университета. Делегация Магадана приняла участие в конференции зимних городов мира в г. Тунхуа.

21-22 февраля 2006 года в Харбине состоялась I Международная научно-практическая конференция по актуальным проблемам офтальмологии, подготовленная ФГУ «МНТК «Микрохирургия глаза» имени академика С.Н.Федорова» совместно с Харбинским медицинским университетом.

Всего за январь-февраль в рамках Года России в Китае прошло около тридцати мероприятий. Из культурных акций можно выделить состоявшиеся в Пекине в Доме народных собраний выступления Санкт-Петербургского балета Б.Эйфмана, которые получили широкий общественный резонанс. В целом количество и качество уже прошедших мероприятий позволили говорить об успешном старте Года России в Китае.

Состоявшийся в марте с.г. официальный визит в КНР Президента России В.В.Путина, в ходе которого прошла церемония официального открытия Года, был насыщенным и плодотворным.

В рамках визита главы российского государства состоялся российско-китайский экономический форум. О масштабе мероприятия красноречиво говорит перечень организаций, принявших участие в его подготовке. С российской стороны — это Минэкономразвития, российская часть Российско-Китайского делового совета, ТПП России, Союз промышленников и предпринимателей, многочисленные российские предприятия.

Экономический форум дал мощный импульс многочисленным мероприятиям деловых кругов двух стран, которые пройдут по всему Китаю вплоть до другого кульминационного события — запланированной на ноябрь Национальной выставки России. Она призвана продемонстрировать достижения нашей страны в промышленности, науке, медицине и других областях. Российские предприятия готовятся к широкому участию в Харбинской торгово-экономической ярмарке, Международной ярмарке высоких технологий в Шэньчжэне, Шанхайской международной промышленной ярмарке и других основных торговых и промышленных ярмарках Китая. Важным шагом, который позволит увеличить привлечение китайского капитала в Россию, обещает стать проведение Российской инвестиционной недели. Российские туристические компании будут единым стендом представлены на Шанхайской, Пекинской и Гонконгской международных туристических ярмарках.

Предметом особой гордости является культурная составляющая, которая безусловно станет украшением Года России в Китае. В октябре 2005 года Федеральное агентство по культуре и кинематографии подписало с Министерством культуры КНР соглашение о проведении Фестиваля российской культуры в рамках Года и совместно с продюсерским центром Стаса Намина подготовило разнообразную программу, которая включает выступления артистов Большого и Мариинского театров, экспозиции коллекций Эрмитажа и Третьяковской галереи, джазовые концерты оркестра Олега Лундстрема и Игоря Бутмана, гастроль ряда известных драматических театров, Неделю российского кино, выступление группы «Мумий тролль», светомузыкальное шоу Московского симфонического оркестра и т.д. В Китае планируют также приехать лучшие российские танцевальные коллективы — Государственный ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева и Академический ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А.В.Александрова, а также ансамбли народного творчества из регионов России.

Программа Фестиваля российской культуры гармонично распределила мероприятия по всему календарю Года России в Китае, выделив при этом ряд ключевых событий: открытие Года, празднование Дня молодежи в мае, празднование Дня России 12 июня, саммит ШОС в Шанхае 15 июня, празднование годовщины установления дипломатических отношений между Россией и Китаем в сентябре — октябре и закрытие Года.

В качестве почетного гостя Россия примет участие в Пекинской международной книжной ярмарке. Это событие, возможно, станет настоящим прорывом для российско-китайского сотрудничества в области книгопечатания и издательского дела.

Множество проектов осуществляется по общественной линии: поездка в Китай делегации Российского совета ветеранов, форум женщин России и Китая, российско-китайский молодежный форум и другие мероприятия.

Наряду с представленными выше экономическим и гуманитарным блоками мероприятий следует обратить внимание на самое широкое участие российских регионов в программе Года России в Китае. Запланированы полномасштабные презентации субъектов Российской Федерации и целых федеральных округов. При этом необходимо подчеркнуть, что наряду с традиционно сотрудничающими с Китаем Сибирским и Дальневосточным федеральными округами в проведении Года России примут активное участие регионы центральной и европейской частей РФ. Запланированы яркие программы в рамках Дней Москвы в Пекине и Дней Санкт-Петербурга в Шанхае.

Год России в Китае только начался. Однако можно с уверенностью говорить о том, что он, как и следующая 2007 — Год Китая в России — станет уникальным событием в истории двухсторонних связей наших стран.

1. Решение о проведении Года России в Китае в 2006 году и Года Китая в России в 2007 году зафиксировано в Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, принятой Президентом Российской Федерации В.В.Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 14 октября 2004 года, а также в Планах действий по реализации положений российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2005-2008 гг.
2. Оргкомитет образован в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 277-рп от 24 июня 2005 г. "О проведении Года Российской Федерации в Китайской Народной Республике и Года Китайской Народной Республики в Российской Федерации".
3. В состав Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая входят: подкомиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, подкомиссия по научно-техническому сотрудничеству, подкомиссия по сотрудничеству в области энергетики, подкомиссия по сотрудничеству в области транспорта, подкомиссия по сотрудничеству в области ядерной энергетики, подкомиссия по межбанковскому сотрудничеству, подкомиссия по сотрудничеству в области космоса, подкомиссия по связи и информационным технологиям.
4. В состав Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта входят: подкомиссия по сотрудничеству в области образования, подкомиссия по сотрудничеству в области культуры, подкомиссия по сотрудничеству в области здравоохранения, подкомиссия по сотрудничеству в области спорта, подкомиссия по сотрудничеству в области туризма, рабочая группа по сотрудничеству в области средств массовой информации, рабочая группа по сотрудничеству в области кинематографии, рабочая группа по сотрудничеству в области архивного дела.

Российский вектор в глобальной китайской миграции

© 2006

В. Портяков

Сокращение населения в Российской Федерации в целом и на российском Дальнем Востоке в особенности вызывает повышенную обеспокоенность части граждан страны не только само по себе, но и в связи с опасением возможного крупномасштабного притока мигрантов из соседнего Китая, являющегося с населением в 1,3 млрд человек самым многонаселенным государством планеты. И хотя реальная ситуация, характеризующаяся в настоящее время скромными размерами китайской диаспоры в России, не дает каких-либо оснований для алармистских и тем более для панических настроений, тем не менее, разного рода спекуляции вокруг проблемы китайской миграции в нашу страну не прекращаются, причем в последнее время все более четко прослеживается их главная цель — помешать полноформатному российско-китайскому стратегическому партнерству в политике, экономике, образовании, культуре, не допустить дальнейшего сближения наших стран и народов.

Весьма показательна в этом отношении статья "Угроза по соседству" из интернет-газеты "Взгляд" от 4 августа 2005 г. Публикация цитирует слова некоего "известного политолога" Пьера Бьюкенена: "Русские вымирают, а китайские мужчины уже сегодня превосходят числом китайских женщин брачного возраста на 40 миллионов человек. Они не будут сидеть дома. России есть от чего занервничать"¹. Нагнетают страсти и некоторые российские журналисты и политологи. Долгие годы в России сетовали на незначительный объем китайских инвестиций в нашу экономику. Стоило, однако, договориться о сооружении в Санкт-Петербурге "под ключ" строителями из Шанхая многофункционального комплекса "Жемчужина Балтики" с суммарным объемом китайских инвестиций в 1,3 млрд долл., как журналист Дмитрий Крылов заявил в статье "Незамеченная война" в журнале "Российская Федерация сегодня", будто "мы имеем дело с целенаправленной... политикой окитаивания второго по размеру русского города"². Свообразным апогеем антикитайской риторики в российских СМИ можно, наверное, считать статью Александра Храмчихина — заведующего аналитическим отделом Института политического и военного анализа — "Желтое господство. Захват Китаем Сибири — не "страшилка", поскольку другого выхода у него просто нет", опубликованную в августе 2005 г. в "Политическом журнале". Политолог прогнозирует ни много ни мало превращение Востока России ("в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, в худшем — к востоку от Урала") в ближайшие десятилетия в гигантское "Косово" и его трансформацию в "часть Китая" в "экономическом, финансовом и административно-политическом отношении"³.

Нельзя, однако, не заметить, что страхи в России перед “угрозой массовой китайской миграции” мало-помалу начинают ослабевать. Все слышнее становится голос представителей научного сообщества, с середины 1990-х годов последовательно выступающего против нагнетания страстей по данному поводу и достаточно единодушно отстаивающего точку зрения, что китайская иммиграция “в настоящее время существенно не влияет на демографические показатели Дальневосточного региона и при определенном квотировании в дальнейшем... не противоречит геополитическим интересам России”⁴. Как весьма отрадный факт следует расценить публикацию в одном из наиболее популярных печатных изданий страны — газете “Известия” — сравнительно объективной статьи Дмитрия Филимонова “Китайцы идут”, вызвавшей многочисленные отклики читателей и специалистов⁵. Можно сказать, что мифы и навязываемые стереотипы о китайской миграции в Россию постепенно размываются и замещаются адекватным пониманием ее характера как миграции почти на все сто процентов временной, по крайней мере, на современном этапе⁶. Пожалуй, наиболее точно суть этого явления выразил журналист Виталий Куренной: “... Российская территория — это не вождельный край для жаждущих поселиться там китайцев, и поездки в Россию — просто вынужденная экономическая необходимость”⁷.

Это чрезвычайно важное обстоятельство косвенно подтверждается явно ассиметричным российскому вниманию китайских СМИ к проблеме китайской миграции в Россию. В первой половине 2005 г. специально этой теме в Китае были посвящены всего несколько публикаций против на порядок большего количества статей в российских СМИ. В подборке материалов о России из китайских газет и журналов, которую готовит с периодичностью четыре раза в месяц Консультационно-информационный центр Народного университета Китая (Пекин), представлены всего три статьи о китайской миграции в Россию. Это журнальная статья Ян Юньму “Анализ тенденций экспорта трудовых услуг из Китая в Россию в последнее время”⁸ и газетные статьи “Современное состояние китайско-российского сотрудничества в сфере трудовых услуг”⁹ и “Миграция: угроза или богатство?”¹⁰. К ним можно добавить статью Дэн Ланьхуа и Чжан Хун “Китайские эмигранты и китайцы в России и миграционная политика Российской Федерации” из не попавшей в подборку Народного университета журнала “Исследование истории зарубежных китайцев”¹¹ да примыкающую к теме публикацию Чэн Ицзюнь “Анализ демографической ситуации в Российской Федерации в 2004 г.”¹². Среди публикаций предыдущих лет можно упомянуть, пожалуй, лишь разделы Чжан Цзунхуа, Ли Чуаньсюня и Инь Цзяньпина в сборнике “История и современное состояние китайско-российских отношений”, подготовленном на основе научной конференции китайских специалистов по России в августе 2003 г. в г. Харбине¹³.

И этим перечнем, по сути дела, исчерпывается. Конечно, можно было бы предположить, что в Китае просто-напросто стремятся не привлекать особого внимания к щекотливой проблеме, способной бросить тень на в целом успешно развивающиеся отношения с Россией. Однако количество публикаций по еще более острой теме — двустороннему сотрудничеству в нефтяной сфере и перспективам строительства нефтепровода из России в Китай — просто огромно, при этом китайские СМИ сплошь и рядом руководствуются в своих оценках ситуации исключительно интересами Китая, а отнюдь не соображениями дипломатического этикета. Так что причина в другом. Русская пословица справедливо утверждает: “У кого что болит, тот о том и говорит”. Проблема стабильного получения крупных объемов нефти из России является для Китая стратегически важной, “больной”, поэтому о ней пишут много и постоянно. Проблема же миграции своих граждан в Россию столь же существенной для Китая, то есть “больной”, не является. Именно поэтому о ней особо и не говорят. По данным китайской статистики, в 2002 г. стоимостной объем китайско-

российского сотрудничества в сфере трудовых услуг составил 85,5 млн долл., или 2,8% общего объема такого сотрудничества Китая с зарубежными странами. На конец 2002 г. в России находились 12060 китайцев, оказывавших трудовые услуги, или 2,9% общего количества китайцев, оказывавших трудовые услуги за рубежом. По этим показателям Россия среди партнеров Китая занимала соответственно 10-е и 15-е место¹⁴. Разумеется, как справедливо констатируют в китайских СМИ, теория “китайской угрозы”, имеющая хождение в России, сдерживает развитие двустороннего сотрудничества в сфере трудовых услуг¹⁵. Однако факт остается фактом: Россия в настоящее время не является приоритетным направлением глобальной китайской миграции, играя в этом процессе второстепенную роль.

Зарубежная китайская миграция как массовый феномен насчитывает уже два столетия. Исторически первый и основной миграционный поток составили китайские торговцы (*хуашан*). С середины 19-го века начался экспорт китайской рабочей силы (*кули*, *хуагун*), представленной в основном мужчинами-крестьянами, обслуживавшими золотоискателей (розничная торговля, стирка и т. п.) на приисках в Америке, Австралии, Южной Африке.

Известное понятие *хуацяо*, которое ныне зачастую применяют ко всем зарубежным китайцам, проживающим вне КНР и Тайваня, исторически обозначало высокообразованных китайцев, выезжавших в Юго-Восточную Азию для ведения культурно-преподавательской деятельности среди лиц китайского происхождения.

Наконец, выделяются также *хуаи* — потомки лиц китайского происхождения, мигрирующие из одной зарубежной страны в другую.

С учетом населения Гонконга мировая численность китайских эмигрантов оценивалась в начале 1980-х годов (когда миграция из КНР еще была незначительной) в 26,8–27,5 млн человек, а в 1990 г. — в 36,8 млн человек. Присутствие китайцев было отмечено в 136 странах, при этом самые многочисленные группы лиц китайского происхождения проживали в Индонезии (7,3 млн человек, или 20% от общего числа китайцев), Таиланде (5,7 млн человек, 15%). Что касается доли китайцев в общем населении, то, помимо Гонконга, Макао и Сингапура, она была наиболее высокой в таких странах, как Малайзия (порядка 30%), Таиланд (10%), Бруней (17%), Индонезия (4%). В США доля китайцев составляла 66 человек на 10 тысяч общего населения, т. е. 0,66%, в Канаде — 2,59% и в Австралии — 1,78%¹⁶.

Если на протяжении тридцати лет после образования КНР эмиграция из страны практически отсутствовала, то с провозглашением политики реформ и открытости ситуация заметно изменилась, и ныне Китай оценивается как один из крупнейших “мигрантодателей” в мире.

По оценке Чэнь Сюжун (Институт географии и ресурсов АН КНР) с конца 1970-х годов из КНР выехало за рубеж на де-факто постоянное жительство в общей сложности 1,7 млн человек, в том числе 700 тысяч человек — в Европу, 500 тысяч — в США, 200 тысяч — в Канаду. Эмиграция из Гонконга за этот период составила 830 тысяч человек, из Тайваня — около 1 млн человек, из “трех стран Индокитая” (речь идет о лицах китайского происхождения, эмигрировавших из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) — 700 тысяч человек¹⁷.

В результате, по некоторым экспертным оценкам, учитывающим широкий круг источников, по состоянию на 2002 г. численность лиц китайского происхождения в мире вне территорий КНР, Тайваня, Гонконга и Макао достигла примерно 39 млн человек. Хотя их наибольшая часть — почти три четверти — была, как и ранее, сосредоточена в Юго-Восточной Азии, однако нельзя не отметить существенного увеличения присутствия этнических китайцев в Канаде (1,4 млн человек, 4,51% общего населения страны), США (соответственно 3,1 млн человек и 1,09%) и Австралии (570 тыс. человек, 2,44%)¹⁸.

Международная организация по миграции (ИОМ), работающая на китайском направлении в тесном сотрудничестве с правительственными ведомствами КНР, выделяет *три основные категории граждан страны, покидающих ее на длительный срок*. Это выезд за рубеж на учебу или стажировку, выезд на постоянное жительство и временная трудовая миграция на основе официальных контрактов. Китайские ведомства достаточно точно фиксируют количество граждан, выезжающих на учебу и стажировку за рубеж — за 1979–2003 гг. в общей сложности по этой линии выехали из страны 700,2 тыс. чел., из которых вернулись 172,8 тыс. чел. (данные Министерства персонала КНР). По данным ряда исследователей, самым низким был процент возвращающихся на родину после учебы в США — для периода 1979–1998 гг. — 18,8% по сравнению с 50% возвратившихся после учебы в Японии и Канаде и 62,5% — из Великобритании¹⁹.

Международная организация по миграции оценивает количество выходцев из КНР, осевших на постоянное жительство за рубежом, в 62 тысячи человек в 2000 г., 70 тысяч — в 2001 г. и 118 тысяч человек — в 2002 г.

Через выдачу загранпаспортов неплохо налажен и учет трудовой миграции на основе официальных контрактов — 442,2 тысячи человек на конец 2002 г. и 550 тысяч человек по состоянию на конец 2003 г. (данные министерства труда и социального обеспечения КНР)²⁰.

В то же время, огромные масштабы внутренней миграции (в 2003 г. находились на заработках вне дома на срок свыше 6 месяцев 121 млн человек) и растущий поток временных выездов граждан КНР за рубеж (в 2004 г. он составил 28,85 млн человеко-раз, в т.ч. около 23 млн — частные поездки)²¹ делают задачу тотального учета всех категорий мигрантов весьма непростой. Следует, однако, отметить, что с такой функцией неплохо справляется ряд стран-реципиентов, например, Германия, где имеется четкая картина китайской иммиграции с разбивкой по регионам и возрастам. Так, на конец 2003 г. в Германии проживало 76743 китайца, в т.ч. 42884 — мужского пола. Наиболее крупные контингенты были сосредоточены в землях Северный Рейн-Вестфалия (16694 человека) и Баден-Вюртемберг (10765 человек). Об усилении миграционного притока китайцев свидетельствует то обстоятельство, что 35412 человек проживало в Германии от одного года до четырех, и 11462 человека — менее года. Германское гражданство в 2003 г. получили 1311 выходцев из КНР, 86 — из Тайваня²².

Наряду с выездом граждан из КНР по легальным каналам имеет место и определенная нелегальная эмиграция китайцев, как правило, с целью последующего трудоустройства за рубежом. Широкою огласку и большой международной резонанс получила гибель в 2001 г. 58 нелегалов из Фуцзяни, задохнувшихся в трейлере при переправке паромом из Франции в Великобританию.

Существенный вклад в общую картину “на глазах усиливающегося присутствия китайцев” за рубежом вносят все более многочисленные во многих странах мира китайские туристы, даже несмотря на то, что они никоим образом не относятся к категории мигрантов. На уровне обыденного сознания подобная “тонкость”, как правило, игнорируется.

Все вышеперечисленные *категории лиц китайского происхождения* в той или иной степени представлены и в России.

По данным всероссийской переписи населения 2002 г., в Российской Федерации насчитывалось 35 тысяч китайцев, из них 30 тысяч — граждане КНР²³. В 2003 г. из КНР на постоянное жительство в Россию прибыло 346 человек (при общем количестве иностранцев, переселившихся в РФ, 129144 человек, из них 119661 человек — из республик СНГ). Одновременно из России в КНР на постоянное жительство отбыли 98 человек²⁴.

В России в настоящее время одновременно обучаются примерно 12 тысяч студентов и аспирантов из КНР, причем подавляющее большинство из

них — на собственные средства. В отличие от начала 1990-х годов, когда немало китайцев, получавших студенческую визу, на самом деле занимались “челночной торговлей”, ныне это — настоящие студенты, возможно, и подрабатывающие, помогая торговцам, но нацеленные именно на получение высшего образования или ученой степени, а не на занятие бизнесом. Практически все они своевременно возвращаются в Китай по завершении образования.

Наиболее крупный контингент китайцев в России составляют трудовые мигранты, занятые в торговле, строительстве, лесозаготовках, сельском хозяйстве, ресторанном деле, медицинском обслуживании. В 2005 г. Федеральная миграционная служба Министерства внутренних дел РФ обнародовала свежие данные о количестве китайских трудовых мигрантов в России (едва ли не впервые после 1994 г., когда ФМС была самостоятельным ведомством). В 2004 г. на основе 460364 выданных иностранцам разрешений на работу в России было зарегистрировано 94064 китайцев, прибывших в РФ для оказания трудовых услуг — второй по численности контингент иностранцев этой категории после граждан Украины (108615 человек). На последующих местах располагались граждане Турции (48007 чел.), Вьетнама (41816 чел.), Узбекистана (24101), Таджикистана (23282), Молдовы (22689), КНДР (14736 человек)²⁵. Для сравнения: в 2000 г. по линии оказания трудовых услуг в России, по данным ФМС, работали 26222 гражданина КНР²⁶. Рост за период 2001-2004 гг. количества привлеченных к оказанию трудовых услуг в России китайцев в 3,6 раза убедительно свидетельствует, на наш взгляд, об объективной заинтересованности обеих стран в определенном развитии этой формы сотрудничества.

Наиболее крупные контингенты оказывающих трудовые услуги китайцев сосредоточены в Москве и в южном регионе российского Дальнего Востока. Так, в Москве численность граждан КНР, имеющих подтверждение на право трудовой деятельности, составила 7,2 тыс. чел. в 2000 г.; 14,9 тыс. чел. в 2001 г.; 17,5 тыс. чел. в 2002 г.; 26,2 тыс. чел. в 2003 г. и 35 тыс. чел. в 2004 г.²⁷ На Дальний Восток в 2003 г. официально привлекались в качестве рабочей силы около 50 тысяч иностранцев²⁸, а в 2004 г. — около 40 тысяч²⁹. Традиционно примерно две трети из них составляют граждане КНР, большинство остальных — граждане КНДР и Вьетнама, в Якутии также работают строители из Турции. В частности, на территории Хабаровского края на 1 ноября 2005 г. было зарегистрировано 14839 граждан КНР³⁰. В Приморский край в 2004-2005 гг. ежегодно приглашали на работу по 15 тысяч иностранцев, а в 2006 г. такие разрешения получают 16,5 тысяч человек³¹ (в 2006 г. в целом по России согласно утвержденной Правительством РФ квоте иностранцам гражданам должно быть выдано 329,3 тысячи приглашений на работу³²). В Амурской области в 2004 г. работали 9 тысяч иностранцев, в т.ч. 6 тысяч человек — граждане КНР³³.

Несомненно, в ближайшие годы вслед за достижением соглашения о безвизовых групповых турпоездках из КНР в Россию с 25 августа 2005 г. следует ожидать существенного увеличения притока китайских туристов. В 2004 г. в качестве туристов Россию посетили 283,8 тысяч граждан КНР³⁴.

Наибольшие споры в России вызывает вопрос о численности находящихся здесь нелегальных китайских мигрантов. Общая посылка, согласно которой в стране “легально трудится лишь каждый десятый эмигрант”³⁵, видимо, вполне справедлива для граждан Молдовы и Таджикистана, нередко экстраполируется и на китайцев. Между тем в настоящее время физические каналы для нелегального проникновения сколько-нибудь значительных количеств граждан КНР на территорию РФ просто-напросто отсутствуют, а с введением миграционных карт для иностранцев резко сократились и возможности для них “задержаться” в России после истечения действия срока визы. Вряд ли случайно сообщения российских СМИ о задержании и выдворении китайцев-нелегалов в последние годы крайне немногочисленны. В частности, РИА “Новости” сообщало о задержании пограничниками 16 мая 2005 г. в Курской области

на границе с Украиной грузовика с тайником, в котором находились 27 китайцев. Вскоре там же задержали еще шестерых китайцев³⁶. По сообщениям агентства Интерфакс, 11 января 2006 г. по решению суда регулярным авиарейсом из аэропорта Шереметьево-2 в Китай был отправлен 61 гражданин КНР, находившийся в России нелегально³⁷. Возможно, китайцы были также в числе иностранных граждан, выдворенных в 2004 г. из Хабаровского края (всего 500 человек), Приморского края (470) и Сахалинской области (около 100 человек)³⁸. И это, похоже, все... Для сравнения: из одной только Москвы в 2004 г. за нарушение миграционного законодательства был выдворен 49821 иностранец³⁹.

Основными особенностями *современной официальной миграционной политики КНР* являются содействие укреплению своих позиций на мировом рынке трудовых услуг, борьба с нелегальной эмиграцией, активная защита прав китайских граждан за рубежом, поощрение осевших за границей ученых к возвращению на родину.

В целом Китай заинтересован в расширении экспорта трудовых услуг, который не только способен смягчить безработицу в стране, но и выступает важной составной частью стратегии выхода национального китайского бизнеса вовне (была выдвинута в 2000 г. тогдашним лидером страны Цзян Цзэминем). КНР активно ратует за создание зон свободной торговли различной конфигурации с ее участием, которые, среди прочего, предусматривали бы и принцип более свободного перемещения рабочей силы. В Китае исходят из того, что нынешняя доля страны в мировом рынке трудовых услуг (порядка 1%) не соответствует потенциальным возможностям и демографическому весу Китая, и намерены предпринимать последовательные усилия по укреплению своей конкурентоспособности в данном сегменте мирового рынка. Этому, в частности, призвана способствовать введенная в 2002 г. упрощенная процедура выдачи загранпаспортов гражданам КНР и их выезда из страны. По итогам 11 месяцев 2005 г. объем операций в рамках предоставления Китаем трудовых услуг составил 4,11 млрд долл. — на 30,7% больше, чем за аналогичный период 2004 г. На работу за границу выехали 220 тысяч человек (рост на 10 тыс. чел.). Общее количество направленной Китаем за рубеж рабочей силы по состоянию на конец ноября 2005 г. достигло 560 тыс. чел. — на 29 тыс. чел. больше, чем на конец 2004 г.⁴⁰

Одновременно власти КНР существенно активизировали борьбу с нелегальной эмиграцией и пресечение деятельности так называемых “змеиных голов” — главарей подпольных сетей по переправке граждан КНР за рубеж. Так, в ходе спецоперации, проходившей с 25 марта по 25 июня 2004 г., правоохранительные органы КНР задержали свыше 5 тысяч нелегалов и более 400 организаторов их переправки за границу.

Новое китайское руководство во главе с Ху Цзиньтао провозгласило стержнем своей внутренней и внешней политики принцип “брать человека за основу”, что способствовало заметно более жесткой, чем раньше, защите китайской дипломатией интересов своих граждан за рубежом. В частности, 4 ноября 2004 г. в Пекине была создана Объединенная конференция по безопасности находящихся за границей граждан и организаций КНР в составе представителей ряда министерств и ведомств Госсовета КНР⁴¹. Защита законных прав и интересов находящихся за рубежом граждан КНР провозглашена одной из главных функций действующих за границей консульских учреждений КНР. При этом особое значение придается работе с лицами, выезжающими по линии экспорта Китаем трудовых услуг в связи с ростом разного рода споров и разбирательств в этой сфере, в том числе и из-за недобросовестности компаний, занимающихся данным видом деятельности⁴².

Такой подход в полной мере относится и к трудовым мигрантам из КНР, находящимся в России. Официальные китайские власти настоятельно предписывают приехавшим в Россию китайцам строго соблюдать установлен-

ные в РФ правила регистрации иностранцев, даже несмотря на возможные препоны в виде очередей и различные проволочки в местных паспортных столах. Одновременно гражданам КНР, проживающим в РФ на законных основаниях, рекомендовано активно отстаивать свои права в случае незаконных придинок к ним или вымогательства тех или иных российских лиц или служб. Примером может служить указание Генконсульства КНР в Хабаровске от 8 октября 2004 г., распространенное по интернет-сети МИД КНР. В нем гражданам КНР рекомендовалось в случае неправомочных действий российской милиции при проверке документов немедленно связываться с компетентными властями г. Хабаровска. При этом в указании были приведены адреса и телефоны Отдела собственной безопасности УВД Хабаровского края, Прокуратуры, Дальневосточного УВД на транспорте и т. д.⁴³

Власти КНР весьма жестко отреагировали на столкновение в Иркутске 11 мая 2005 г. сил российской милиции и китайских рабочих (их документы были сданы в тот момент на продление), в результате которого телесные повреждения получили 20 китайцев и 4 милиционера⁴⁴. Инцидент получил широкую огласку в китайских электронных СМИ. Министерство иностранных дел выразило по поводу инцидента "серьезную озабоченность правительства КНР"⁴⁵. Заместитель заведующего консульским отделом МИД КНР в экстренном порядке встретился с представителем Посольства РФ в Пекине и потребовал "наказать виновных в разжигании конфликта, а также сделать все возможное, чтобы подобные инциденты не повторялись"⁴⁶.

В последние годы участились трения вокруг находящихся за рубежом китайских торговцев и бизнесменов, которые, похоже, традиционно составляют в ряде стран основную часть лиц китайского происхождения.

Усиление экономических позиций китайских торговцев и производителей за рубежом нередко сопровождается различными конфликтами, вплоть до уничтожения импортируемых из КНР на местный рынок товаров. В последние годы наиболее острые коллизии в этом плане возникали в Италии и Испании.

Конфликты вокруг массового импорта потребительских товаров из Китая по линии так называемой "народной торговли" периодически случаются и в России. Основная претензия российских властей (прежде всего Министерства экономического развития и торговли и Государственного таможенного комитета) заключалась в том, что поступающие по этой линии китайские товары облагались таможенными сборами не по их реальной стоимости, а по минимальной ставке, что вело к недополучению налогов и сбыту китайских товаров на российском рынке по заниженным ценам, ущемлявшим интересы отечественных производителей и бизнесменов, импортировавших аналогичные товары из других стран. Китайская сторона оправдывала применение схем так называемой "серой растаможки" (когда ставка таможенной пошлины на груз устанавливалась по весу, а не дифференцировалась в зависимости от ассортимента поставляемого товара) прежде всего тем, что российские бизнесмены и предприятия, импортировавшие товар, не предоставляли китайским партнерам юридически легитимных таможенных деклараций.

В апреле 2004 г. Государственный таможенный комитет РФ попытался разрубить "гордиев узел", увеличив минимальную таможенную стоимость китайских импортных грузов, используемую для расчета взимаемых пошлин, с 0,2-1,4 доллара до 3,5 доллара за килограмм. Де-факто таможенным постам было запрещено оформлять китайский импорт с декларируемой стоимостью менее 3,5 доллара за килограмм⁴⁷.

В свою очередь, в Китае попытались решить проблему более радикальным образом, ужесточив контроль за всей цепочкой прохождения товара от производителя к посреднику и далее к экспортеру и тем самым сняв значительную часть претензий российской стороны. Утвержденный в сентябре 2004 г. Госсоветом КНР документ "Некоторые мнения о дальнейшем упорядо-

чении методов торговли с Россией” ориентировал китайских бизнесменов, вовлеченных в “народную торговлю” с Российской Федерацией, на соблюдение “трех законностей”: законно оформленные документы торговцев, находящихся в России, законные источники товаров, законное ведение бизнеса. Одновременно документ ориентировал Министерство торговли, посольства и консульства КНР в РФ на защиту законных прав и интересов китайских предприятий и граждан в России⁴⁸.

Однако ситуацию с “народной торговлей” полностью нормализовать не удалось, доказательством чего стала конфискация российской милицией партии китайской обуви на сумму 80 млн юаней 12 марта 2005 г. на товарном рынке “Садовод” на юге Москвы под предлогом невыполнения нормальных таможенных формальностей при ввозе товара в Россию. В связи с этим Министерство торговли КНР потребовало от российских властей “защитить законные интересы китайских предприятий и коммерсантов в России”, “нанести удар по незаконным посредническим компаниям по взиманию таможенных пошлин” и “предотвратить в будущем перекалывание ответственности за нарушение закона на предприятия и коммерсантов китайской стороны”⁴⁹. На состоявшемся в Пекине 10 августа 2005 г. втором заседании китайско-российской рабочей группы по нормализации торгового порядка (учреждена в 2004 г.) стороны наметили такие меры по оздоровлению двусторонней торговли, как обмен таможенными данными, упорядочение таможенного обслуживания китайских предприятий в России, подключение к участию в деятельности совместной рабочей группы представителей российских правоохранительных органов⁵⁰.

Можно предположить, что дальнейшая активизация деятельности китайского бизнеса за рубежом в рамках реализации стратегии “выхода во вне” — а к концу 2005 г. за пределами КНР создано в общей сложности уже более 10 тысяч предприятий с китайским капиталом⁵¹ — объективно выводит именно защиту прав и интересов предпринимателей на приоритетное место во всей работе китайского правительства по обеспечению безопасности соотечественников за рубежом.

Перспективы увеличения числа китайских мигрантов, в т. ч. в Россию, зависят от сочетания и особенностей действия многих факторов, среди которых наиболее важными представляются следующие.

1. Развитие демографической ситуации в Китае. Хотя численность населения КНР согласно прогнозам будет продолжать расти до максимума примерно в 1,5-1,6 млрд человек, выход на который ожидается около 2040 г., нельзя не отметить снижения естественного прироста населения в стране с 16,61 промилле в 1987 г. до 5,87 промилле в 2004 г.⁵² При сохранении близкой к нынешней высокой динамики развития народного хозяйства, нарастающем ускорении процессов урбанизации и старения населения КНР имеет хорошие шансы, как минимум, не допустить повышения уровня безработицы и даже снизить его. Вместе с тем, дальнейшая структурная перестройка народного хозяйства может сопровождаться выбросом достаточно крупных контингентов рабочей силы из сельского хозяйства, угольной промышленности, а при спаде темпов роста — из строительства и ряда отраслей перерабатывающей промышленности. Поэтому как минимум в ближайшее десятилетие КНР с демографической и структурно-экономической точек зрения сохранит значительный миграционный потенциал, в т. ч. в границах с Россией провинция Северо-Востока⁵³.

2. Ведущие тенденции развития мировой демографической ситуации. По прогнозу Комитета ООН по экономическим и социальным вопросам (ЭКОСОС), подготовленному в 2004 г., население планеты, достигшее в настоящее время 6,5 млрд человек, к 2050 г. увеличится на 2,5 млрд человек, при этом население Европы сократится на 7%, а 90% прироста придется на Азию (1,3 млрд человек) и Африку (1,1 млрд человек). Суммарный потенциал миграции за период 2005-2050 гг. оценен в 98 млн человек, или около 2 млн человек

ежегодно. Главными реципиентами мигрантов выступают США (1,1 млн человек ежегодно), Канада и Германия (по 200 тысяч), Австралия (100 тысяч человек). Главными поставщиками мигрантов являются, согласно прогнозу, Китай — 327 тыс. человек ежегодно, Мексика (293 тыс.) и Индия (241 тыс. человек)⁵⁴.

Что касается России, то Всемирный банк считает внешнюю иммиграцию порядка миллиона человек трудоспособного возраста ежегодно (именно столько требуется для полномасштабной компенсации сокращения населения) одним из главных условий ее устойчивого экономического роста⁵⁵.

3. Разрыв в уровне жизни населения в Китае и за рубежом продолжает оставаться одним из побудительных мотивов эмиграции, но его значение мало-помалу снижается. Доходы городского населения в КНР растут достаточно быстро. Среднегодовая заработная плата рабочих и служащих в расчете на одного человека за 2004 г. превысила 16 тысяч юаней⁵⁶, т. е. составила фактически около 2000 долларов США. Формально средняя зарплата в России (250 долл. в месяц в 2005 г.) в полтора раза выше, но по паритету покупательной способности национальных валют средние заработные платы рабочих и служащих двух стран ныне, самое малое, сравнялись. Поэтому притягательность России для квалифицированных китайских мигрантов падает, а не растет. В то же время, все более притягательными для китайских мигрантов становятся другие, помимо материальных, факторы: возможность иметь за границей нескольких детей, отсутствие перенаселенности, личная безопасность, лучшая экология и т. п. Но эти обстоятельства в сумме также ориентируют основной контингент китайских мигрантов не на Россию. Например, осенью 2005 г. в иммиграционном отделе Посольства Канады в КНР скопилось более ста тысяч заявлений от китайцев на эмиграцию в Канаду⁵⁷. А в Ирландии обучающиеся и работающие там граждане КНР составляют уже 2% населения страны, причем весь их приток пришелся на последние 6-7 лет⁵⁸.

Тем не менее, у ряда китайских регионов и профессиональных групп сохраняется стабильный интерес к реализации трудовых услуг на российский рынок. Наиболее перспективна в этом плане работа в аграрном секторе России. Так, в настоящее время китайские крестьяне обрабатывают 6250 га земли на российском Дальнем Востоке. Провинция Хэйлуцзянь готова направить в ближайшие годы до 10 тысяч растениеводов и животноводов в Приморский и Хабаровский края, Еврейский автономный округ, Амурскую, Сахалинскую области для целей комплексного развития сельского хозяйства, причем 12 тысяч человек уже прошли курс специального обучения⁵⁹. Интерес к привлечению крестьян из КНР растет и в нечерноземных областях России, где деревня становится все более малолюдной. Так, ежегодно по 400 агротехников и крестьян будут направляться из Сычуани в Смоленскую область⁶⁰.

Развитие российско-китайского инвестиционного сотрудничества, увеличение числа предприятий с китайским капиталом также могут привести к некоторому росту числа китайских граждан, предоставляющих трудовые услуги на территории России.

4. Следует, однако, учитывать, что объективно существующий во многих странах мира, в т. ч. в России, спрос на привлечение рабочей силы и в целом мигрантов из-за рубежа реализуется далеко не автоматически. Одним из важнейших препятствий здесь служит мигрантофобия (выражение принадлежит профессору В.И. Дятлову из Иркутска⁶¹), которая в России прямо затрагивает и Китай. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенном 23-34 июля 2005 г. среди 1600 человек, 65,8% опрошенных россиян сочли "скорее опасным" участие китайских фирм и работников в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока, тогда как "скорее полезным" — только 16,8%. И это при том, что 21,9% опрошенных охарактеризовали сегодняшний Китай как дружественное государство, а еще 33,9% — как стратегического и экономического партнера России, да и в перспективе видят Китай союзником (22,4%) или близким парт-

пером (26,3%) заметно больше опрошенных россиян, чем соперником (24,7%) или противником (5,8%)². То есть отношение к китайским мигрантам в России пока хуже, чем отношение к Китаю как к таковому и к российско-китайскому сотрудничеству. Такого рода настроения, чем бы они ни объяснялись, за один день не переломишь, над их устранением надо работать долго и последовательно.

На наш взгляд, ключ здесь — в экономическом развитии России и особенно ее восточных регионов, в создании комфортных или для начала хотя бы просто нормальных экономических и социальных условий для жизни собственных граждан. Средства для этого у России сегодня есть. Тут больше, чем деньги, нужна политическая воля и ориентированная на человека социальная политика. При их наличии выстроить оптимальную для России взаимовыгодную модель миграционного взаимодействия с Китаем не составит труда.

И последнее. Более ста лет назад греческий поэт Константинос Кавафис писал: "Свирепый Посейдон, циклопы, лестригоны тебе не встретятся, когда ты сам в душе с собою их не понесешь и на пути собственноручно не поставишь". Этот совет как нельзя кстати подходит и к ситуации с китайской миграцией в Россию. Нужно не запугивать себя мифами о ней, а скрупулезно и трезво анализировать это явление, с тем чтобы не на уровне слухов, эмоций и подозрений, а на основе фактов судить о масштабах и особенностях, позитивных и негативных аспектах такой миграции для нашей страны.

1. <http://www.vzglyad.ru/print.html?id=2962>, 04.08.2005.
2. Российская Федерация сегодня. М., 2005. Август. № 15. С. 63.
3. Политический журнал. М., 2005. 15 августа. № 27. С. 63.
4. Белорусец К.Р. Миграционные процессы в Дальневосточном федеральном округе // Аналитические обзоры Российского института стратегических исследований. М. 2004. № 1 (4). С. 13.
5. Известия. М., 2005.12, 13 декабря.
6. Показательно, что журнал "Русский Newsweek" в картосхеме современных глобальных миграционных потоков отобразил миграцию из Китая в Россию именно как временную, в отличие от перемещения китайцев в США, Канаду, Австралию, отбраженного как эмиграция // Русский Newsweek. Спец. вып. М. Декабрь 2005 (№ 49) — январь 2006 (№ 1). С. 42-43.
7. Куренной Виталий. Угроза с Востока или механизм доставки товаров? // Политический журнал. М. 2005. 15 августа. № 27. С. 73.
8. Yang Yunmu. Jinqi Zhongguo dui Eluosi laowu shuchu zoushi fenxi. — Eluosi Zhongya Dongou shichang [Рынок России, Центральной Азии и Восточной Европы]. Пекин, 2005. № 3. С. 46-50.
9. Zhong E laowu hezuo xianzhuang — Gonggong Shangwu xinxi daobao [Вестник информации общественной коммерции]. Пекин, 2005. 20 мая.
10. Yimin: weixie haishi caifu? // Caijing shibao. Пекин, 2005. 23-29 мая.
11. Deng Lanhua, Zhang Hong. Eluosi huaqiao huaren yu E Lianbang de yimin zhengce — Huaqiao Huaren Lishi Yanjiu [Overseas Chinese History Studies]. Пекин. 2005. № 2. С. 25-37. В этом же номере журнала опубликованы переводы статей А.Г. Ларина "Китайцы в России: исторический обзор" (с. 1-17) и В.Я. Портякова "Китайские мигранты в России как феномен реальности и объект исследования" (с. 18-24).
12. Cheng Yijun. 2004 nian Eluosi Lianbang renkou zhuangkuang fenxi // Eluosi Zhongya Dongou shichang. Пекин, 2005. № 5. С. 5-10.
13. Zhang Zonghai. 20 shiji 90 niandai chuqi Heilongjiang Zhong E bianjing diqu kuaquo genyuan liudong ji qi fujian yinxiang [Межгосударственные передвижения населения в начальный период 90-х годов XX века в районах, прилегающих к российско-китайской границе в провинции Хэйлунцзян, и его негативное воздействие] // Zhong E guanxi de lishi yu xianshi. Zhengzhou, 2004. С. 584-595; Li Chuanxun. Zhong E pilin diqu jingji hezuo de xianzhuang, wenti he fazhan qianjing [Современное состояние, проблемы и перспективы развития экономического сотрудничества соседних регионов Китая и России] // Там же. С. 780-798; Yin Jianping. Qianxi Yuandong weilai

- fazhan zhong de Zhongguo yinsu [Китайский фактор в будущем развитии российского Дальнего Востока] // Там же. С. 816-830.
14. Eluosi Zhongya Dongou shichang. 2005. № 3. С. 46.
 15. Gonggong shangwu xinxi daobao. 2005. 20 мая.
 16. Poston, Dudley; Mao Xinxiang Michael, Yu Mei-yu. The Global Distribution of the Overseas Chinese Around 1990 // Population and Development Review, New York. V. 20/№ 3 (September 1994). Pp. 631-645.
 17. Chen Xiurong. Haiwai Huaren xin yimin de quanqiuhua yu Zhongguo Xibu da Kaifa [Глобализация новой китайской миграции за рубеж и освоение западных территорий Китая]: ISSCO V. Copenhagen, (5th Conference of the International Society for the Study of Chinese Overseas). 10-14 May 2004.— <http://www.nias/ku.dk/ISSCO5/>
 18. De Vienne, Marie-Sybille. For a Tentative Modelization of the Economic Weight of Overseas Chinese at the Beginning of 3rd Millinium: ISSCO V. Copenhagen, 10-14 May 2004.
 19. Luo Keren. China's Changing International Migration Trends. In: Migration in the Asia Pacific: Population, settlement and citizenship issues. (Ed. by Iredale Robyne et al) — Cheltenham; Northampton (MA), 2003. Pp. 293-302.
 20. См.: Migration in the People's Republic of China — In.: World Migration 2005: Costs and Benefits of International Migration — International Organization for Migration. (Internet Edition). Pp. 125-128.
 21. Zhongguo tongji zhayao 2005 [Краткая статистика Китая 2005]. Пекин, 2005. С. 172.
 22. Oulan yuekan [Ежемесячник "Европейская галерея"]. Штутгарт. 2004, № 8. С. 16 (на кит. яз.).
 23. Труд. М., 2003. 5 декабря.
 24. Cheng Yijun. Цит. раб. Eluosi Zhongya Dongou Shichang. Пекин., 2005. № 5. С. 10 (со ссылкой на "Российский статистический ежегодник 2004". М., 2004. С. 124).
 25. Версия. М., 2005. 22-28 августа.
 26. Российская Федерация сегодня. М., 2005. Сентябрь. № 18. С. 26.
 27. Борзенков Р. Наиболее востребован человек, увы, не с дипломом, а с опытом // Российская миграция. Информационно-аналитический журнал. М., 2005. Ноябрь. С. 42.
 28. См.: Демографическая ситуация и миграционная политика на российском Дальнем Востоке: национальная безопасность, интеграционные процессы, соотечественники за рубежом. (Материалы "круглого стола" 16 декабря 2004 г. в МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 15.
 29. Парламентская газета на Дальнем Востоке. Спец. вып. Владивосток. № 11. 24 сентября-14 октября 2005 г. С. 18.
 30. Известия. 2005. 13 декабря.
 31. Владимирова Е. Желтый лик Приморья // Российская миграция. М., 2005. Ноябрь. С. 17.
 32. Время новостей. 2005. 17 ноября.
 33. Парламентская газета на Дальнем Востоке. Владивосток. № 11. 24 сентября-14 октября 2005 г. С. 18.
 34. Леонов Олег. Китайцев запустят в Россию. <http://www.rbcdaily.ru/news/market/index/shtml?2005/06/20/203634>; Россия будет открыта для посещения китайскими туристами — <http://russian1.people.com.cn/31519/3561276.html>
 35. Версия. 2005. 22-28 августа.
 36. Контрабанда китайцев // Время новостей. М., 2005. 18 мая.
 37. http://www.Interfax.ru/r/B/China/205/html/?menu=8&id_issue=11446789
 38. Ушакова Н.Г. Воздействие миграционного фактора на развитие экономики Дальневосточного федерального округа // Бюллетень иностранной коммерческой информации. М., 2005. 15 марта. С. 3.
 39. http://top.rbc.ru/index.shtml?news/society/2005/01/19/19134653_bod/shtml 19.01.2005
 40. <http://russian1.people.com.cn/31518/4031956.html>
 41. <http://russian1.people.com.cn/31521/2968550.html>
 42. Shi Hongtao. Zhongguo jiang jianli wuxiang jizhi baohu haiwai gongmin anquan — Zhuan fang waijiaobu lingshisi fusizhang Wei Wei [Китай создаст пять механизмов защиты безопасности граждан за рубежом — Визит к заместителю заведующего

- Консульским отделом МИД КНР Вэй Вэю] <http://politics.people.com.cn/GB/1026/3979842.html>
43. <http://www.people.com.cn/GB/guoji/1029/2902838.html>
44. В драке виноваты все // Время новостей. М., 2005. 14 мая.
45. <http://world.people.com.cn/GB/14549/3406738.html>;
<http://russian1.people.com.cn/31521/3389979.html>
46. Сергеев Илья. Истерический ракурс. Российские дипломаты удивлены репортажами китайского телеканала // Время новостей, 2005. 17 мая.
47. <http://top.rbc.ru/index.shtml?/news/policy/2004/04/20/20100354-bod/shtml>
48. Guanyu jinyibu guifan dui E maoyi chixu de guogan yijian [Некоторые мнения о дальнейшем упорядочении методов торговли с Россией] // Guowuyuan gongbao [Вестник Госсовета]. Пекин, 2005. № 28. С. 4-6.
49. Министерство коммерции КНР внимательно следит за делом о конфискации в России китайской обуви — <http://russian1.people.com.cn/31521/3253286.html>
50. <http://russian1.people.com.cn/31518/3610774.html>
51. <http://russian1.people.com.cn/31518/4040009.html>
52. Zhongguo tongji zhaiyao 2005 [Краткая статистика Китая — 2005]. Пекин, 2005. С. 41.
53. Беседы автора в Пекине в октябре 2005 г. показали, что некоторые известные китайские экономисты считают “статистический” уровень безработицы на Северо-Востоке КНР существенно завышенным по сравнению с реальным положением дел, поскольку, по их словам, крупный контингент прописанных в Дунбэе граждан трудоспособного возраста де-факто живет и работает в других регионах Китая или за рубежом.
54. Подробнее см.: Портяков В. Конференция китаеведов Австралии // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4. С. 165.
55. Время новостей. 2005. 17 ноября.
56. Краткая статистика Китая 2005. С. 48.
57. Canada yao zeng 10 wan yimin [Канада увеличит количество иммигрантов на 100 тысяч человек] // Huanqiu shibao. Пекин, 2005. 31 октября. С. 19.
58. Aierlan zhaopin huaren jingcha [Ирландия набирает китайцев для работы в полиции] // Huanqiu shibao. Пекин, 2005. 31 октября. С. 18.
59. <http://russian1.people.com.cn/31521/3523802.html>.
<http://russian1.people.com.cn/31518/3522186.html>.
60. <http://russian1.people.com.cn/31521/3859790.html>.
61. См.: Демографическая ситуация и миграционная политика на российском Дальнем Востоке: национальная безопасность, интеграционные процессы, соотечественники за рубежом. Материалы “круглого стола” 16 декабря 2004 г. в МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 27.
62. Политический журнал. М., 2005. 15 августа. № 27. С. 67; http://top.rbc.ru/index.shtml?/news/policy/2005/0/15/15182538_bod/shtml.

О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене

© 2006

А. Шлындов

(Окончание. Начало в ПДВ №1, 2006 г.)

Жизненно важное значение для России и Китая имеет Централь-но-Азиатский регион (ЦАР). Это связано в первую очередь с тем, что после распада СССР и драматического ослабления позиций России на центрально-азиатском пространстве бывшей сверхдержавы образовался определенный вакуум силы, которым поспешили воспользоваться религиозные экстремистские и террористические организации. В республиках Средней Азии формировались их управленческие структуры, базы военной подготовки и тылового обеспечения. Опасность ситуации усиливало и то, что на определенном этапе произошла смычка между религиозными экстремистскими, сепаратистскими и террористическими группировками и региональными криминальными объединениями, связанными с торговлей наркотиками и оружием, похищением людей и другой опасной преступной деятельностью. Эти террористическо-криминальные синдикаты распространяли свое влияние и на приграничные районы России и Китая, создавая угрозу их безопасности и территориальной целостности.

Серьезное беспокойство России и Китая вызывало и то обстоятельство, что этот регион, примыкающий к границам наших двух стран, был включен американским руководством в список зон, на которые распространяются жизненно важные интересы США. В целях комплексного укрепления стабильности, безопасности и доверия в ЦАР по инициативе Москвы и Пекина была разработана и реализована новая система взаимодействия стран региона, которая после подписания Соглашений об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 г. и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г. между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном с одной стороны и Китаем — с другой, была институционализована в форме так называемой "шанхайской пятерки".

На начальном этапе основной задачей деятельности стран-участниц "шанхайской пятерки" являлась совместная реализация мер доверия, зафиксированных в указанных договорах. Подписание между Россией и КНР Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в статье 14 которого стороны зафиксировали свое стремление способствовать "укреплению стабильности, утверждению атмосферы взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям..., а также созданию в этих регионах соответствующих их реалиям многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества" поставило на повестку дня задачу совершенствования структуры "шанхайской пятерки" с целью приведения ее в соответствие с новыми реалиями, складывающимися в результате поступательного развития системы российско-китайского стратегического взаимодействия.

Итогом решения этой задачи стало создание в 2001 г. странами “шанхайской пятерки”, к которым присоединился Узбекистан, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На учредительной встрече новой организации были утверждены ее базовые документы, а именно: Хартия ШОС, закреплявшая основные направления взаимодействия, спектр которых включал вопросы политики, экономики, безопасности, культуры; “Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом”. Подписание названных документов свидетельствовало о том, что ШОС, будучи универсальной многоплановой организацией, обеспечивающей взаимодействие шести стран Евразийского материка по широкому кругу вопросов, существенное внимание уделяет борьбе с терроризмом и вопросам обеспечения безопасности. Ключевое значение этого направления было подчеркнуто на состоявшейся 26 октября 2005 г. встрече Президента России В.В.Путина с участниками Совета глав правительств ШОС, на которой российский лидер заявил, что борьба с терроризмом и вопросы безопасности должны оставаться важнейшими в Шанхайской организации сотрудничества. Одним из измерений понятия безопасности для стран ЦАР стала проблема устойчивости их государственных и политических систем перед лицом инспирированных США “цветных” революций. При этом “устойчивость” понимается как совокупность военных, экономических, политических, социальных, культурных и других факторов, повышающих сопротивляемость государства и общества, обеспечивающих им достаточный уровень прочности и жизнеспособности.

Укрепившись в Афганистане и имея отдельный форпост в виде военно-воздушной базы в Кыргызстане, куда переводится закрытая по требованию узбекских властей база в Узбекистане, Вашингтон имеет возможность в соответствии с доктриной Буша “распространять демократию” в пределах государств-членов ШОС, организовывая на месте обучение и финансовую поддержку регионального протестного материала в виде оппозиционных правительств представителей местных элит и так называемых “демократических организаций”, которые составляют движущую силу “цветных революций”.

В связи с появлением угрозы “цветных революций”, которые рассматриваются в США в качестве одного из инструментов распространения американского влияния как в мире в целом, так и в отдельных его регионах, в данном случае — на постсоветском пространстве Центральной Азии, обеспечение безопасности в рамках ШОС получило известную антиамериканскую окраску. Китай и Россия объективно стали заинтересованы в создании в лице ШОС геополитического противовеса США в ЦАР.

В свою очередь США в процессе достижения своей долговременной стратегической цели — расширения американского влияния в мире, ставят задачи на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Они для Центральной Азии заключаются в следующем: сохранить военное присутствие в регионе, обеспечивающее возможность как эффективной борьбы с международным терроризмом, так и распространение демократии, противодействовать усилению российско-китайского взаимодействия, приостановить расширение ШОС и ограничить рост ее влияния. В интересах решения указанных задач в США прорабатывается вопрос о создании под эгидой Вашингтона альтернативной ШОС организации, предполагаемое участие в которых Индии и Пакистана, предотвратит расширение ШОС за счет указанных стран, наряду с Ираном и Монголией уже получивших статус наблюдателей этой организации.

Для того, чтобы держать руку на пульсе событий, в реальном масштабе времени отслеживая процессы внутри ШОС, а также для облегчения решения задачи упрочения связей на государственном уровне и по линии неправительственных, в том числе оппозиционных организаций и партий, Вашингтон также пытается войти в состав наблюдателей этой организации. По мнению американского политолога А.Козна, “статус наблюдателя в ШОС поможет Вашингтону укрепить связи и взаимодействие с государствами региона. Тем более, что намерение США оставаться в Центральной Азии в обозримом будущем не подлежит никаким сомнениям”².

В этих условиях помимо создания и проверки на практике новой модели сотрудничества, новых механизмов взаимодействия, ШОС призвана решать и другую немаловажную задачу — способствовать укреплению отношений стратегического партнерства России и Китая, учить наши государства в лице представителей различных министерств, ведомств и т.д. сообща работать в рамках структурно оформленной организации, где они являются неформальными лидерами, уважая и учитывая права и интересы друг друга и других стран-участниц.

Примером такого взаимодействия уже стало проведение летом 2005 г. совместных российско-китайских военных учений "Мирная миссия-2005". Это — свидетельство успешного развития стратегического партнерства наших стран, важным направлением которого является налаживание сотрудничества в военной области. Совместные учения демонстрируют, что российско-китайские связи, в том числе и в военной сфере, выходят на новый более высокий уровень. Россия и Китай — две великие державы — несут ответственность за сохранение мира и безопасности как в глобальном масштабе, так и в регионах. Они намерены реализовать эту ответственность политико-дипломатическими, экономическими и военными средствами.

Военные учения России и Китая как членов ШОС служат практической отработке навыков взаимодействия при выполнении поставленных задач. Кроме того, они имеют принципиально важную значимость для других государств-участников этой организации, особенно небольших экономически и политически недостаточно стабильных, которые не в состоянии самостоятельно организовать эффективный отпор силам международного терроризма, экстремизма и сепаратизма, а также противостоять инспирированным США "цветным революциям". Успешно проведенные совместные военные учения двух крупных и могущественных государств внушают входящим в ШОС малым странам веру в то, что в трудную минуту им будет оказана своевременная и всесторонняя помощь, включая непосредственную военную поддержку. Всему миру учения показали, что ШОС уже прошла период становления и по праву стала эффективной международной организацией, имеющей достаточно надежные механизмы для решения задач политического, экономического и военного сотрудничества. Военное взаимодействие России и Китая в рамках этой организации, налаживание конкретных практических форм такого взаимодействия свидетельствуют о наличии у наших двух стран политической воли к объединению усилий в борьбе с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом в любых их проявлениях и цветowych оттенках.

Согласно сценарию учений, — а в подобного рода сценариях хотя и стараются избежать персонификации возможных участников событий, все же более или менее полно отражается обстановка, которая может реально возникнуть, — Россия и Китай продемонстрировали свою готовность привлечь для противодействия угрозам и вызовам, которые исходят от радикального экстремизма, сепаратизма и международного терроризма все необходимые силы и средства, вплоть до дальней авиации, подводных лодок и надводных боевых кораблей. Это само по себе может оказать решающее воздействие на ход борьбы с указанными явлениями. Наличие хорошо подготовленных и обученных для эффективных совместных действий контингентов регулярных вооруженных сил, оснащенных современным вооружением и военной техникой лишает как самих сепаратистов, экстремистов и террористов, так и те силы, которые их используют в своих целях, всякой надежды на успех, тем самым внося серьезный вклад в укрепление региональной стабильности и безопасности. Таким образом, налаживание практических форм военного взаимодействия России и КНР в рамках ШОС служит обеспечению дополнительных гарантий безопасности и стабильности стран-участниц, создает благоприятные условия их развития, укрепления государственных политических, экономических, социальных и общественных институтов. А это повышает ценность организации не только для каждого из ее участников, но и для других стран региона, обеспечивая благоприятные перспективы развития, расширения и совершенствования ШОС как эффективной международной структуры безопасности и сотрудничества.

Российско-китайское стратегическое партнерство является одним из базовых факторов, определяющих уровень безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Без активного участия России и Китая практически невозможно как нахождение взаимоприемлемых развязок проблем, существующих в АТР, так и обеспечение в нем стабильности и безопасности.

Можно констатировать, что на современном этапе Россия и Китай имеют близкие или совпадающие позиции в отношении роли и места отдельных стран и коллективных международных организаций в системе обеспечения безопасности АТР, в подходах к вопросам урегулирования важнейших региональных конфликтов.

Россия и Китай по многим вопросам разделяют позиции друг друга в отношении Японии. Это связано с тем, что Москва и Пекин в связи с развитием их отношений с этой страной имеют ряд сходных, хотя и не совсем одинаковых проблем. В китайско-японских отношениях существенный конфликтный потенциал имеют разногласия по вопросу принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку) и шельфовой зоны вокруг них, предположительно богатой углеводородными ресурсами. С разной интенсивностью периодически дают о себе знать и проблемы, связанные с различным толкованием истории, главным образом событий, касающихся периода оккупации Японией части Китая и ее действиями в период Второй мировой войны.

Россия имеет с Японией принципиальные разногласия относительно прав на Южно-Курильские острова. Вопросы, касающиеся исторического прошлого взаимоотношений России и Японии за рамками территориальной проблемы также имеют место, но они в российско-японских отношениях не приобретают той остроты, которая существует в японо-китайских.

Китай и Россия на официальном уровне избегают оказывать поддержку друг другу в противостоянии Токио по ряду вопросов их двусторонних отношений, включая территориальные проблемы, тем не менее они, как и в своих отношениях с США, пресекают попытки японского руководства разыгрывать "китайскую" и "российскую карты". Следует отметить, что Китай окончательно потерял интерес к заключенному в 1978 г. между ним и Японией Договору о мире и дружбе, содержавшему статью о противодействии гегемонизму, в которой Москва усматривала антисоветскую направленность. И хотя Пекин официально не дезавуировал указанный документ, китайское руководство дает понять, что этот Договор "скорее мертв, чем жив", т.е. фактически считает указанное соглашение утратившим силу.

По отношению к Японии Китай позиционирует себя как нарождающаяся сверхдержава, которая уже сейчас намерена заявить свои претензии на лидерство в Восточной Азии. Для демонстрации своего несогласия с существующим в регионе статус-кво Пекин периодически нагнетает обстановку вокруг тех или иных вопросов, часто связанных не только с внешнеполитическим курсом Японии, но касающихся ее внутренней политики. Так, Китай не упускает случая, чтобы использовать в интересах оказания давления на Японию факты посещения высшим руководством этой страны храма Ясукуни, где похоронены представители японской военной, казенные по приговору Токийского военного трибунала за преступления, совершенные, в том числе, и во время оккупации Японией части Китая до и в период Второй мировой войны. Визиты японских официальных лиц в этот храм воспринимаются Китаем как прославление милитаристского прошлого Японии, как попытка обелить агрессию против Китая, закрыть глаза на геноцид китайского народа, осуществлявшийся захватчиками на оккупированной территории. Так, в мае 2005 года прибывшая с визитом в Токио вице-премьер КНР У И отказалась от встречи с премьер-министром Японии Д.Коидзуми в знак протеста против его паломничества в храм Ясукуни. Заявление японского премьера о нежелании отказаться от этого ритуального посещения, совпавшее по времени с обострением территориального спора с КНР и Южной Кореей, послужило поводом для организации массовых антияпонских выступлений в ряде китайских городов, сопровождавшихся нападениями на представительства японских фирм и их сотруд-

ников. Следующее посещение японским премьер-министром храма Ясукуни в октябре 2005 года послужило причиной нового обострения японо-китайских отношений. Китай демонстративно отозвал из Токио своего посла и несколько дней спустя заявил об отмене запланированного визита в КНР министра иностранных дел Японии Н.Матимуры. Стремясь не допустить повышения статуса Японии как своего главного соперника в Азии, Китай, используя в качестве предлога "нежелание Токио искренне покаяться за свои преступления в период оккупации", занял жестко негативную позицию в отношении предоставленной Японии в результате предполагаемой реформы Совета Безопасности ООН места его постоянного члена с возможно отложенным на 15 лет правом вето.

Выявившиеся в последнее время болевые точки в китайско-японских отношениях будут и впредь давать о себе знать новыми рецидивами обострения. Политика нынешнего японского руководства способствует расширению конфликтобразующей базы в отношениях между двумя странами. Не в последнюю очередь это связано и с тем, что Япония проявляет готовность безоговорочно встать на сторону США в уже начавшемся глобальном соперничестве между Вашингтоном и Пекином. Такая позиция Токио закреплена в принятых в конце 2004 г. основных направлениях программы национальной обороны Японии, где Китай впервые причислен к числу источников потенциальной угрозы ее безопасности. Среди причин, которые могут привести к обострению японо-китайских отношений вплоть до применения военной силы, называются: спор за природные ресурсы в некоторых районах Восточно-Китайского моря; разногласия в связи с принадлежностью островов Сэнкаку (Дяоюйдао) и шельфовой зоны вокруг них, предположительно богатой углеводородами; поддержка Японией США, которые, имея договорные обязательства по защите Тайваня, будут вынуждены прийти на помощь Тайбэю в случае неисключаемой в будущем попытки использования Пекином силовой модели решения тайваньской проблемы.

Россия и КНР испытывают общую озабоченность в связи с обозначившейся перспективой формирования американо-японо-южнокорейской системы безопасности, неформальным членом которой при определенных обстоятельствах может стать Тайвань. Эта система выстраивается как один из элементов военно-силовой составляющей военной структуры нового глобального порядка. Принятие японским парламентом в июле 1999 г. пакета документов, подводящих законодательную базу под новые "Основные направления сотрудничества между Японией и США в области обороны", которые расширили сферу действия японо-американского договора безопасности на значительную часть АТР, позволяет, в случае соответствующего политического решения, применять японские силы самообороны в совместных с США операциях, в том числе и по "югославской" или "иракской" модели. При этом согласие Японии участвовать в создании совместной с США ПРО ТВД придает американо-японскому военному сотрудничеству новый более тесный характер, поскольку для боевого применения этой системы необходимо будет не только наладить более тесное взаимодействие между национальными элементами вооруженных сил двух стран, но и создать совместные структуры управления, связи, разведки, технического обслуживания и т.д.

Все это обусловило появление довольно значительных подвижек в восприятии Россией японо-американского договора безопасности. Раньше — то есть до агрессии НАТО против Югославии — Российская Федерация отдавала себе отчет в том, что существование военно-политических союзов, обеспечивающих отдельным странам или их группам надежные гарантии безопасности, не допускает возможности практической реализации принципа равной безопасности всех государств, и в силу этого обстоятельства была склонна рассматривать японо-американский военно-политический союз скорее в качестве одного из факторов обеспечения безопасности и стабильности в регионе, одновременно ограничивающего процесс усиления военного потенциала Японии и возможности ее сил самообороны проводить самостоятельные операции за пределами национальных границ, а также гарантирующего ее отказ от разработки и принятия на вооружение собственного ядерного оружия и не воспринимала со-

юз США и Японии как чисто антироссийское военно-политическое объединение. Такой подход, в частности, был высказан министром обороны России И. Родионовым в ходе его официального визита в Японию в мае 1997 года. Тогда он заявил своему японскому визави, что японо-американский договор безопасности Россию не беспокоит.

После осуществления НАТО массированных ракетно-бомбовых ударов по Югославии, которые приняли форму воздушно-космической операции (космическая система разведки обнаруживала цели в реальном масштабе времени и по ним наносились удары высокоточным оружием, таким, как управляемые авиационные бомбы и крылатые ракеты воздушного и морского базирования), Россия изменила свое отношение к японо-американскому договору безопасности и стала занимать в этом вопросе позицию близкую или даже идентичную китайской.

На современном этапе как Москва, так и Пекин рассматривают военно-политический союз США и Японии в качестве потенциального источника угрозы для своей безопасности.

Серьезным вызовом для безопасности России и Китая также являются: наличие мощных наступательных группировок США в Тихоокеанской зоне, способных на основе разделения функций с японскими силами самообороны проводить широкомасштабные операции в любом районе АТР, включая морскую зону, омывающую побережье российского Дальнего Востока и остров Тайвань; наличие большого количества высокоточных крылатых ракет "Томахок" на кораблях военно-морской группировки США в Северо-Восточной Азии (СВА); наличие мощного авиационного компонента, обеспечивающего возможность нанести массированные ракетно-бомбовые удары на значительную глубину (уже сейчас США и Япония имеют в СВА многократное превосходство над Россией и Китаем соответственно, по ударным самолетам и высокоточному оружию воздушного и морского базирования); наличие военно-морских мобильных экспедиционных сил, способных в короткие сроки начать совместно с силами передового базирования и японскими силами самообороны полноценные операции на приморских направлениях.

С созданием и введением в боевой состав системы ПРО ТВД преимущество США и Японии станет решающим, обеспечивая успех при проведении любой операции с применением обычных средств.

Озабоченность России и Китая вызывают также военно-технические аспекты сотрудничества Японии и США в рамках договора безопасности. Имеется ввиду объединение усилий указанных стран в разработке и производстве качественно новых систем вооружения и военной техники, обеспечивающих решающее военное превосходство за счет осуществления внезапных технологических прорывов на главных направлениях научно-технического прогресса. Такое сотрудничество двух передовых держав, имеющих мощную финансовую, научно-техническую и технологическую базу и являющихся неоспоримыми мировыми лидерами в сфере наукоемкого производства и передовых технологий, способно еще больше увеличить отставание России и Китая по качественным параметрам вооружения и военной техники. По признанию специалистов, еще до начала свертывания ассигнований по целому ряду разработок и исследований в таких областях, как элементная база, электронно-вычислительная техника, системы радиоэлектронной борьбы, управления и связи, технология "стелс", системы акустической защиты и скрытности кораблей Россия отставала от США и Японии на 5-10 лет. При существующем положении с финансированием это отставание стало еще более серьезным. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последнее время Китаем в освоении передовых военных технологий, по качеству вооружения, военной техники и, особенно, обеспечивающих систем, он все еще находится далеко позади США и Японии.

С учетом увеличения технологического разрыва в качестве вооружения, особенно военно-морского, между Россией, с одной стороны и Японией и США, с другой, а также продолжающегося сокращения корабельного состава российского Тихоокеанского флота, баланс суммарных боевых потенциалов военно-морских сил России на Дальнем Востоке, с одной стороны, и военно-морской

группировки ВМС США и морских сил самообороны Японии, с другой, будет еще более неблагоприятным для России.

Соотношение суммарных боевых потенциалов ВМФ НОАК и военно-морской группировки ВМС США в СВА, морских сил самообороны Японии и военно-морских сил Тайваня, которые в случае возникновения вооруженного конфликта в Тайваньском проливе скорее всего будут действовать совместно, даже без учета функционирования системы ПРО ТВД, выявляет решающее превосходство последних.

Россия и Китай не могут не опасаться возможности создания на основе научно-технической и производственной кооперации между США и Японией качественно новых систем противоракетной и противолодочной обороны, способных существенно ослабить или даже обесценить их ядерный потенциал сдерживания.

Оба государства весьма негативно восприняли планы США по созданию системы ПРО ТВД для прикрытия американских войск, дислоцирующихся в СВА, а также союзников США в этом субрегионе, таких как Япония, Республика Корея и Тайвань. Но позиция России в отношении этого плана не была столь же бескомпромиссной и твердой, как позиция Китая. Основные усилия Москвы были в то время направлены на то, чтобы убедить США не выходить из Договора по ПРО и не создавать национальную систему ПРО (НПРО). Россия надеялась заключить с США определенные договоренности о разграничении систем стратегической и нестратегической ПРО* и свое согласие на создание ПРО ТВД рассматривала как компромисс, обеспечивающий невыход США из Договора по ПРО и, соответственно, их отказ от создания НПРО. В тот период в министерстве обороны России даже вызревали предложения о присоединении России к программе создания ПРО ТВД. Китай же с самого начала решительно выступил против создания США системы ПРО ТВД и в связи с этим обозначил свое резко негативное отношение на всех уровнях политического и военного руководства.

Пекин разработал четкую мотивацию своей позиции, при этом многие его возражения были связаны с Японией. В совокупном виде они сводились к следующему: элементы системы ПРО в виде контролируемых Японией средств расширенного морского района позволят последней обеспечивать противовоздушное и противоракетное прикрытие Тайваня в случае неисключаемых со стороны Пекина попыток использования против этой островной территории военно-силовых методов, и таким образом будут усиливать способность США осуществлять прямую военную интервенцию в районе Тайваньского пролива, включая непосредственно и сам остров, будут способствовать наращиванию собственных усилий Японии по восстановлению своей гегемонии на Тайване и укреплению в последующем японского политического влияния и военной мощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Совместные с США работы по созданию и развертыванию ПРО ТВД обеспечат Японии доступ к наступательным системам вооружения и военной техники и соответствующим технологиям их производства. Все это будет стимулировать разработку и принятие на вооружение собственных наступательных ракетных систем, подхлестывая процесс ее ремилитаризации.

Создание щита против китайских ядерных средств сдерживания может побудить Японию к разработке собственного ядерного оружия и средств его доставки. Система ПРО ТВД, обеспечивая гарантированное прикрытие от ограниченного ракетного удара или других средств принуждения со стороны Китая, уменьшит способность последнего оказывать психологическое давление на Японию в условиях кризиса. Создание и принятие на вооружение японскими силами самообороны системы ПРО ТВД возродит опасения азиатских стран относительно возможности ремилитаризации Японии и таким образом будет стимулировать гонку вооружений в регионе, что приведет к дестабилизации

* Соглашение по разграничению стратегической и нестратегической ПРО было подписано в 1997 г.

обстановки в Азии и ослаблению усилий в направлении мирного сотрудничества и стабильного развития.

В контексте решения задачи по расширению спектра носителей ядерного оружия в целях усиления возможностей оружейных комплексов по преодолению (противодействию) системы ПРО ТВД Китай, в частности, может начать разработку крылатых ракет большой дальности, как воздушного так и морского базирования, а также принципиально новых систем оружия, таких как гиперзвуковые самолеты³.

Россия в достаточно категоричной форме осудила планы США по созданию как НПРО, так и ПРО ТВД но только тогда, когда стало ясно, что они напрямую двигаются к разрушению Договора по ПРО и не пойдут ни на какие компромиссы с Россией и Китаем. Позиции Москвы и Пекина по данному вопросу фактически стали тождественными, отличаясь лишь в силе пропагандистских эмоций.

Во многом совпадают подходы Москвы и Пекина к решению корейской проблемы, которая на сегодняшний день составляет наибольшую потенциальную угрозу миру и безопасности в регионе.

Рассматривая развитие отношений с обоими корейскими государствами как составную часть своего вклада в урегулирование проблем Корейского полуострова, Россия прилагает усилия к полномасштабному восстановлению связей и доверия между Москвой и Пхеньяном, одновременно наращивая сотрудничество с Сеулом. По мнению председателя Комитета Госдумы по международным делам К. Косачева "контакты Москвы с Пхеньяном и Сеулом должны быть сбалансированными и одинаково интенсивными"⁴. Россия может вносить свой вклад в сближение двух Корей, участвуя в таком важном деле как создание экономической инфраструктуры, связывающей корейские государства. В первую очередь, это проекты в железнодорожной и энергетической сферах. Одновременно Российская Федерация должна продолжать играть активную роль в рамках шестисторонних переговоров.

В силу геостратегического положения России и Китая военно-политическая ситуация на Корейском полуострове напрямую затрагивает их безопасность и другие жизненно важные интересы. При этом Россия, исторически присутствовавшая на Корейском полуострове и так или иначе вовлекавшаяся в происходившие там события, заинтересована в том, чтобы его пространство никогда не становилось ареной вооруженной борьбы, будь то вооруженный конфликт между Севером и Югом или агрессия США против КНДР по "югославской" или "иракской" модели.

Россия и Китай, как государства, несущие ответственность за решение корейской проблемы, заинтересованы в укреплении мира и стабильности на полуострове, в сохранении контроля за развитием ситуации, выступают против применения таких средств принуждения Пхеньяна к диалогу, которые могут дестабилизировать и без того неустойчивую обстановку в этой части Северо-Восточной Азии. Они резко негативно относились и относятся к возможности использования опробованной в Югославии и Ираке модели применения силовых методов без мандата ООН для оказания нажима на Пхеньян в интересах прекращения реализации им программы создания оружия массового уничтожения и средств его доставки в виде баллистических ракет, или для свержения режима Ким Чен Ира.

Развитие событий на Корейском полуострове по такому сценарию ставит под угрозу не только национальные интересы России и Китая, но и может нанести непосредственный ущерб их безопасности. Возможное в этом случае поражение потенциально опасных северокорейских объектов, таких как химические, биологические производства, хранилища расщепляющихся материалов, атомные реакторы или научные центры по разработке химического, биологического и ядерного оружия, может вызвать непредсказуемые экологические последствия для сопредельных районов России и Китая. Кроме того, в случае проведения широкомасштабной операции с применением ВВС и ВМС США не исключено ошибочное воздействие крылатыми ракетами и авиационными бом-

бами с американских боевых кораблей и самолетов по объектам России и КНР, находящимся в приграничной с КНДР зоне.

Вместе с тем Москва и Пекин не приемлют и возможность мирного поглощения КНДР Республикой Корея по модели объединения Германии, поскольку Сеул связан с США союзническими отношениями в рамках американо-южнокорейского военного договора и в случае разрешения корейской проблемы по "германскому" варианту американо-южнокорейская военная коалиция непосредственно выходит к их границам.

Поэтому Россия и Китай заинтересованы в переводе урегулирования межкорейских противоречий в русло постепенного укрепления доверия между Севером и Югом, нормализации двусторонних отношений и продуктивного диалога в направлении поиска взаимоприемлемых решений либо на пути мирного существования двух корейских государств, либо посредством выработки справедливых условий их мирного объединения на условиях отказа от вхождения в военные союзы и блоковые структуры.

При этом механизм шестисторонних переговоров, который уже доказал свою эффективность при достижении договоренности о прекращении ядерной программы КНДР, может быть использован как для нормализации отношений между КНДР, с одной стороны, и США и Японией, с другой, так и между двумя корейскими государствами.

Следует отметить, что в ходе решения северокорейской ядерной проблемы были весьма полно реализованы посреднические возможности России, и, особенно, Китая.

Китайские и российские представители, включая глав наших государств, руководителей внешнеполитических ведомств, специальных представителей и других официальных лиц проводили и продолжают проводить регулярные консультации по всем аспектам указанной проблемы. Следует упомянуть, что, Президент России В.В. Путин встречался и вел переговоры с руководителем КНДР Ким Чен Иром трижды: в Пхеньяне в 2000 г., в Москве в 2001 г. и во Владивостоке в 2002 г.

Еще больше контактировали северокорейские и китайские руководители и другие официальные лица. Они вели интенсивные переговоры и консультации с другими участниками переговорного процесса, согласовывали их позиции, выступали с новыми инициативами.

Особенно заметной была посредническая и организаторская роль Китая, который фактически спас шестисторонние переговоры от краха. В середине сентября 2005 г. из Пекина стали поступать сообщения о том, что переговорный процесс зашел в тупик, в связи с чем США в ответ на неуступчивость Пхеньяна близки к демонстративному уходу с переговоров и передаче вопроса о северокорейской ядерной проблеме на рассмотрение СБ ООН. Китай, проведя серию консультаций с американцами и северокорейцами, добился смягчения позиции КНДР в вопросах использования ядерной энергии и убедил Вашингтон не прибегать к крайним мерам в отношении Пхеньяна. Как отмечает российский обозреватель А. Блинов, "китайские организаторы переговоров проявили недюжинное искусство политического маневрирования. Они смогли, например, при завершении раунда переговоров добиться согласия южнокорейцев на предложенный Пекином вариант компромисса. И уже после этого поставили американцев перед выбором: дать согласие или взять на себя вину за срыв переговоров. Оказавшись в изоляции, делегация США приняла китайский проект декларации"⁵. В ней были зафиксированы обязательства КНДР отказаться от реализации программы создания ядерного оружия, а также в самые короткие сроки вернуться в режим ДНЯО и возобновить предусмотренные этим соглашением инспекции северокорейских ядерных объектов экспертами МАГАТЭ. В качестве компенсации другие страны-участницы шестисторонних переговоров обещали оказать КНДР необходимую помощь в решении проблемы дефицита электроэнергии. Пхеньян, несмотря на свой отказ от ядерных программ, оставил за собой право использовать атомную энергию в мирных целях, включая развитие атомной энергетики. Кроме того, в декларации было заявлено о согласии участников шестисторонних переговоров обсудить

вопрос о предоставлении КНДР в оговоренное время легководного реактора, который не может быть использован для наработки расплывающихся ядерных материалов, применяемых для создания ядерного оружия. Таким образом, на шестисторонних переговорах в Пекине, несмотря на то, что северокорейская ядерная проблема не была решена окончательно, и между КНДР и США остались принципиальные разногласия относительно последовательности выполнения взятых обязательств (Пхеньян заявляет, что не откажется от своих ядерных программ пока не получит обещанные ему легководные реакторы, а США настаивают, чтобы КНДР сначала предоставила список ядерных объектов и допустила на них инспекторов МАГАТЭ) был достигнут конкретный результат в решении одной из острых международных проблем, что способствовало формированию условий для существенного ослабления напряженности на Корейском полуострове и создало не только действующую модель, но и механизм урегулирования других проблем АТР.

России, КНР и другим участникам переговорного процесса еще предстоит убедить Вашингтон и Пхеньян пойти на взаимные уступки. Выяснение границ такого компромисса входило в задачу посетившего КНДР в ноябре 2005 года накануне пятого раунда шестисторонних переговоров руководителя российской делегации заместителя министра иностранных дел России А. Алексеева.

Аналогичные задачи были возложены и на прибывшего в Пхеньян 18 октября 2005 г. высокопоставленного представителя МИД КНР Ли Биня, который попытался не только выявить готовность КНДР к компромиссам, но и сделал максимум возможного, чтобы убедить северокорейское руководство в необходимости проявить уступчивость в ходе предстоящего пятого раунда шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. Определенное воздействие в этом направлении было оказано Пекином и на посетившего Китай в январе 2006 лидера КНДР Ким Чен Ира, имевшего встречи с высшим руководством КНР, и безусловно обсуждавшего с ним северокорейскую ядерную проблему.

После устранения имеющихся между США и КНДР разногласий на одном из последующих раундов шестисторонних переговоров наряду с решением практических вопросов выполнения соглашения можно было бы обсудить проблему "перекрестного" дипломатического признания, в рамках которого США и Япония установили бы дипломатические отношения с КНДР, а последняя — с США и Японией. Затем можно бы было перейти к вопросу о взаимном дипломатическом признании КНДР и Республики Корея. На последующих этапах в повестку дня переговоров можно включить обсуждение имеющихся и новых предложений, позволяющих выработать компромиссную концепцию объединения, приемлемую для обеих сторон, а также комплекс мер по налаживанию устойчивого разностороннего диалога и контактов между Севером и Югом.

Особого внимания требует как разработка мер доверия в военной области, включающих радикальное сокращение вооруженных сил и вооружений на полуострове, в том числе и американских, так и определение четких временных параметров (этапности) их реализации.

На промежуточном этапе создания новой мирной структуры на Корейском полуострове можно было бы предусмотреть замену в демилитаризованной зоне американских войск на воинские формирования нейтральных стран.

Позитивные процессы, происходящие в АТР, позволяют с определенной долей оптимизма оценивать перспективы укрепления безопасности и упрочения стабильности в этом регионе. На современном этапе обстановка здесь более предсказуема, чем прежде. Сегодня для региона характерны следующие черты: относительная военно-политическая стабильность, динамичное развитие процесса региональной интеграции, укрепление систем многостороннего сотрудничества, стремление совместно вести работу по формированию региональной зоны свободной торговли, создавать условия, благоприятные для притока инвестиций и стабильного экономического роста.

Вместе с тем в регионе сохраняются источники напряженности и потенциальных конфликтов на почве неурегулированности территориальных, политических, экономических, этно-конфессиональных и других противоречий. Рос-

сия выступает за налаживание всех возможных форм сотрудничества в сфере обеспечения безопасности, создание соответствующих регулирующих механизмов. Формирование системы безопасности в АТР она видит на базе уже существующей структуры двустороннего и многостороннего сотрудничества, без резкой ломки сложившихся структур безопасности на двусторонней и многосторонней основе и вытекающих из них военно-политических обязательств отдельных стран или их групп. Движение к этой цели должно быть поэтапным, разносторонним и многоплановым, от локальных субрегиональных соглашений к общерегиональным, от простых мер доверия к более сложным и всеобъемлющим.

Россия исходит из того, что общерегиональный диалог по проблемам безопасности должен базироваться на следующих принципах:

- устранение разногласий посредством переговоров, приверженность политико-дипломатическим мерам, регулярность консультаций по вопросам региональной безопасности, повышение уровня транспарентности в военной сфере, распространение на АТР практики проведения регулярных консультаций на уровне высшего военного руководства — министров обороны или начальников Генеральных штабов (других органов оперативного управления вооруженными силами), установление линий связи между командующими военными округами, флотами;

- подписание двусторонних и многосторонних соглашений о предотвращении опасности военной деятельности;

- разработка системы кризисного реагирования.

Заслуживают внимания и вопросы углубления транспарентности военной политики и военной деятельности стран региона, а именно:

- публикация базовых документов по национальной политике в области обороны (так называемых "Белых книг");

- издание региональных "Белых книг" по вопросам обороны, обмен материалами для национальных изданий такого рода;

- более активное подключение к Регистру обычных вооружений ООН, регулярное предоставление информации о размере национальных военных бюджетов с разбивкой по статьям, о закупках вооружения и военной техники.

Мы выступаем за повышение эффективности как многосторонних, так и двусторонних механизмов взаимодействия по вопросам обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Россия считает, что на современном этапе наибольшим потенциалом среди межправительственных структур многостороннего взаимодействия обладает Региональный форум АСЕАН.

Усиление роли и значения этого регионального органа должно осуществляться параллельно с повышением статуса других региональных переговорных структур, таких, например, как Диалог по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии.

Россия и Китай как две крупнейшие державы АТР не только могут, но и должны проводить согласованный курс в этих структурах, выступать с совместными инициативами, направленными на углубление конструктивного диалога в военно-политической области. Это особенно важно в контексте назревшей необходимости формирования общерегиональной системы мер доверия, ограничения гонки вооружений в регионе, блокирования ее выхода на новый виток.

¹ Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 13.

² Независимая газета. 2005. 06 июля.

³ Michael D. Swaine, Rachel M. Swanger, Takashi Kawakami. Japan Ballistic Missile Defense. RAND. Santa Monica, 2001. P. 79.

⁴ Независимая газета. 2005. 22 ноября.

⁵ Независимая газета. 2005. 24 октября.

КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства

© 2006

Лю Цинцай

На протяжении длительного времени Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, активно развивая отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами. Вступая в XXI век, КНР разработала стратегию мирного развития, отвечающую задачам, обусловленным новой международной обстановкой и ситуацией внутри страны. Был выдвинут внешнеполитический курс добрососедства; предписывающий поддержание хороших отношений с соседними странами, установление с ними партнерских связей. Все это имеет стратегическую значимость для углубления связей Китая с соседними государствами и создания благоприятной международной обстановки на китайской периферии, для развития экономики КНР и модернизации страны.

I. Геополитическое окружение Китая

Соседние с Китаем страны и регионы составляют его непосредственное внешнее международное окружение и влияют на формирование основ его геополитики. Четкое представление об окружении, в котором находится Китай и создание благоприятных условий по периметру этого окружения имеют важное значение для проведения в жизнь китайской стратегии мирного развития.

Прежде всего, характерной особенностью соседних с КНР государств является их многообразие. Китай — одно из немногих государств мира, имеющих значительное количество стран-соседей. Их насчитывается 29 и с 15 из них он имеет общую границу. Географически страны-соседи Китая расположены в районах Северо-Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Для соседей КНР характерны различия в общественном строе и идеологии. Среди них — государства социалистической и капиталистической ориентации, а также страны переходного типа. Что касается их политической системы, то в одной стране господствует республиканский строй, а в других — конституционная монархия. Все эти государства имеют различный национальный состав и культурные традиции, среди которых представлены традиционная китайская культура, буддизм, ислам и православие. Неравномерен и уровень экономического развития соседних с КНР стран. В их числе как экономически развитые и новоиндустриальные государства, так и многочисленные развивающиеся страны. Россия, например, — крупная держава, обладающая богатыми залежами

Лю Цинцай — профессор Цзилиньского университета, декан факультета международной политики.

Статья подготовлена при поддержке Фонда "Исследования по вопросам Северо-Восточной Азии и подъема северо-восточного района Китая" (проект № 985 Цзилиньского университета).

природных ресурсов. Япония — великая экономическая держава с развитыми экономикой, технологиями и мощным капиталом. В процессе исторического развития некоторые страны осуществляли колониальную экспансию и внешнюю агрессию, многие другие подвергались колониальному господству и вторжениям, боролись за национальную независимость и освобождение. В ходе исторического процесса Китай долгие годы поддерживал дружественные контакты с целым рядом соседних стран, однако с некоторыми из них возникали противоборство, конфликты и войны. Различия и многообразие азиатских стран в политическом, экономическом, историческом и культурном планах являются важной особенностью этого региона.

Кроме того, ситуация в приграничных районах КНР сложна и запутанна. С 90-х годов прошлого века положение в азиатском регионе в целом характеризовалось тенденцией к разрядке, политические межгосударственные отношения заметно улучшились, постоянно расширяется сотрудничество в торгово-экономической сфере, начался диалог и взаимодействие по проблемам безопасности. Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Ассоциация стран ЮВА, Форум АСЕАН, механизм АСЕАН — КНР, Япония и РК (10+3), Шанхайская организация сотрудничества и другие региональные и субрегиональные объединения играют позитивную роль в стимулировании регионального экономического взаимодействия, в обеспечении мира и стабильности в регионе. Страны Восточной Азии также последовательно выступают с инициативой создания регионального сообщества на основе своей культуры.

В окружающих Китай регионах по-прежнему существуют различные факторы нестабильности. После окончания “холодной войны” США продолжают сохранять двусторонние военные союзы с Японией, Республикой Корея и некоторыми странами АСЕАН. Проблема Корейского полуострова и корейский ядерный кризис, тайваньская проблема Китая, спор Индии и Пакистана по Кашмиру, проблема принадлежности “северных территорий” между Россией и Японией (в России их называют Южно-Курильской грядой), спор между Китаем и Японией по островам Дяоюйдао и спор вокруг материкового шельфа в Восточно-Китайском море, спор между Корейской Республикой и Японией по острову Токто (японское название Таксима), спор между Китаем и соседними странами ЮВА по Южно-Китайскому морю — все это потенциальные факторы нестабильности в регионе. Азии серьезно угрожают силы международного терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Предотвращение ядерного вооружения и распространения ракетных технологий, борьба против всех видов транснациональной преступности являются важными задачами стран региона. Различные вызовы, угрожающие традиционной и нетрадиционной безопасности в Азии, стали серьезным фактором, влияющим на мир и стабильность в этом регионе.

Помимо этого, в прилегающих к Китаю районах фокусируются геостратегические интересы крупных мировых держав. Здесь сконцентрировались США, Китай, Япония, Россия, Индия и другие мировые и региональные державы. Важные стратегические интересы в Азии имеет и Европейский Союз, который проявляет к ней чрезвычайно глубокий интерес. В период “холодной войны” Восточная Азия выступала в качестве переднего края стратегического противоборства и военно-политического противостояния между США и СССР за глобальную гегемонию. После окончания “холодной войны” быстрое экономическое развитие Восточной Азии превратило ее в один из трех крупнейших центров мировой экономики, при этом ее стратегический статус еще более повысился. В настоящее время на долю Азии приходится четверть мировой экономики и треть мировой торговли. Она продолжает оставаться мировым регионом, обладающим энергией и потенциалом мощного экономического развития¹.

Основные мировые державы имеют в этом регионе важные геополитические интересы. Хотя США формально не принадлежат к азиатским государствам, тем не менее, в американской глобальной стратегии этот регион играет важную геостратегическую роль. В своей азиатской политике США практикуют несколько тактических приемов:

а) путем заключения двусторонних военных союзов они стремятся иметь в Восточной Азии несколько стратегических опорных точек;

б) прибегая к стратегии “заокеанского балансира” и путем оказания содействия и помощи нескольким крупным региональным государствам, пытаются обеспечивать взаимное сдерживание в отношениях между крупными державами региона;

в) стараются проводить политику “предостережения” в отношении Китая и России. США желают экономического развития и процветания Китая, однако всемерно тормозят рост его военной мощи. Геополитика США направлена на обеспечение их стратегических интересов в Азии, нацелена на предотвращение появления такой силы, которая бросила бы вызов их ведущему положению в Восточной Азии и способствовала вытеснению их из этого региона. Россия придерживается геостратегии балансирования между Европой и Азией, активно развивая отношения со странами АТР, участвует здесь в экономическом сотрудничестве и диалоге по вопросам безопасности, в решении региональных проблем. Япония по-прежнему удерживает статус великой азиатской державы, однако уже утрачивает роль экономического авангарда Азии. Экономика Китая быстро развивается, его комплексная национальная мощь непрерывно крепнет, а роль и влияние в азиатском регионе стремительно растут. Очень быстрыми темпами развивается экономика Индии, которая переживает стремительный подъем. В АСЕАН активно расширяется процесс интеграции, налицо положительный результат объединения этой региональной организации. Ситуация многополюсного равновесия, достигнутого крупными государствами азиатского региона, содействует дальнейшему повышению важной координирующей роли АСЕАН в региональных делах. В этом смысле китайская стратегия мира и развития и политика добрососедства полностью учитывают влияние и ограниченность фактора крупных региональных держав.

И наконец, Приграничье — важная геополитическая опора КНР. В общей внешнеполитической архитектонике Китая периферийная дипломатия занимает видное место. Регионы периферии Китая являются средоточием его важных интересов. В политическом смысле реализация целей китайской стратегии мира и развития в огромной степени определяется отношениями Китая с сопредельными государствами. Укрепление добрососедства и сотрудничества с ними весьма важно для обеспечения национального суверенитета и территориальной целостности КНР, для достижения национального единства и создания благоприятной геополитической среды. В экономическом плане развитие торговых связей с приграничными государствами, укрепление регионального хозяйственного взаимодействия является фундаментом развертывания Китаем экономического сотрудничества и конкуренции в глобальных масштабах. Периферийные регионы обладают богатыми ресурсами, обширным рынком, передовыми технологиями, крупным финансовым капиталом и другими преимуществами. Активно развивать торгово-экономические связи Китая со странами, расположенными на его периферии, — значит создавать благоприятную внешнюю среду для быстрого роста китайской экономики. Что касается обеспечения безопасности, то обороноспособность Китая, безопасность его морских коммуникаций, энергетическая и экономическая безопасность напрямую зависят от состояния его отношений со странами на его периферии и ситуации в регионе. Укрепление с ними отношений доверия и сотрудничества, сохранение мира и стабильности в соседних с КНР районах, создание благоприятных мирных ус-

ловий для модернизации Китая — все это должно базироваться на мире и стабильности, развитии и процветании окружающих его регионов.

Ближайшее окружение — это приоритет мирной внешней политики Китая, ключевое звено в осуществлении его стратегии мира и развития. Лишь при условии обеспечения стабильности в прилегающих регионах можно обеспечить формирование благоприятного мирного международного окружения. Чтобы реализовать стратегию мира и развития, Китай должен, опираясь на прилегающие регионы, выйти с регионального на мировой уровень. Важной гарантией продвижения Китая по пути мира и развития является активное укрепление им отношений добрососедства и дружбы с соседними государствами, отстаивание мира и стабильности в регионах, расположенных на китайской периферии.

II. Китайская политика добрососедства и ее практическая реализация

Правительство КНР на протяжении многих лет неуклонно проводит в жизнь независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, активно развивая добрососедские дружественные отношения с соседними странами. Пять принципов мирного сосуществования, которых оно придерживается, изначально были выдвинуты в качестве руководящей политической основы китайско-индийских и китайско-бирманских отношений, а ныне стали универсальной нормой современных международных отношений. Внешняя политика добрососедства является важной составной частью внешнеполитической стратегии Китая и занимает существенное место в архитектонике этой стратегии. Она представляет собой геополитическую основу и важную опору для укрепления дипломатии КНР как великой державы и одновременно развивающейся страны. Проводя курс реформ и расширения внешних связей, правительство КНР в своей дипломатической практике активно осуществляет политику добрососедства, разработав внешнеполитический курс в отношении соседних государств применительно к новому периоду. Суть этого курса можно сформулировать следующим образом: “быть в хороших отношениях с соседями, быть партнером соседей”. Содержание политики Китая в отношении соседних государств сводится к тому, чтобы быть “добрыми безопасными и богатыми соседями”. Такие курс и политика уже принесли важные достижения.

Прежде всего, *политические отношения Китая с соседними странами явно улучшились*. После “холодной войны” он установил или восстановил дипломатические отношения с Сингапуром, Борнео, Республикой Корея, Лаосом, Индонезией, Вьетнамом и другими странами. К настоящему времени со всеми соседними государствами КНР имеет дипломатические отношения. На протяжении 90-х годов XX века Китай успешно разрешил проблему государственной границы с Непалом, Монголией, Пакистаном, Афганистаном, Лаосом, Вьетнамом, Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном. 14 октября 2004 г. Китай и Россия заключили дополнительное соглашение о китайско-российской границе на ее восточном участке, полностью сняв вопрос о пограничном размежевании, которое не было определено соглашением 1991 г. о китайско-российской границе на ее восточном участке. 30 декабря 1999 г. Китай и Вьетнам заключили договор о сухопутной границе, а 25 декабря 2000 г. подписали соглашение о разграничении территориальных вод в Тонкинском заливе, об исключительной экономической зоне и материковом шельфе и запланировали в 2008 г. полностью завершить работы по демаркации сухопутной границы и установке пограничных знаков. Китай заключил договоры о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Монголией. С Россией, Индией и странами АСЕАН КНР установила в той или иной форме отношения стратегического партнерства и взаимодействия, а также отношения конструктивного сотрудничества и партнерства. Начиная с 1990-х годов Китай

приступил к установлению с приграничными государствами равноправных, доверительных, добрососедских и дружественных отношений.

Наряду с этим, постоянно укрепляются взаимодоверие и сотрудничество с соседними странами в сфере безопасности. Китайское правительство активно выступает за комплексную безопасность, безопасность через сотрудничество и всеобщую безопасность. В целом ряде двусторонних и многосторонних внешнеполитических документов, подписанных Китаем со странами, составляющими его окружение, излагается основополагающая позиция правительства КНР. 31 июля 2002 г. оно обнародовало новую концепцию безопасности, ядром которой является взаимное доверие, взаимные интересы, равноправие и взаимодействие. Китай энергично развивает добрососедские, доверительные отношения с соседними государствами. В 1996 и 1997 годах совместно с Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном Китай заключил соглашения об «укреплении доверия в военной сфере в пограничных районах и о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в районе границы. В июне 2003 г. КНР и Индия подписали «Декларацию о принципах китайско-индийских отношений и всестороннем сотрудничестве». В октябре 2003 г. Китай официально присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии.

Китай активно продвигает создание механизмов диалога по вопросам региональной безопасности и сотрудничества. 15 июня 2001 г. КНР и Россия выступили с совместной инициативой о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), цель которой — укрепление взаимного доверия, добрососедства и дружбы между ее странами-членами, обеспечение регионального мира, безопасности и сотрудничества. В настоящее время ШОС уже выступает в качестве эффективного механизма обеспечения безопасности и сотрудничества. Китай принимает активное участие в деятельности регионального форума АСЕАН, стимулируя создание механизма регионального диалога по вопросам безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Он деятельно участвует в разрешении проблемы корейского ядерного кризиса, проявляя дипломатическую активность и успешно организовав ряд шестисторонних встреч в Пекине по корейской ядерной проблеме.

И наконец, непрерывно расширяется торгово-экономическое сотрудничество КНР со странами, расположенными на ее периферии. Объем этой торговли растет из года в год. В 2004 г. общий объем импорта и экспорта Китая в Азию достиг 665 млрд долларов. Импорт составил 369,5 млрд долл., на 35% превысив уровень 2003 г. КНР стала крупнейшим рынком экспорта азиатских стран. Азиатский регион превратился в главный источник, обеспечивающий приток иностранных инвестиций в китайскую экономику, в инвестиционного донора КНР. На конец 2003 г. накопленная сумма прямых капиталовложений Китая в Азии достигла 26,56 млрд долларов, что составляет 80% общего объема прямых китайских инвестиций за рубежом².

В экономическом сотрудничестве КНР с соседними странами уже сложились рамки взаимодействия, в основе которого лежит взаимная выгода, а целью является взаимное благоприятствование и выигрыш обеих сторон. В ноябре 2002 г. Китай заключил рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве с АСЕАН. Стороны согласились в 2010 г. создать зону свободной торговли КНР-АСЕАН. В последние годы объем двусторонней торговли между ними постоянно увеличивается приблизительно на 30% ежегодно и в 2004 г. достиг 105,9 млрд долл. США. В связи с непрерывным стимулированием процесса создания зоны свободной торговли между КНР и АСЕАН к 2010 году возможно выполнение задачи доведения годового торгового оборота между ними до 200 млрд долл. США³. Китай активно поощряет деятельность механизма АСЕАН — КНР, Япония и РК (10+3), а также механизма сотрудничества между АСЕАН и Китаем (10+1), развивает планы сотрудничества в зоне

свободной торговли КНР-Япония-Республика Корея, активно участвует в субрегиональном экономическом сотрудничестве Большого Меконга. Все это не только благоприятствует хозяйственному развитию Китая и соседних государств, но и будет оказывать глубокое влияние на процесс экономической интеграции в Восточной Азии.

III. Политика добрососедства — стратегический выбор Китая

Китайская внешняя политика добрососедства уже приносит позитивные результаты. Вместе с тем она сталкивается и с некоторыми сложными проблемами, требующими от нас внимательного анализа и понимания с учетом глобальных и региональных стратегических факторов, серьезного подхода и принятия надлежащих решений. Обеспечение активного и устойчивого развития отношений Китая с соседними странами создает благоприятные международные условия для достижения целей китайской стратегии мира и развития.

а) *Твердая приверженность политике взаимного доверия и добрососедства.* По мере ускоренного развития китайской экономики и постоянного роста комплексной национальной мощи в некоторых соседних странах стали поговаривать о так называемой “китайской угрозе”. Проведение Китаем внешней политики добрососедства как раз и нацелено на то, чтобы продемонстрировать всему миру, что развитие и усиление Китая не представляет региональной или глобальной угрозы. Напротив, КНР выступает в качестве позитивного фактора и важной силы в деле обеспечения регионального мира и стабильности.

Ключевая идея китайской политики добрососедства выражается формулой “добрые соседи”, “безопасные соседи”, “богатые соседи”. Эта политика не равнозначна проводившейся в прошлом Соединенными Штатами в Латинской Америке “политике добрососедства”, которая по сути своей была империалистической политикой. Политика КНР не преследует цель воссоздания существовавших во времена китайской империи вассальных связей с соседними государствами, а направлена на строительство межгосударственных отношений на базе равноправия и доверия, взаимной выгоды и сотрудничества, добрососедства и дружбы. Суть этой политики заключается в совместном отстаивании мира и стабильности в регионе, в содействии его развитию и процветанию, в достижении на путях сотрудничества выигрыша для всех.

Политика добрососедства не ставит целью установление региональной гегемонии или лидирующего положения Китая в регионе. КНР с полным уважением относится к уже сложившимся в азиатском регионе порядкам и архитектонике, уважает присутствие и интересы в нем США. Она также поддерживает координирующую и ведущую роль АСЕАН, которую та играет в региональном сотрудничестве, поддерживает максимальную реализацию другими крупными азиатскими державами собственных преимуществ и конструктивной роли в регионе. КНР — крупная держава азиатского региона, однако она постоянно и твердо стоит на антигегемонистских позициях, выступает против устремлений какой бы то ни было страны и мировой или региональной гегемонии. Сам Китай также не стремится к гегемонии. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), создание которой совместно инициировали Китай и Россия, является образцом внешней политики добрососедства. “Дух Шанхая”, за который ратует Китай и который выражается в формуле “взаимодействие, уважение многообразия культур и стремление к общему развитию”, не только является политической идеологией ШОС, но и призван стать общей концепцией сотрудничества всего региона Азии.

Развитие Китая представляет собой благоприятный шанс для Азии, а не угрожает ей. Со времени провозглашения политики реформ и открытости происходит быстрое развитие экономики и непрерывное укрепление национальной мощи Китая. Удельный вес его экономики в мировой экономике уве-

личился приблизительно с 1% почти до 4%. По объему внешней торговли КНР поднялась на третье место в мировой таблице о рангах. Китай “стал третьим по величине рынком в мире и самым крупным импортным рынком Азии. В 2003 г. общий объем импортируемых им товаров из азиатских стран и регионов достиг 272,9 млрд долл. США, что на 42,4% больше, чем в 2002 г. Рост импорта из АСЕАН, Японии, Республики Корея и Индии в среднем превысил 35%”⁴. Быстрое развитие экономики Китая повысило его международную конкурентоспособность и привело к открытию китайского рынка, а это, в свою очередь, способствует формированию новой архитектоники конкуренции и сотрудничества. Факты свидетельствуют, что быстрое развитие экономики КНР не представляет никакой угрозы для экономики Азии и соседних с Китаем стран, а напротив способствует ее развитию, становясь мощной опорой роста азиатской экономики.

б) *Политическое решение территориальных споров.* Между Китаем и сопредельными государствами существовали сложные пограничные проблемы. В результате территориальных распрей происходили вооруженные конфликты Китая с Индией, Советским Союзом и Вьетнамом. Решение пограничных проблем было важным условием развития отношений добрососедства и дружбы. В зависимости от характера и особенностей пограничных проблем правительство КНР использовало в основном три способа их разрешения: *Первый.* В соответствии с нормами международного права, на основе равноправных консультаций в духе взаимопонимания и взаимных уступок решать проблему государственных границ предполагалось на справедливой и рациональной основе. Руководствуясь именно этими принципами, Китай разрешил вопрос о межгосударственной границе с Россией, Вьетнамом и другими странами. *Второй.* Что касается спора между Китаем и странами ЮВА относительно островов Наньша и суверенитета морских районов, то китайское правительство выступило с предложением “отложить в сторону споры и взяться за совместное освоение”. В ноябре 2002 г. КНР и страны АСЕАН подписали декларацию о деятельности сторон в Южно-Китайском море, решив “мирным путем разрешать территориальные споры и споры в отношении “подведомственности”. “До всестороннего окончательного разрешения споров соответствующие стороны могут проводить обсуждения или развешивать сотрудничество”. *Третий.* Что касается территориальных проблем, по которым пока невозможно прийти к соглашению, то здесь сохраняется статус-кво и путем переговоров достигается мирное решение. 23 июня 2003 г. главы правительств КНР и Индии подписали декларацию о принципах китайско-индийских отношений и всестороннем сотрудничестве. В июне 2005 г. две страны достигли соглашения о руководящих политических принципах разрешения китайско-индийской пограничной проблемы. Стороны заявили, что до окончательного разрешения этой проблемы будет строго соблюдаться линия фактического контроля и будут прилагаться совместные усилия для поддержания мира и спокойствия в пограничных районах.

В настоящее время между Китаем и Японией существуют споры относительно суверенитета островов Дяоюйдао, материкового шельфа в Восточно-Китайском море и особой экономической зоны. Поскольку борьба за право разработки морских энергоресурсов все больше обостряется, споры за морские острова и за морские права и интересы становятся все более острыми. В этой связи нам необходимо решительно отстаивать морской суверенитет, морские права и интересы Китая, но одновременно твердо выступать за то, чтобы решать эти споры политическими средствами и мирным путем. А до окончательного разрешения вопроса о разграничении регулировать их в соответствии с принципом “отложить спор и вместе заняться освоением”.

в) *Стимулирование создания механизмов регионального многостороннего сотрудничества.* Китайская политика добрососедства предусматривает активное развертывание многосторонней дипломатии и стимулирование развития механизмов регионального сотрудничества. Азия — регион с наибольшим

количеством горячих точек. Сложные проблемы регионализма делают стабильность в Азии чрезвычайно хрупкой. В связи с теми вызовами, которые исходят от различных факторов традиционной и нетрадиционной безопасности, укрепление регионального сотрудничества становится фундаментальным условием обеспечения мира, стабильности, развития и процветания в этом регионе. В Азии уже созданы Организация экономического сотрудничества АТР, Ассоциация стран ЮВА, региональный форум АСЕАН, механизм АСЕАН — Китай, Япония РК (10+3), Шанхайская организация сотрудничества и целый ряд других региональных и субрегиональных механизмов сотрудничества, которые играют свою позитивную роль. Однако региональное сотрудничество в Азии все еще находится на довольно низком уровне развития, всеобщая региональная организация здесь пока отсутствует.

Стимулирование регионального сотрудничества в Азии помогает искать выход из “нулевой ситуации” и утвердить новую концепцию сотрудничества и общего выигрыша. В эпоху постоянного углубления экономической глобализации и региональной интеграции укрепление регионального сотрудничества и осуществление всеобщего развития — представляют собой неизбежный выбор для всех стран. Развитие и процветание каждой страны в Азии является основной предпосылкой развития и стабильности всего этого континента. Именно для усиления регионального сотрудничества необходимо создавать форум и организационные механизмы диалога между государствами, укрепление доверия усиление координации и взаимодействия.

Сотрудничество в азиатском регионе должно развиваться последовательно и устойчиво. Уровень развития экономики в странах Азии весьма неравномерен, а процесс их участия в региональном сотрудничестве не синхронизирован. Вот почему постепенное повышение уровня регионального взаимодействия на основе принципов добровольности, равноправия и взаимной выгоды является главным ориентиром развития. В соответствии с нынешним процессом регионального сотрудничества в Азии от экономического сотрудничества как ведущего направления можно продвигаться к всестороннему сотрудничеству в сфере политики, безопасности и т.д., отталкиваясь от субрегиональных и региональных механизмов сотрудничества, развиваться в направлении общерегионального всеобъемлющего взаимодействия.

Азиатское региональное сотрудничество должно отличаться многообразием, способствовать углублению этого многообразия. Ведь Азия многообразна и плюралистична, для различных стран региона характерны национальные, исторические, культурные и религиозные отличия, а также разный уровень развития экономики. Только с учетом этих многообразных особенностей, при полном уважении многообразия выбора и многообразной культуры каждой страны можно создать фундамент и платформу сотрудничества, стимулировать перманентное развитие регионального взаимодействия.

г) *Должное упорядочение отношений КНР с крупными соседними государствами.* Активное развитие отношений с ними является ключевым звеном внешней политики добрососедства. Что касается крупных соседних государств, то отношения Китая с Россией развиваются стабильно, непрерывно улучшаются отношения с Индией, вместе с тем, с США и Японией, они носят довольно сложный характер. В последние годы в результате споров по проблемам истории, островов Дяоюйдао и суверенитета Восточно-Китайского моря Китай и Япония начали отдаляться друг от друга, а отношения между ними становятся все более прохладными. Американская политика вооружения и заступничества в отношении Тайваня является крупнейшим препятствием на пути развития китайско-американских отношений. Тайваньская ситуация привнесла в отношения двух стран значительную неопределенность. Таков наш анализ состояния отношений Китая с крупными соседними государствами.

Однако мы должны подходить к этим отношениям со стратегических позиций, с учетом общей ситуации, чтобы более рационально оценивать и развивать их.

В эпоху глобализации и взаимозависимости отношения крупных государств многогранны. В отношениях Китая с крупными соседними странами можно разглядеть явления “похолодания в потеплении” и “потепления в похолодании”. В подходе к отношениям между крупными государствами необходимо остерегаться чувствительности или эмоций, руководствуясь рациональностью и разумом. Китай и Россия приняли твердое решение о стратегических отношениях партнерства и взаимодействия на основе равноправия и доверия, Китай и Индия — о долгосрочных партнерских отношениях конструктивного сотрудничества. Таковы главные направления и ориентиры развития отношений этих государств. Тем не менее, концепция “китайской угрозы” еще имеет хождение на российском Дальнем Востоке и в общественной среде. Окончательно не разрешен еще территориальный спор между Китаем и Индией, тень вооруженного пограничного конфликта 1962 г. до конца не рассеялась. Недостаточно интенсивно развиваются китайско-российские и китайско-индийские экономические связи. Практически в застывшем состоянии находится уровень развития китайско-российских и китайско-индийских экономических связей. Все это требует от нас продолжать укреплять дружественные отношения Китая с Россией и Индией, активно углублять торгово-экономические контакты и экономическое сотрудничество, уделять внимание снятию разногласий и проблем, возникающих в процессе развития. Вместе с тем мы должны также видеть, что в китайско-японских отношениях существуют отчетливые признаки “похолодания в политике и потепления в экономике”. В 2004 г. объем торговли между двумя странами превысил 160 млрд долл. США, и они стали друг для друга крупнейшими источниками импорта. Япония является третьим по величине крупнейшим экспортным рынком Китая, а Китай — вторым экспортным рынком Японии. Торгово-экономические отношения Китая с Японией, США и Европой — три крупных составляющих торгово-экономических связей Китая.

Взаимное переплетение и общность интересов крупных государств, постепенное расширение базы их сотрудничества оказывают важное воздействие на отношения Китая с крупными соседними государствами. Ныне постоянно расширяются торговля, инвестиции, техническое сотрудничество и людские обмены Китая с США, Японией, Россией и Индией, в результате чего между ними сложились тесные экономические связи. Кроме того, в борьбе с международным терроризмом, в предотвращении распространения ядерных вооружений, охране биосферы, карательных действиях против транснациональной преступности, в устранении разного рода кризисных явлений, а также в обеспечении регионального мира и стабильности ни одно государство в одиночку не в состоянии противостоять сложным ситуациям и вызовам, поэтому требуются координация и взаимодействие крупных держав.

Китай и крупные соседние государства, преодолевая “дилеммы в сфере безопасности”, должны обеспечить “безопасность для всех”. Самое главное при этом — отрешиться от идеологии холодной войны и политики военных союзов, не стремиться к одностороннему военному превосходству, мирными средствами преодолевать разногласия и споры, путем установления равноправных и доверительных отношений взаимовыгодного сотрудничества добиваться всеобщей безопасности. Согласно данным, опубликованным в ежегоднике SIPRI за 2004 г. — вооружение, разоружение и международная безопасность, военные расходы США в 2003 г. достигли 417,4 млрд долл., составив 47% общемировых военных расходов. В Японии они равнялись 46,9 млрд долл. США или 5% мировых расходов. Военные расходы КНР составили 32,8 млрд долл. США, т.е. 4% общемировых. В докладе министерства обороны США о военной мощи Китая 19 июля 2005 г. последний рассматривается в качестве главной угрозы ре-

гиональному миру. Подобный подход не способствует стабильному развитию китайско-американских отношений. Новая концепция безопасности, которую инициировало китайское правительство, является важным воплощением китайской политики добрососедства в сфере безопасности. Развертывание стратегического диалога между Китаем и США, укрепление между ними политического доверия и взаимовыгодного сотрудничества — это столбовая дорога для преодоления трудностей в сфере безопасности. Шанхайская организация сотрудничества, созданная благодаря совместной инициативе КНР и России, является убедительным подтверждением обеспечения безопасности через сотрудничество и всеобщей безопасности. В результате заключения соглашений об укреплении военного доверия в пограничных районах и о взаимном сокращении там вооруженных сил Китай и Россия укрепили взаимное доверие и отношения добрососедства и дружбы. Именно на этой основе они выступили с совместной инициативой о создании Шанхайской организации сотрудничества. Сейчас она стала субрегиональной организацией, в рамках которой КНР, Россия и государства Центральной Азии развертывают взаимовыгодное сотрудничество, ведут совместную борьбу с силами международного терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма, отстаивают региональный мир и стабильность, углубляют экономическое взаимодействие и развитие.

Китайская политика добрососедства является важным воплощением внешней политики КНР в ее ближайшем окружении и одновременно важным направлением проведения в жизнь ее стратегии мира и развития. В соответствии с пятью принципами мирного сосуществования Китай активно развивает отношения добрососедства и сотрудничества с сопредельными странами, с помощью диалога углубляет взаимопонимание, на основе сотрудничества укрепляет доверие, путем создания механизмов диалога и сотрудничества реализует цели всеобщей безопасности и всеобщего развития. Все это направлено на создание благоприятной международной обстановки на границах Китая в целях осуществления им мирного подъема и одновременное обеспечение геополитической основы становления Китая как подлинно великой мировой державы.

1. Ху Цзиньтао. Углублять добрососедство и взаимное доверие, содействовать общему развитию. Выступление на совместном заседании палат филиппинского парламента // Жэньминь жибао. 2005. 28 апреля.
2. У Банго. Углублять добрососедство и дружбу, вместе созидать процветание Азии. Выступление в Куала-Лумпуре, Малайзия. 30 мая 2005 г. <http://www.fmprc.dov.cn/wjdt/zyjh/t197856.htm>
3. Ху Цзиньтао. Указ. соч.
4. Ху Цзиньтао. Развитие Китая и шанс для Азии. Выступление на открытии ежегодного азиатского форума 2004 г. в Боао // Жэньминь жибао. 2004. 25 апреля.
5. Декларация о деятельности сторон в Южно-Китайском море, сайт министерства иностранных дел Китая. 4.03 2003 г. <http://www.fmprc.dov.cn/chn/wjb/zsjg/gjs/gjzzyhy/1136/1138/t4553.htm>.
6. Ежегодник 2004 г. Стокгольмского института международных проблем: вооружение, разоружение и международная безопасность // Шицзе чжиши чубаньшэ. май 2005.

Перевод с китайского языка В.Н.Барышникова

КПК на современном этапе развития (конец XX — начало XXI века)

© 2006

Н. Мамаева*

В 90-е годы XX века Китай достиг ожидаемых положительных результатов в областях экономики и законотворчества. Однако наряду с ними возникли в значительной степени неожиданные явления негативного характера, которые явились следствием недостаточной координации экономических реформ с развитием социальной сферы и процессом партийно-политических преобразований. Традиционный механизм КПК по изучению общественного мнения представил накануне XV съезда партии (12-18 сентября 1997 г.) впечатляющие характеристики восприятия обществом реформ и качества партийно-государственного управления страной. В ходе подготовки съезда активно использовался старый проверенный прием работы партийного руководства с членами партии и населением — метод "обследования и изучения" экономической, политической и социальной ситуации на местах. Яркими примерами этого направления партийной работы стали доклады ветеранов партии Ян Шанкуня и Сун Пина "о возможных крупных осложнениях ситуации", подготовленные ими в ходе инспекционных поездок по стране. Каждый из докладчиков обследовал ситуацию в девяти провинциях.¹ Докладчики подчеркивали падение авторитета партии у населения вследствие роста коррупции и привилегий партийных и государственных чиновников, обострение социальных противоречий между новыми богатыми и бедными, углубление противоречий между центром и регионами, рост народного недовольства и тенденцию к протестам политического характера, несовершенство правовой системы. В целом, выводы о "вызовах социальной и политической стабильности", нараставших с середины 1990-х гг., подтвердились и объяснились и представителями общественных наук. Ученые считали необходимым особо учитывать то, что с 1990-х годов Китай переживал одновременно четыре взаимосвязанных и взаимозависимых переходных процесса: в области экономики — от экономической системы директивного планирования к социалистическому рынку; в социальной сфере — от традиционного крестьянского общества к современному городскому обществу в условиях стремительных изменений в среде интеллигенции; в области политических процессов — от традиционной политической системы, основанной на централизованной власти, к системе социалистической демократии; в политике открытости внешнему миру — от закрытой и полузакрытой экономики к строительству открытой экономики и полностью открытого общества.² Согласно исследованиям, проведенным Группой по изучению вопросов социальной стабильности в Китае, в 2000-2001 гг. городское и сельское население страны выделяли следующие основные проблемы, влияющие на социальную стабильность: безрабо-

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Фонда Цзян Цзинго (Chiang Ching-ruo Foundation for International Scholarly Exchange, RE: SS004-U-03).

81/2000-2(54)

43-54.

тицу, разложение и бюрократизм, большой разрыв между богатыми и бедными, подрыв общественных нравов, ухудшение общественного порядка, чрезмерное налогообложение крестьянства. По результатам исследований ЦКПД (Центральная комиссия по проверке дисциплины), наиболее острой социальной проблемой в 1996 г. была инфляция, в 1997-2000 гг. — разложение (имеются в виду явления коррупции и злоупотреблений в партийно-правительственном аппарате различных уровней. — Н.М.), в 2001 г. — безработица и разложение.³

Результаты социологических исследований, целенаправленно ведущихся со второй половины 1990-х гг. учеными КНР, представили новую картину социального состава китайского общества и поставили перед высшим руководством страны задачу корректировки политики с учетом изменившейся социальной структуры и вызовов глобализации. Научно обоснованный вывод об изменившейся социальной структуре китайского общества, включающей в настоящее время, по некоторым оценкам, 10 социальных слоев⁴, как и другие результаты научных исследований, учитывался партийным руководством при формировании новых направлений в партийном и политическом строительстве и при корректировке модели модернизации в целом. Констатация наличия в современном Китае среднего класса и выявленная тенденция к росту его численности, равно как и реальная угроза дестабилизации в политической и социальной областях, ослабление управляемости и правительственной вертикали поставили руководство КПК перед необходимостью адаптировать свою политику к вызовам времени.

Еще на XV съезде КПК (1997 г.) были предприняты некоторые попытки определения отдельных звеньев партийно-политических преобразований, от развития которых ожидался общий положительный эффект. Съезд подтвердил исходную политическую базу, от которой следовало отталкиваться в дальнейших экспериментах. Он вновь сформулировал основные характеристики политической системы КНР, дабы не давать повода для дальнейших инсинуаций в духе стереотипов парламентаризма западного типа. Съезд квалифицировал систему собраний народных представителей и систему многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК как ядро политической системы. Вместе с тем в самой общей постановке вопроса прозвучало положение о выдвигении на передний план партийной политики проблемы совершенствования управленческих функций КПК как института управления страной, всесторонняя характеристика которого была дана на XVI съезде КПК (8-14 ноября 2002 г.) и последующих пленумах 16-го созыва.

Укрепление централизации в КПК и каналов ее влияния на государство и общество съезд провозгласил необходимой составной частью реформы политической системы. Важным средством воздействия на население в целях восстановления доверия к КПК и придания импульса дальнейшему проведению политики реформ стало решение съезда о провозглашении теории Дэн Сяопина руководящей идеологией КПК, которое в рамках поправок к Конституции КНР 1999 г. приняло силу закона. Таким образом, “чисто” коммунистические идеи трансформировались, по сути, в теорию Дэн Сяопина, отождествляющуюся в политическом сознании прежде всего с идеей национального самосознания, патриотизма, возрождения государственной мощи.

Превалирование в процессе модернизации Китая экономической составляющей не означало устранения партии и правительства от развития субъектов политической системы. Помимо партийного строительства на протяжении 1990-х гг. осуществлялся постепенный процесс совершенствования работы собраний народных представителей, прежде всего, системы выборов делегатов в представительные органы. В меньшей степени это касалось судебно-прокурорской системы. Развивались отрасли права, принимались очередные поправки в Конституцию КНР, отражавшие качественные изменения в отношениях собственности и в вопросах финансовой системы, акцентирующие, в том числе, идеи

законности и правопорядка, формирующие новый менталитет в обществе, ставшимся более открытым и готовым к переменам.⁵

Менее эффективными оказались реформы правительственного аппарата, осуществлявшиеся неоднократно. Преобразования 1982 г., 1988 г., 1993 г. и, в значительной степени, 1998 г. стимулировали развитие новых явлений и процессов в экономической жизни, постепенно “нащупывали” пути реализации правительственными и административными органами новых функций макрорегулирования экономических процессов, способствовали реструктуризации управления экономикой, стабильному сокращению управленческого аппарата.⁶ Вместе с тем, становилась все очевиднее зависимость эффективности правительственных реформ от их координации и сбалансированности с другими составляющими партийно-политического процесса, такими как, партийная реформа, реформа кадровой системы, с политикой разделения функций партийных и государственных органов, со “стилем руководства” партийного и государственного уровней, с развитием внутри- и внепартийной демократии, нормированием партийной работы и деятельности управленческого механизма в целом.

В результате ретроспективного анализа развития государственных структур и политических процессов в Китае становится очевидным, что партийное руководство страны в стремлении придать новое качество политической системе при сохранении основных контуров и принципов в течение 1990 — 2002 гг. наиболее активно действовало на двух направлениях. Одновременно с расширением внутрипартийной демократии оно инициировало развитие кадровой политики, выходящей за рамки внутрипартийных мероприятий. В конечном итоге оба направления концентрировались на вопросах управления страной, хотя имели и вполне самостоятельное значение. Кадровая политика до сих пор остается одной из немногих областей, где функции партии и государства тесно переплетаются и прерогативы партии особенно значительны.

Необходимость перемен в партийном и политическом строительстве, в обществе в целом существенным образом обозначилась на XVI съезде КПК.⁷ К моменту созыва съезда в рядах партии насчитывалось 66,355 млн членов и около 3,5 млн первичных организаций, причем в негосударственном секторе китайской экономики по сравнению с 1997 г. имело место двукратное увеличение числа парторганизаций.⁸ Делегатский корпус XVI съезда КПК отразил общие тенденции партийного строительства. Средний возраст делегатов съезда составил чуть старше 51 года, доля делегатов с высшим образованием по сравнению с XV съездом КПК возросла с 83,5% до 92%.⁹ Новые качества делегатского корпуса определялись демократической процедурой его избрания — тайным голосованием на конкурентной основе, впервые принявшей массовый характер.

Учитывая развитие в обществе тенденции деидеологизации и отторжения наиболее одиозных идеологических штампов, потребность в понятных для всех целях развития, непосредственно связанных с необходимостью роста благосостояния населения, съезд предпринял удачную попытку определения конкретной задачи политики реформ на обозримое будущее. Введением в партийную и политическую теорию и практику понятия “сяокан” как достижения уровня средней зажиточности, имеющего свои корни в традиционном Китае, связанного с именем Конфуция, с политикой Дэн Сяопина, партийное руководство приблизило к населению теорию начального этапа строительства социализма с китайской спецификой.¹⁰ В интерпретации съезда, а затем и Конституции (в виде поправок, внесенных в 2004 г.), понятие “средней зажиточности” (“сяокан”), а точнее — задача ее значительного повышения к 2020 году до уровня в 3 тыс. долл. на человека, выходит за прежние границы экономических показателей и охватывает не только материальную, но и духовную и политическую сферы. Социальная политика, прежде всего повышение благосостояния населения, выдвигается в число основных критериев и базисных положений продолжения политики реформ. Понятие “сяокан” стало тем стержнем,

вокруг которого формировались новые подходы четвертого поколения руководителей к идее модернизации.

Если в материалах XVI съезда КПК идея перехода от модели “экономической модернизации” (“цзинцзи сяндайхуа”) к модели “институциональной модернизации” (“чжиду сяндайхуа”) отражена в общей форме, то в решениях 3-го (11-14 ноября 2003 г.), 4-го (сентябрь 2004 г.) и 5-го (8-11 октября 2005 г.) пленумов ЦК КПК 16-го созыва идея комплексного, сбалансированного и скоординированного развития страны получила более четкое выражение и более конкретное содержание. В рамках поворота к скоординированному развитию экономики, политики, культуры, общества сама жизнь определяла акценты в стратегической линии, последовательность в осуществлении общего плана государственного и партийно-политического строительства. Сохранение стабильности в обществе требует, как это отражено в партийных документах и в политике правительства КНР, нового отношения к развитию социальной сферы. Активная и эффективная социальная политика правительства во всех направлениях и областях, но прежде всего в деревне, воспринимается как существенный корректив политики реформ. Наиболее полное выражение акцентирования социальной политики в рамках процесса модернизации нашло в материалах 5-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, который в принятых им документах — Рекомендациях ЦК КПК о разработке 11-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития и в Коммюнике — предложил конкретные методы и направления построения гармоничного социалистического общества. Пленум сформулировал задачу перехода от концепции Дэн Сяопина — “пусть некоторые люди становятся зажиточнее ранее других” — к теории общего достатка. Достижение благосостояния народа в течение будущей пятилетки (2006-2010), обязательное удвоение дохода на душу населения и другие меры социальной направленности должны быть обеспечены при опоре на науку и “самостоятельное новаторство”. Таким образом, ставится задача качественного изменения экономики и жизненного уровня. Как образно говорилось на пленуме, бирки “сделано в Китае” должны подразумевать “новация из Китая”.¹¹ Социальная направленность политики развития, выдвижение человека в центр осуществления реформ, вновь, как нам представляется, усиливают социалистическую ориентацию китайской модели развития. Следует отметить, что искренность и благие намерения нового партийно-политического руководства Китая, нацеленные на улучшение жизни простых людей, сомнений не вызывают. Являются фактом и уже реализованные отдельные меры в направлении создания системы социальной защиты.¹² Между тем, нельзя не отметить наличия серьезных трудностей в развитии социальной сферы, которое предпринимается в условиях поиска и экспериментов в партийном и политическом строительстве, тесно связано с попытками качественных преобразований в области экономики.

Новацией XVI съезда КПК, безусловно, стало утверждение на нем в качестве руководящей идеи партии, наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина, концепции “трех представительств”. Как следует из новой редакции Устава, принятой съездом, КПК “представляет интересы развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа”.¹³ Обобщенные формулировки “трех представительств”, впервые выдвинутые Цзян Цзэминем в феврале 2000 г., допускают, на наш взгляд, возможность широкого толкования и поиска как в области общей теории построения “социализма с китайской спецификой”, так и в практических вопросах партийного и политического строительства. Открывается клапан дальнейшему “освобождению сознания” от стереотипов прошлого. Идеи “трех представительств” можно толковать и как теоретическую основу курса на повышение уровня благосостояния населения на основе более гармоничного развития экономики, политики и социальной сферы. Принцип “политического

участия" всех слоев населения, в том числе, среднего класса, в процессе принятия решений получает теоретический базис.

Идея гармонии, лежащая в основе "нового поворота" к "институциональной модернизации", неизбежно затрагивает область политических преобразований. Конкретным примером могут служить новые подходы к реформе правительства, которые предполагают одновременное и взаимосвязанное реформирование партийного строительства, правительства, ВСНП и судебной системы. Возможно, что именно на этом пути партийно-политическому руководству страны удастся наконец осуществить структурные трансформации правительственной и административной системы.

Масштабные политические преобразования, как это представляется на сегодняшний момент, — дело будущего, хотя постепенное и поэтапное развитие реформы политической системы является постоянным фактором. Рост инициатив и начинаний в партийно-политической сфере на протяжении 80-х гг. XX века — начала XXI века неизбежно привел к постановке на повестку дня задачи "реформирования и совершенствования методов партийного руководства и партийного управления государством" — принципиальной для функционирования политического строя проблемы. Решениями XVI съезда и 4-го пленума ЦК КПК 16-го созыва задача совершенствования системы управления государством со стороны партии вновь, как и в 1980-е годы, была выдвинута на передние рубежи политических преобразований. Именно на этом направлении ожидается скорая отдача в борьбе с коррупцией¹⁴.

В связи с оптимизацией системы партийного управления большое значение приобретает развитие внутрипартийной демократии, а также кадровая и контрольная политика, наиболее зримо связанные с системой государственного управления. Принятые XVI съездом поправки к Уставу КПК означают существенные подвижки в этом направлении, продолжающие и развивающие по некоторым параметрам уставные положения, зафиксированные XIII съездом партии.¹⁵

Включенное в новую редакцию партийного Устава положение о расширении социального состава КПК и возможности вступления в правящую партию представителей предпринимательских слоев отражает готовность и решимость партии к обновлению собственных рядов и политической системы в целом. Одновременно новая редакция Устава вновь демонстрирует неприятие компартией многопартийной системы по образцу западных стран. Партия стоит на позиции необходимости привлечения широких слоев населения к управлению страной, однако не в условиях многопартийности, а в рамках правящей партии — на пути расширения ее социального состава и активизации консультативного процесса в целях развития "системы межпартийного сотрудничества и политических консультаций".

Легализуя и усиливая тенденцию вступления в партию представителей новых социальных слоев, партийное руководство отдает дань времени. Вместе с тем оно стремится взять процесс расширения социального состава партии под строгий контроль, не допустить его развития в направлении социал-демократических тенденций европейского образца. Согласно Уставу, усиливаются контрольные функции парткомов на всех партийных уровнях и во всех структурах власти. Расширяются функции действующих в государственных органах управления "партийных групп руководства", в ведение которых теперь официально включаются и кадровые вопросы (статья 46). Упорядочивается и совершенствуется организационная структура партии в целях охвата партийным влиянием всех слоев населения. Усиливается, как показали выборы в провинциальные и центральные органы КПК, концентрация власти в руках партии, по некоторым направлениям наблюдается еще более высокий, чем прежде, уровень совмещения партийных и государственных постов.

Съезд положил начало строительству единой системы "ухода на пенсию" и "срока полномочий" для руководящего состава партии, способствуя

“структуризации, нормализации и упорядочению партийного и государственного руководства”. Пример соблюдения новых правил ограничения срока полномочий на высоких должностях продемонстрировали Председатель ВК НПКСК Ли Жуйхуань, оставивший должность в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК до достижения 70-летнего возраста, а также Ли Теин, ушедший в отставку с поста члена Политбюро ЦК КПК.¹⁶

В первой половине 2004 г. ЦК КПК и Центральная комиссия по проверке дисциплины подготовили ряд новых документов о кадровой политике, в т.ч. “Временные правила работы по открытому выдвижению партийных и государственных руководящих кадров”, “Циркуляр о ликвидации совмещения партийными и государственными руководящими кадрами должностей на предприятиях”, “Временное постановление о работе по конкурсному замещению должностей в партийных и государственных органах”, “Рекомендации по вопросам, связанным с увольнением партийных и государственных руководящих кадровых работников и осуществлением ими экономической деятельности” и др.¹⁷. Размах реформы кадровой системы, охватывающей в настоящее время государственные и партийные учреждения, предприятия и непроизводственные структуры, создает предпосылки для скоординированного развития, нацелен на недопущение роста коррупции в органах власти и управления.

На новый уровень поднимается формирование внутри- и внепартийного контроля, который постепенно получает нормативную основу. В этой связи особого внимания заслуживают принятые в феврале 2004 г. “Новые дисциплинарные правила КПК” и “Правила КПК о внутрипартийном контроле (в порядке эксперимента)”, включающие в сферу контроля деятельность партийных и правительственных чиновников самого высокого уровня¹⁸. Правила КПК о внутрипартийном контроле — весомый вклад в формирование системы партийного управления государством. Как и кадровая политика, они отражают, с одной стороны, преемственность положений партийного строительства, разработывавшихся в 1980-е годы еще под руководством Дэн Сяопина, с другой стороны, — потенциальные возможности партии в оптимизации системы управления страной. Согласно новому нормативному акту устанавливаются конкретные формы контроля ЦК КПК над Политбюро ЦК КПК и Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК, что давно ожидалось в партийной среде. В системе контроля предусмотрено усиление функций и большая, чем прежде, самостоятельность ЦКПД и КПД различных уровней, которые своей деятельностью по борьбе с коррупцией завоевали в последние годы большой авторитет в партии и вне ее. Можно констатировать первые шаги по созданию системы контроля, которая опирается как на прежний опыт, так и на новые положения: о создании новой инспекционной структуры (раздел VI), о механизме контроля общественного мнения (раздел VIII), о внутрипартийных демократических консультациях (раздел IV), о работе по рассмотрению жалоб населения (раздел V) и др. Принятое ЦКПД в апреле 2004 г. решение об установлении порядка “вертикального контроля”, согласно которому все партийные инспекции должны непосредственно подчиняться пекинскому центру и отчетываться перед ним, можно рассматривать как очередной шаг к созданию системы независимого контроля.¹⁹

Задача обеспечения большей открытости и прозрачности работы ЦК КПК, Политбюро и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК решается путем введения практики отчетности Политбюро перед пленумами ЦК КПК, участия в брифингах информационного отдела Госсовета КНР заведующих отделами ЦК КПК и т.д.²⁰ Уже в этих мероприятиях и намерениях партийного руководства проявляется стремление к созданию нового имиджа партии. Красной нитью в новых “Правилах о внутрипартийном контроле” проходит идея перестройки привычных методов управления в направлении усиления открытости, коллективного характера принятия решений, демократических начал в работе парткомов — с целью сохранения социальной стабильности и предупреждения

коррупции. Следует подчеркнуть, что партийная политика в области реформы кадровой системы и в сфере внутривнутрипартийного контроля развивается по "непроторенному пути". Ее очевидные успехи свидетельствуют о большей, чем у КПСС накануне распада СССР, готовности партийной элиты к переменам.

Можно констатировать, что в области кадровой и контрольной политики партийное и политическое руководство Китая, исправляя собственные ошибки, извлекло определенные уроки из негативного опыта КПСС. Если в области подготовки управленческих кадров советская власть имела немалые успехи (уже к 1979 г. подавляющая часть номенклатуры имела высшее образование²¹), то в сфере ротации руководящих кадров демонстрировала полный застой. В 1965-1984 гг. состав Политбюро ЦК КПСС вообще не обновлялся. Большинство его членов находилось на своих постах в течение 15 лет, в составе ЦК КПСС — около 10-12 лет²². С этим фактором в значительной степени была связана и консервация идеологического курса, всех политических институтов, экономических и социальных механизмов, способствовавшая краху советской власти.

XVI съезд КПК по параметрам своей кадровой политики превзошел все ожидания. Качественные особенности нового состава ЦК КПК 16-го созыва и ЦКПД, как и всего делегатского корпуса, определялись, главным образом, новым уровнем прежних критериев: ротации, омоложения, образования, профессионализма и др., введенных в нормативное русло новой кадровой политики. ЦК КПК 16-го созыва обновился наполовину. Уровень образованности членов нового состава ЦК вполне соответствует новым потребностям государства в области формирования высокообразованного и деятельного корпуса руководителей. Количество руководителей с высшим образованием выросло с 92,4% до 98,6%. Тенденция омоложения корпуса руководителей ярко проявилась в увеличении возрастной прослойки членов и кандидатов в члены ЦК КПК моложе 50 лет, которая достигла более 20% по сравнению с прежними 14,8%.

Социальная структура ЦК КПК 16-го созыва в целом не претерпела существенных изменений. Как и при формировании делегатского корпуса XVI съезда, она сохранила свои традиционные корни, уходящие в основном в среду руководителей центрального и провинциального звена, а также кадровых работников и должностных лиц ЦОАК и крупных военных округов. Вместе с тем, обозначилось, хотя и незначительно, новое качество социальной структуры ЦК КПК 16-го созыва, выразившееся в появлении в составе членов и кандидатов в члены ЦК КПК прослойки предпринимателей, которая составила 4,8% от их общего количества.²³ Весьма примечательно, что в рамках прежней социальной структуры обозначилось существенное, почти двукратное, увеличение представительства руководителей провинциального уровня: секретарей парткомов, их заместителей и губернаторов провинций. Эта тенденция отразила усиление роли провинций в принятии решений и в управлении страной.²⁴

По сути, полная передача власти на съезде от третьего поколения руководителей четвертому поколению была продемонстрирована фактом выхода из состава ЦК КПК генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэмина и его пятерых соратников по Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК — Ли Пэна, Чжу Жунцзи, Ли Жуйхуаня, Вэй Цзяньсиня и Ли Ланьцина. Это событие готовилось длительное время, было ожидаемо, однако для большинства политических экспертов оказалось в определенной степени сенсационным. Оно продемонстрировало новые качества партийного стиля и уровня политической культуры.

Одним из направлений политической реформы по-прежнему остается проблема разграничения функций партийных и государственных органов. Достигнув определенного уровня в течение 1980-х гг., в настоящее время эта практика переживает сложный период поиска и характеризуется новыми признаками на уровне провинций, городов центрального подчинения и автономных районов. На уровне первых лиц парткомов и правительств провинциального звена в основном завершилась инициированная еще Дэн Сяопином политика, направленная против совмещения партийных и правительственных постов.²⁵

Этот нелегкий процесс размежевания, который в начале 1990-х годов даже не стоял на повестке дня, впервые продемонстрировал определенный положительный результат.

Однако параллельно произошел новый виток совмещения постов первых лиц парткомов и постоянных комитетов СНП на уровне провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, постепенно развивавшийся уже с начала 1990-х гг. и к настоящему времени достигший почти 100%-го уровня.²⁶ Действуя в рамках СНП, через совмещение постов, партия стремится усилить контрольные функции СНП над правительством, одновременно осуществить свою долю контроля, ибо юридические и политико-правовые нормы не предусматривают прямого партийного надзора над правительством, в то время как механизм внутривнутрипартийного контроля еще только складывается. Как свидетельствует современное развитие в области разграничения функций, главное направление проходит по линии размежевания правительственных организаций и предприятий. В этой сфере, получающей постепенно нормативную базу и скоординированной с партийной реформой и реформой правительства, имеются признаки успеха.

Как нам представляется, в настоящее время партийный центр не акцентирует проблему разграничения функций партии и правительства, как это имело место, по сути, до середины 1990-х гг. На повестку дня выдвигаются задачи внедрения единых норм и стандартов для нормирования функций партийных комитетов, государственных структур, демократических партий, неправительственных и общественных организаций, их взаимосвязей и взаимовлияний, направлений размежевания. Ставится задача упорядочения деятельности субъектов политической системы и государственной структуры, направленная на создание правовой системы управления страной. Как отметил в интервью корреспонденту газеты "Жэньминь жибао" заместитель директора Института политологии АОН Китая Фан Нин, за неполные три года со времени XVI съезда КПК, ЦК КПК, ВСНП и Госсовет КНР разработали и обнародовали более 30 законов, нормативных актов и положений, направленных на формирование демократической политической системы.²⁷ Следует отметить, что задача нормирования партийных, правительственных и административных функций выдвигалась еще XIII съездом КПК как важная составная часть реформы политической системы. В партийных кругах и в современной политологии КНР изменения в постановке проблемы разграничения функций партии и государства обозначаются как переход от политики "разделения функций партии и правительства" к политике "упорядочения отношений партийных и правительственных органов", при этом в рамках новой политики большое значение придается созданию эффективной системы контроля партии над деятельностью правительства. Одним из важных направлений упорядочения партийно-правительственных отношений признается давно назревшее "придание им законного характера". Местом прорыва формирующейся политической стратегии, согласно некоторым точкам зрения, базирующимся, по-видимому, на политической реальности совмещения постов партийных секретарей с постами председателей постоянных комитетов СНП провинциального уровня, предполагается избрать построение новых отношений между КПК и ВСНП. Их суть состоит в беспрецедентном усилении влияния компартии на формирование и направления деятельности ВСНП, прежде всего в области контроля над исполнительной властью.²⁸ Подобный ход политических преобразований в известной степени противоречит статьям и духу Конституции КНР, согласно которой ВСНП является высшим органом государственной власти, а не простым инструментом правящей партии, какими бы благими намерениями она ни руководствовалась. Очевидно то, что реформа партии и правительства активизировала теоретическую мысль в направлении координации партийно-политических преобразований.

Подытоживая характеристику партийно-политических процессов конца XX — начала XXI века, обозначим некоторые конструктивные моменты в указанной сфере, по меньшей мере, препятствующие дестабилизации положения:

- новые инициативы в различных областях — экономике, социальной сфере, политике, культуре — развиваются с участием науки. Это позволило определить новое содержание политики развития — переход к “институциональному строительству” — и обозначить задачу создания современной системы управления страной.²⁹ В этой связи нельзя не отметить по сути исторического значения Решения ЦК КПК и Госсовета об интенсификации работы по подготовке квалифицированных специалистов (опубликовано 1 января 2004 г.).³⁰ Стратегия — “квалифицированные специалисты делают государство сильным” (“жэньдай цянго”), тщательно расписанная в этом документе, в значительной степени направлена на реализацию одного из основных тезисов модели развития — опоры на науку, значимость которой в модернизации Китая возрастает с каждым днем.

В этой связи уместно вспомнить особенности развития науки и ее место в процессе социалистической модернизации в Советском Союзе. Бурный подъем науки в СССР в 1950-е — 60-е гг. и ее развитие на протяжении всего послевоенного периода выдвинули СССР в число самых образованных государств мира. Вместе с тем, уровень общественных наук в силу идеологических причин, строгой цензуры в этой области и т.п. практически не повышался. “Новые теории”, как, например, теория “развитого социализма”, писались в партийных кабинетах, в отрыве от подлинно научного подхода к проблемам общественного развития. Такая ситуация не способствовала созданию адекватных партийных и политических теорий.

Недооценка общественных наук имела в определенные периоды негативные последствия и для Китая. Так, в среде китайских ученых высказывается мнение, что одной из причин ошибочных политических решений, приведших к “культурной революции”, являлся недостаток внимания к развитию общественных наук. С середины 1990-х гг. поиск новых подходов осуществлялся с более активным, чем прежде, участием науки, что позволило не только “освободить сознание” от старых и неэффективных методов и решений, но и заложить предпосылки нового видения политики развития. Элементы научного подхода постепенно находят отражение в партийной практике принятия решений.

Центр инициатив КПК в области оптимизации партийного управления страной, сосредоточивается, в конечном итоге, на двух направлениях. Одно из них включает разработку механизма и создание нормативной основы смены политической власти, или, используя китайскую терминологию, механизма ротации и смены одного поколения руководителей другим поколением. В начале XXI века на этом направлении можно констатировать первые успехи. Если в СССР в послевоенный период в силу ряда причин так и не удалось прийти к созданию механизма смены власти на основе “коллективности руководства” и выработки нормативной базы этого процесса, то современная политическая реальность в КНР оживила надежды на возможность формирования полноценного правового механизма передачи властных полномочий в монопартийном государстве.

Второе направление, тесно связанное с первым, концентрируется на разработке и унификации института принятия решений. Его оформление в условиях внутрипартийной демократии, с участием экспертов и общественности — процесс сложный и длительный, начавшийся еще при Цзян Цзэмине. Он находится в стадии осуществления³¹. Существенным признаком нового порядка принятий важных решений становится возросшая роль в этом процессе института многопартийного сотрудничества и политических консультаций. В отличие от прежней партийной практики, при которой преобладала пропаганда намерений о более активном вовлечении в руководящий процесс демократических партий и беспартийных, новый программный документ по многопартийному сотрудничеству — “Соображения ЦК КПК о дальнейшем усилении

строительства системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций" (март 2005 г.) — определяет конкретные меры и порядок "политического участия" во власти демократических партий и беспартийных. Согласно этому документу, включение политических консультаций в процедуру принятия важных политических и государственных решений становится обязательной составной частью процесса принятия таких решений.³² Привлечение ученых-экспертов — одна из стадий этого процесса, который уже показал свою эффективность при обсуждении вопроса о внесении поправок в Конституцию в 2004 г., при решении проблемы смены административного руководства в Особом административном районе Сянган в 2004 г. Привлечение ученых высокой квалификации для участия в семинарах по обсуждению важных политических и государственных вопросов, организуемых лично Генеральным секретарем ЦК КПК, Председателем КНР Ху Цзиньтао для членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, руководящих партийных и государственных работников, начиная с 2004 г., является одной из новых форм взаимодействия партийно-политического руководства с наукой при обсуждении принципиальных вопросов политики развития.³³

Для формирования практики принятия решений на качественно новом уровне большее значение имеет поддержание постоянной связи между партийно-политическим руководством, с одной стороны, и членами партии и населением, с другой. Иными словами — сохранение и укрепление внутривнутрипартийного единства и единства партии и народа. XVI съезд КПК и принятые им поправки к Уставу партии стали определенным шагом к расширению социальной опоры и членского состава КПК. Однако с точки зрения совершенствования процедуры принятия решений эти меры не дают быстрого эффекта. Новое качество такого процесса напрямую зависит от характеристик кадрового корпуса руководящих работников, принимающих важные решения. Эта ситуация осознается руководством КПК. Повышаются не только требования к уровню образования и нравственным качествам партийных и государственных служащих. Весьма существенной представляется принципиальная позиция высших руководителей в отношении расширения социального состава претендентов на руководящую работу. Так, руководитель организационного отдела ЦК КПК Хэ Гоцян во время инспекционной поездки в провинцию Фуцзянь в апреле 2004 г. заявил о намерении широкого набора кадров — из производственных отраслей, из различных социальных слоев, в том числе, из предпринимателей, из среды квалифицированных специалистов различных отраслей науки и техники, а также подчеркнул потребность сферы управления в привлечении молодых специалистов в области новых технологий.³⁴ В целях изменения сложившейся практики рекрутирования основной массы руководящих работников из номенклатуры (по данным на представителей четвертого поколения руководителей, более 70% составляет партийно-государственная номенклатура³⁵), представляющей, как показал опыт КПСС, большую опасность трансформации партийной верхушки в своеобразную замкнутую касту, предпринимается ряд мер.

По некоторым данным, еще в преддверии XVI съезда КПК было принято решение о значительном увеличении — до одной трети — представителей сферы производства в общем количестве кадровых работников высшего и среднего звена. Во избежание укоренения корпоративного характера комплектования кадров высшего звена в 2004–2005 гг. в г. Яньани, Цзинганьшане (провинция Цзянси) и в Шанхае были открыты три новых школы по подготовке руководящих кадров. С началом функционирования этих школ, работающих по новым правилам и в соответствии с новыми нормативными актами, процесс отбора, обучения и воспитания руководящих кадров нового поколения приобретает масштабный характер и иное качество, что дает в целом возможность скорректировать ситуацию в управлении партией и страной.

ной реформы, в сфере политических преобразований и создания эффективно действующего механизма управления. Так, изыскания в области идеологии положили начало процессу нового осмысления истории социалистических учений, сущности марксизма и ленинизма.³⁴ На этом фоне концепция “трех представительства”, равно как и масштабная идея “мирного возвышения Китая,” представляются в качестве важных составных частей подготовительной работы к формированию новой идеологии для всей китайской нации, учитывающей социо-культурные и политические особенности Китая и нацеленной в будущее.

Признаки трансформации КПК в современную политическую партию: расширение ее социального состава, попытки преодоления корпоративности управленческих кадров, постепенное формирование новой системы принятия решений и усилия по созданию механизма смены власти на правовой основе, сочетаются с одновременным витком централизации власти, с новым возрождением политики совмещения высоких руководящих постов в партийных и государственных органах, с ужесточением внутри- и внепартийного контроля не только за деятельностью управленцев, но и рядовых членов партии, ограничением дискуссионности о политической реформе и демократизации. В политологии существуют различные точки зрения на этот достаточно противоречивый процесс. Учитывая специфику партийно-политического строительства в КНР, связанную с особенностями развития правовой сферы, с недостатками административного законодательства и слабостью системы управления страной в целом, следует обратить особое внимание на то, что адаптация партии и политического режима к новым условиям осуществляется на фоне реальной угрозы дестабилизации положения в стране вследствие распространения “коррупции и злоупотреблений”. Такая непростая ситуация, с одной стороны, усиливает стремление руководящих инстанций к проведению решительных реформ, а с другой стороны, таит опасность поспешных решений, ошибочных подходов и деформации направлений некоторых политических процессов.

Подобное развитие, при всех своих плюсах и минусах, не ориентировано на политический плюрализм. И если в политической истории Китайской Республики (Тайвань) шел процесс постепенного и поэтапного развития от авторитаризма к многопартийности, то в КНР начала XXI века партийно-политическое руководство осуществляется в форме так называемого “мягкого авторитаризма”, в основе которого лежит идея совершенствования правления КПК и изыскания новых возможностей оптимизации существующего политического строя. Думается, что благоприятное развитие социальной сферы и достижение явных успехов в борьбе с коррупцией будут способствовать сужению области “прямого” управления со стороны партии и сосредоточению ее руководящей функции в основном в рамках контроля над воспитательной работой, получившей в 2004-2005 гг. новое качество.

1. Чжэнмин. 1997. № 1. С. 14-15.
2. Ху Аньган. Чжунго чжэнфу чжинэн чжуаньбянь юй вэйцзи гуанли/Чжунго: синьфа чжангуань [Трансформация функций китайского правительства в кризисное управление // Китай: взгляд на новое развитие] // Чжэцзян жэньминь чубаньше, 2004. С. 80.
3. Там же. С. 84-85.
4. Дандай Чжунго шэхуй цзэцэн яньцзю баогао [Доклад об обследовании социальных слоев в современном Китае]. Пекин, 2002.
5. См.: Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI века. С. 164-472.
6. M. Brandstoetter. Die Strukturreform der Zentralregierung seit 1998// China aktuell. Hamburg, 2002. Jg. XXXI. N 4. April. S. 410-423. См. также: К.А.Кокарев. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004. С. 165-177.
7. См. подробно: Шилюдя баогао [Доклады XVI съезда КПК]. Пекин, 2002.
8. Ляован. 2002. 18 ноября.

9. ИТАР-ТАСС. 2002. 12 ; China aktuell. 2002. № 9. S. 995.
10. См. также: КНР: проблемы построения общества сяокан // Экспресс-информация. № 8. ИДВ. Москва, 2005.
11. "Жэньминь жибао" он-лайн — 20.10.05.
12. См. подробно: Социальные последствия рыночных преобразований. 1978-2002 гг. М., 2004.
13. Чжунго гунчаньдан чжанчэн [Устав КПК]. Пекин, 2002.
14. Гоцзя чжиду цзяньше. [Строительство государственной системы]. С. 12-22.
15. См. подробно: Н.Л.Мамаева. Компартия Китая — адаптация к новым условиям // КНР 55 лет. Политика, экономика, культура. М., 2004. С. 130-131.
16. Ху Аньган. Дандэ шилюда юй синьлао цзяоти // Чжунго: синьфа чжангуань [XVI съезд КПК и приход нового на смену старому]. С. 68-70.
17. Жэньминь жибао. 2004. 9 сентября.
18. Жэньминь жибао. 2004. 17 февраля.
19. Там же. 2004. 8 апреля.
20. ИТАР-ТАСС. 2005. 22 марта.
21. Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории. 1941-1991. Под ред. А.К.Соколова. М., 1999. С. 295-296.
22. Там же. С. 329.
23. Liu Jen-Kai. Die Zusammensetzung des XVI. Zentralkomitees der Kommunistischen Partei Chinas // China aktuell. 2003. № 6. S. 717.
24. См. подробнее: Н.Л.Мамаева. XVI съезд КПК и проблема адаптации партии к вызовам времени // Китайская Народная Республика в 2002 г. Политика, экономика, культура. С. 251-252.
25. Китай. Факты и цифры. 2004. Изд-во "Синьсин". Пекин, 2004. С. 164-165; См. также: Антонов В.И. Руководители региональных партийных и государственных органов КНР в провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения, особых административных районах и особых зонах// КНР 55 лет. Политика, экономика, культура. М., 2004. С. 400-402.
26. Китай. Факты и цифры 2004: Синьсин. Пекин, 2004. С. 164-165; Антонов В.И. Руководители региональных партийных и государственных органов КНР в провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения, особых административных районах и особых зонах// КНР 55 лет. Политика, экономика, культура. М., 2004. С. 400-402.
27. "Жэньминь жибао" он-лайн — 21.10.05.
28. Чжу Гуанлэй, Чжоу Чжэнчжао. Данчжэн гуаньси гуйфаньхуа яньцзю [Упорядочение отношений партии и правительства]// Чжэнчжисюэ. 2005. N 2. С. 4-5. Линь Шанли. Данчжэн гуаньси цзяньшэдэ чжиду аньпай [Системное решение строительства отношений партии и правительства]// Сюэси жибао. 2002. N 5.
29. См. также: Портяков В.Я. О некоторых аспектах модернизации Китая. КНР: устойчивое развитие под знаком глобализации. М., 2004. С. 13-20.
30. Жэньминь жибао. 2004. 1 января.
31. Из интервью профессора Ху Аньгана корреспонденту газеты "Время новостей" А.Ломанову. 2004. 3 сентября.
32. Степанова Г.А. Многопартийное сотрудничество в Китае на новом этапе// Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докладов XV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" (Москва, 27-29 сентября 2005 г.). Часть II. М., 2005. С. 18-19.
33. Жэньминь жибао. 2004. 1,24 июля; China aktuell. 2004. № 7. S. 725.
34. China aktuell. 2004. № 4.S. 367.
35. Liu Jen-Kai. Die Zusammensetzung des XVI. Zentralkomitees der Kommunistischen Partei Chinas // China aktuell. 2003. № 6. S. 717-718. См. также: Антонов В.И. КНР: Высшие государственные и партийные органы. Биографии руководителей. М., 2005.
36. ИТАР-ТАСС. 2005. 11 ноября.

Южно-Китайское море: острова на материковой отмели

© 2006

Е. Степанов

Успешное экономическое развитие каждого государства зависит от его обеспеченности прежде всего энергетическим сырьем. В этом отношении Китай располагает достаточными запасами каменного угля и уже освоенными или потенциальными возможностями использования гидроресурсов. И лишь в части углеводородного сырья, составляющего основу топливно-энергетического баланса страны, наблюдается явный недостаток его запасов, который приходится покрывать за счет импортных поставок.

Между тем, еще до войны на Тихом океане в омывающих Китай морях проводились разведочные работы на нефть, газ и попутные продукты. Эти исследования показали, что донные отложения Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей являются потенциально нефтеносными. Последующие исследования, проводившиеся уже после окончания Второй мировой войны, подтвердили наличие нефтеносных слоев в обширных районах континентального шельфа омывающих Китай морей. При этом, по предварительным оценкам специалистов, запасы нефти континентального шельфа (материковой отмели) Южно-Китайского моря могут превзойти запасы Ближнего Востока. Один из ведущих китайских специалистов в области морского права профессор Цзи Госин в своих выступлениях приводит мнение китайских ученых, считающих, что донные структуры только той части материковой отмели, на которой расположены острова Спратли в Южно-Китайском море, содержат не менее 105 трлн баррелей нефти (1 баррель — 159 литров) и 25 трлн. куб. м. газа¹. Наиболее перспективными нефтеносными районами Южно-Китайского моря, кроме тех, которые расположены в пределах о-вов Спратли, является платформа, на которой находятся Парасельские о-ва, и Тонкинский залив.

Эта информация усилила внимание Китая к Южно-Китайскому морю, которое он стал проявлять еще с начала 30-х годов XX века.

* * *

Южно-Китайское море представляет собой полузамкнутое море², входящее в бассейн Тихого океана и расположенное на его западной окраине между Индокитайским и Малаккским п-овами, Малайским архипелагом (Малые и Большие Зондские и Филиппинские о-ва), о.Тайвань и побережьем южного Китая. На севере Тайваньским проливом оно связано с Восточно-Китайским морем, на северо-востоке проливами Баши, Лусон и Бабуян — с Филиппинским морем Тихого океана, на юге — проливами Геласа и Кариматра — с Яванским морем, а на юго-западе — Сингапурским и Малаккским проливами — с Андаманским морем Индийского океана. Площадь поверхности моря — 3537 тыс. кв. км.

К19206-1 55-40 + К19206-281 + 117

На западе и юге море ограничивается островной дугой, основанием которой служит подводный хребет вулканического происхождения; выступающий над поверхностью воды свод этой дуги образует острова Малайского архипелага — Филиппинские, Малые и Большие Зондские. Большую часть западной и южной части моря занимает материковая отмель — Зондский шельф с глубинами 30-70 м., увеличивающимися к северу и востоку до 150-200 м. Зондский шельф отделен от северной части моря глубокой донной впадиной, проходящей с юго-запада, от острова Спратли, к северо-востоку, до южной оконечности о. Тайвань. Эта впадина, глубины которой достигают 6000 м., как бы делит Южно-Китайское море на две части.

В его южной, в целом мелководной части, разбросано много островков, рифов и атоллов кораллового происхождения, объединяемых общим названием "острова Спратли" (китайское название Наньша цюньдао, вьетнамское — Куандао Чьонгша, филиппинское — Калаяана. Впрочем, филиппинское название относится только к северо-западной части района, где сосредоточена большая часть его островных объектов). До войны на Тихом океане эти острова, а скорее всего весь островной район Зондского шельфа, на котором они расположены, именовались Коралловыми островами. Иначе назывались они и в Китае: до 1947 г. они именовались Туаньша цюньдао, тогда как нынешнее их название — Наньша цюньдао — относилось к отмели Макклесфилд-бэнк, называемой ныне Чжунша цюньдао. В китайской специальной литературе Коралловые о-ва часто именовались в прошлом "Девятью островами Южно-Китайского моря"³, поскольку среди всех расположенных здесь островных объектов только девять находились постоянно выше уровня моря.⁴

Район островов Спратли включает свыше 100 мелких островков, рифов и атоллов, разбросанных в огромном эллипсе в юго-западной части Южно-Китайского моря, имеющем протяженность с юго-запада на северо-восток свыше 1000 км. Центр этого района лежит в 400 км. от островов Палаван и Калимантан, в 500 км. от побережья Вьетнама и в 1000 км. от китайского о. Хайнань. Основная часть островков, атоллов и рифов района расположена в его северо-восточной части, входящей или примыкающей к территориальным водам Филиппин. В юго-западной и западной частях Южно-Китайского моря находятся также острова Натуна (Бунгуран), Анамбас, Линга и другие более мелкие острова.

Северная часть моря, омывающая берега Китая, центрального и северного Вьетнама, более глубоководна, зона его континентального шельфа значительно уже, чем в южной части моря. Наряду с этим здесь имеется несколько поднятий или платформ, на одной из которых расположены состоящие из двух островных групп — Круассан и Амфитрит — Парасельские о-ва (китайское название Сиша цюньдао, вьетнамское — Куандао Хоанша), а на другой — отмель Макклесфилд-бэнк, называемая в Китае Чжунша цюньдао, хотя островов (цюньдао) здесь пока нет. Отмель представляет собой гигантскую коралловую колонию с многочисленными мелководиями и рифами, постоянно находящимися почти на 10 м. ниже уровня моря. Как отмечал немецкий исследователь П.Шир, китайские ученые подсчитали, что ежегодный рост этих коралловых сооружений составляет около 10 см., так что через 100 лет Китай сможет позвать плоды своих нынешних притязаний на этот район.⁵

На подходах к Гонконгу (Сянгану), в 200 км от китайского берега расположены о-ва Пратас (Дунша цюньдао), состоящие из острова и двух прилегающих к нему отмелей.

Вплоть до начала XX века китайцы не только проявляли полнейшее безразличие к островам Южно-Китайского моря, но в ряде случаев официально отказывались от предположений, что некоторые из них принадлежат Китаю⁶. Интерес к Коралловым и Парасельским о-вам они проявили лишь после того, как французские колониальные власти Индокитая организовали более или менее регулярное патрулирование их своими военными кораблями. Однако и после начала такого патрулирования в течение довольно продолжительного времени островки Южно-Китайского моря продолжали сохранять неопределенный правовой статус.

С одной стороны, французские власти Индокитая считали их относящимися к территории Вьетнама, о чем, казалось бы, должны были свидетельствовать и посылка к ним французских военных кораблей, и арест французами и высылка с островов групп японских, а позднее и китайских рабочих, прибывавших сюда, чтобы наладить на них разработку богатейших залежей фосфатов (гуано). С другой стороны, хотя власти ни одной из стран региона не ставили под сомнение принадлежность островов Франции (Вьетнаму), до начала 30-х годов XX в. не было ни одного официального документа, который определял бы это в правовом отношении. Положение изменилось только в 30-х годах. В 1931 г. французский генерал-губернатор Индокитая официально объявил о принадлежности Вьетнаму Парасельских о-вов, а в 1933 г. был опубликован документ об аннексии ряда Коралловых о-вов — Спратли, Иту Аба, Титу, Лойта и ряда других.⁷ Никаких протестов в связи с этой акцией Париж не получал, хотя впоследствии китайские авторы утверждали, что нанкинское правительство предприняло будто бы некий “демарш протеста” против действий Франции.⁸

Тем не менее, в последующие годы между Францией и Китаем, действительно, велись неофициальные или полуофициальные переговоры относительно островов Южно-Китайского моря. В ходе этих переговоров китайские представители пытались оспорить утверждения французов о принадлежности островов Вьетнаму и убедить их в том, что на островах издавна будто бы существовали поселения китайских рыбаков.

Тем временем французы приступили к практическому освоению и обустройству островов. На некоторых из них были созданы франко-вьетнамские пограничные посты (например, на островах Спратли и Иту Аба Коралловых о-вов {о-ва Спратли} и на о. Патль Парасельского архипелага), на ряде других возводились маяки, метео- и радиостанции, на о. Иту Аба предполагалось построить порт для гидросамолетов. Начавшаяся в 1937 г. японо-китайская, а в 1939 г. Вторая мировая война внесли существенные изменения в ситуацию в омывающих Китай морях, в том числе и в Южно-Китайском море.

В феврале 1939 г. Япония, захватившая к тому времени большую часть приморского Китая, овладела о.Хайнань и приступила к утверждению своего контроля над Коралловыми о-вами, а затем и над Параселами. В ответ на протесты Франции, Япония заявила, что указанные острова, как минимум, с начала XX века находятся под ее полным экономическим контролем, в частности, именно ее подданные вели в акватории островов рыбный промысел и разрабатывали на них залежи фосфатов.⁹

Японцы создали на островах Иту Аба и Спратли свои базы для подводных лодок, а на о. Иту Аба построили к тому же взлетно-посадочную полосу. Действуя с этих баз, японская авиация и подводные лодки нанесли серьезный урон военному и торговому флоту союзников на первом этапе войны на Тихом океане.

После завершения войны на Тихом океане — во второй половине 1946 г. — китайское правительство направило к о-вам Спратли (к этому времени Коралловые о-ва официально изменили свое название) и к Парасельским о-вам две военно-морские экспедиции, которые, как писали в последующем китайские авторы, должны были “принять капитуляцию” японских гарнизонов и “восстановить” китайский суверенитет над ними.¹⁰ Экспедиция, направлявшаяся в район о-вов Спратли, посетила о. Иту Аба, где уничтожила все еще оставшиеся следы японского пребывания здесь, установила стелу с надписью о принадлежности островов Китаю и подняла над островом китайский флаг. Совершив действия, которые должны были, по мнению китайского политического руководства, свидетельствовать о принадлежности всех островов Спратли Китаю, экспедиция вернулась на родину.

Вторая экспедиция, которая посетила Парасельские о-ва (группу Амфитрит архипелага) не ограничилась простой демонстрацией принадлежности их Китаю. Помимо того, что и здесь был поднят флаг Китайской Республики и установлена стела с соответствующей надписью, на островах были учреждены

военные гарнизоны, а на самом большом островке группы — Вуди или Буае (кит. — Юнсиндао; вьетн. — Фулам) сразу же было развернуто строительство опорной базы.

Гоминьдановские войска были эвакуированы с Парасельских о-вов лишь после того, как в апреле 1950 г. Народно-освободительная армия Китая овладела о. Хайнань. В течение нескольких последующих лет острова группы Амфитрит оказались в положении бесхозных, как бы ничейных, однако франко-вьетнамская сторона, считавшая эти острова, как и все Параселы, принадлежащими Вьетнаму, не предприняла никаких шагов, чтобы воспользоваться ситуацией и установить над ними свой контроль. В середине 50-х годов острова были реокупированы китайскими войсками, которые прежде всего продолжили начатое там еще в конце 40-х годов гоминьдановцами строительство военно-морской базы и взлетно-посадочной полосы.

В 1951 г. вопрос о принадлежности островов Южно-Китайского моря оформился как международный спор. 17 мая 1951 г. президент Филиппин Э. Кирино заявил, что поскольку острова Калаяана (Спратли) расположены в непосредственной близости от берегов его страны, частично даже в пределах ее территориальных вод, они должны принадлежать Филиппинам, что послужит укреплению безопасности страны.¹¹ Правительство КНР немедленно отреагировало на это заявление, потребовав прекращения “авантюр” “филиппинских провокаторов и их американских подстрекателей”¹². А в сентябре 1951 г., выступая на Сан-Францисской мирной конференции с Японией, премьер-министр и министр иностранных дел баодаевского правительства Вьетнама Чан Ван Хау заявил: “Мы подтверждаем наши права на острова Спратли и Парасельские, которые всегда принадлежали Вьетнаму”¹³.

Что касается позиции правительства КНР относительно принадлежности островов Южно-Китайского моря, то она была изложена 15 августа 1951 г. в заявлении министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая по поводу американо-английского проекта мирного договора с Японией и конференции в Сан-Франциско. В документе содержались критические замечания китайского правительства по предложенному госдепартаментом США проекту мирного договора, в том числе по статьям его, касающимся территориальных вопросов. Отметим, что в проекте мирного договора говорится лишь об отказе Японии от всех прав и претензий на “о. Наньвэй и архипелаг Сиша” (о. Спратли и Парасельские о-ва. — *Авт.*), но обходится вопрос о “восстановлении суверенитета Китая” над этими территориями, министр иностранных дел КНР подчеркнул, что “в действительности архипелаг Сиша и о. Наньвэй, как и все острова Наньша, Чжунша и Дунша всегда являлись территорией Китая”¹⁴.

Таким образом острова Южно-Китайского моря явились первым районом, на который в официальном порядке были выдвинуты территориальные притязания КНР. Этому предшествовал акт “картографической агрессии”: уже на первых китайских картографических публикациях, осуществленных после создания народной республики, все островные группы и отмели Южно-Китайского моря изображались принадлежащими Китаю.¹⁵

Заявление Чжоу Эньлая от 15 августа 1951 г. не содержало, да по своему характеру и не могло содержать, какой-либо аргументации в обоснование выдвинутых территориальных претензий. Тем не менее в последующем позиция правительства КНР по этому вопросу в течение многих лет основывалась исключительно либо на ссылке на этот документ, либо на повторении его основного тезиса о принадлежности островов Китаю. Так, например, в заявлении МИД КНР от 20 января 1974 г. по поводу Парасельских событий просто указывалось: “Всемирно известно, что острова Сиша, Наньша, Чжунша и Дунша искони являются китайской территорией. Это неоспоримый факт. Такой позиции придерживаются все китайцы”¹⁶. И лишь 24 ноября 1975 г. в газете “Гуанмин жибао” была опубликована статья “Острова Южно-Китайского моря издревле являются территорией нашей страны”, в которой приводятся некоторые новые аргументы в обоснование китайских претензий на острова.

“В глубокой древности, — говорилось в статье, — китайский народ, совершая плавания и занимаясь производственной деятельностью в Южно-Китайском море, первым открыл эти острова, отмели и рифы, начал усердно и непрерывно их осваивать и эксплуатировать, и китайское правительство первым осуществило над ними юрисдикцию и суверенитет”. И далее: “В ходе длительной практики китайский народ раньше других открыл острова Южно-Китайского моря, а затем и стал их хозяином”.

Таким образом, в обоснование своих претензий на владение островами китайская сторона стала ссылаться, во-первых, на право первооткрытия и, во-вторых, на то, что в прошлом она постоянно осуществляла над ними свою юрисдикцию.

Уже с глубокой древности во взаимоотношениях стран и народов утвердилась точка зрения, что сам по себе факт открытия неизвестной, тем более необитаемой территории не равносителен приобретению этой территории. Территорию мало было просто открыть; ею надо было завладеть, т.е. постоянно контролировать, а когда она безлюдна, не заселена, — создать на ней поселения и учредить административное управление ею. Впоследствии эти положения оформились в широко использовавшуюся в эпоху великих географических открытий норму международного права, согласно которой признавалось, что открытие территории дает государству только первичное правооснование на владение ею. Оно действует как временная задержка на пути оккупации территории другим государством. Продолжительность этой задержки определяется тем временем, в течение которого возможно осуществление эффективной оккупации вновь открытой территории. Если в течение этого периода государство не предприняло попытки к превращению своего первичного правооснования в реальное, то оно теряет свою силу и всякое другое государство может приобрести эту территорию путем эффективной оккупации ее.

В широком обиходе термин “оккупация” связывается обычно с войной, когда в ходе боевых действий одна из воюющих сторон захватывает часть территории своего противника, утверждая там свой контроль, и устанавливает особый режим, называемый “оккупационным”. Оккупация же в правовом смысле — это акт присвоения государством земельного пространства, реализуя который оно получает суверенитет над территорией, к моменту оккупации не находящейся под юрисдикцией какого-либо третьего государства. Этот момент следует особо подчеркнуть: объектом оккупации, как средства приобретения территории, может быть только та территория, которая не принадлежит никакому государству, либо территория, никем не населенная.

Современное международное право считает, что территория должна быть действительно взята под контроль оккупирующим государством. Свидетельством этого может явиться создание на ней поселений, возведение постоянных построек, в том числе хозяйственного и культового назначения, а главное — организация местного административного управления, сопровождаемая официальным государственным актом — опубликованием правового документа о присоединении конкретной территории соответствующему государству и поднятием флага. Утверждение реального владения территорией — эффективная оккупация — направлена в конечном итоге на вовлечение ее в хозяйственную и административную жизнь государства. При этом международники-правоведы согласны в том, что даже если на необитаемой территории появилось постоянное население, государство официально объявило о ее аннексии и включило в одну из своих административных единиц, но местные органы власти, которые выполняли бы каждодневные управленческие функции, не созданы, эффективная оккупация трансформируется в оккупацию фиктивную, и государство теряет правооснования на владение территорией.

Если же государство вообще ограничивается только опубликованием официального документа о принадлежности ему территории, тем более необитаемой, может быть даже поднятием на ней флага и сооружением каких-то знаков, долженствующих свидетельствовать о принадлежности ему этой тер-

ритории, не сопровождаемыми практическими действиями по утверждению своего реального присутствия на ней и организации управления ею, то есть действиями, называемыми фиктивной оккупацией, то это не дает государству, объявившему о принадлежности ему этой территории, никаких оснований на владение ею.¹⁷

Что же касается реального развития ситуации в районе о-вов Спратли на протяжении многих веков, то, во-первых, вопреки утверждениям представителей Китая — политиков, ученых, публицистов — ни на одном островке этого района ни одна из многочисленных научных экспедиций, посетивших их, не обнаружила никаких следов сколько-нибудь продолжительного пребывания людей, исключая развалины построек предвоенных и военных лет. Никаких признаков того, что в какое-то время в прошлом китайцы (как, впрочем, и какие-то иные народы) “непрерывно осваивали и эксплуатировали” острова обнаружено не было.

Этого, во-вторых, и не могло быть, потому что с глубокой древности вплоть до середины XIX в. в Китае действовал “морской запрет” — система законоположений и практических мер, направленных на недопущение выхода подданных Китайской империи в открытое море за пределы прибрежных вод без специального на то разрешения властей. В окончательном виде система “морского запрета” сложилась к концу VI в. и просуществовала до второй половины XIX в.

В соответствии с представлениями китайцев в древности и средневековье, морское побережье являлось естественной границей страны. Бесконтрольный выход подданных империи в открытое море означал, с позиций этой концепции, что они оказывались за рубежами страны, вне контроля властей, а это всегда считалось в Китае чрезвычайно опасным для государственных устоев. Поэтому рыбакам разрешался промысел лишь в прибрежных водах, в зоне видимости береговых караулов. Выход кораблей в открытое море осуществлялся только по прямому распоряжению или с особого разрешения властей. Нарушение этой системы влекло за собой строжайшее наказание. И лишь с ослаблением, а затем и отменой “морского запрета” китайские рыбаки начинают совершать дальние выходы в море — в районы Параселов, отмели Макклесфилд-бэнк, к Коралловым островам. В частности, впервые появление китайских рыбаков в последнем районе было зафиксировано в 1867 г.¹⁸

В этих условиях, очевидно, совершенно беспредметно говорить о “юрисдикции и суверенитете” Китая над перманентно безлюдными и бесхозными островками района Спратли, крупнейший из которых (о. Иту Аба; кит. — Тайпиндао, вьетн. — Бабинь, филип. — Лиго) имеет площадь всего 0,45 кв. км., и которые вполне обоснованно вплоть до 60-х годов XX в. рассматривались как заброшенные (*terra nullus*).

Можно предположить, что первоначальным побудителем упорного стремления китайской стороны распространить свою юрисдикцию на Парасельские о-ва и о-ва Спратли являлось преувеличенное представление об их стратегической значимости как для обороны страны, так и для утверждения контроля над судоходством по проходящей через этот морской район международной трассе, связывающей Индийский океан с Тихим. Отражением подобных представлений явилось недвусмысленное замечание содержавшееся в упомянутой статье “Гуанмин жибао” о том, что “острова Южно-Китайского моря лежат вдоль дугообразной судоходной линии Гуанчжоу-Сянган-Аомынь-Манила-Сингапур, чем и определяется огромная важность положения этих островов”.

Ныне стало уже совершенно ясно, что независимо от того, что первоначально лежало в основе притязаний Китая на острова Южно-Китайского моря, повторяемые правительством КНР претензии на владение ими, представляют собой лишь видимую, формальную часть притязаний, ставших все более настоятельными в связи с появлением за последние 50 лет новых обстоятельств, первейшим из которых является обнаружение значительных запасов нефти на шельфе Южно-Китайского моря. Сохраняя внешнюю видимость спора о при-

надлежности островков этого моря, суммарная площадь которых (острова Спратли и Парасельские) не превышает 10-12 кв.км., по своему действительному содержанию он превратился в спор о правах на континентальный шельф Южно-Китайского моря.

Геологическая наука считает, что материковая отмель (континентальный шельф) и материковый склон представляют собой часть подводной окраины материка, примыкающей к суше и характеризующейся общим с ней геологическим строением. Таким образом, рассматривая континентальный шельф как прямое продолжение материка, геологическая наука напрямую увязывает его происхождение с прилегающей сушей. Это обстоятельство и послужило одним из правовых обоснований концепции распространения юрисдикции прибрежного государства на прилегающий к его сухопутной территории континентальный шельф. Другой важной причиной появления и утверждения этой правовой концепции послужило небезосновательное предположение о том, что область материковой отмели обладает благоприятными условиями для образования и накопления минеральных ресурсов, и естественное стремление прибрежного государства использовать их для собственного развития, не допуская к разработке этих ресурсов другие государства.

Научно-технический прогресс открыл широкие перспективы использования ресурсов морского дна вне пределов территориальных вод. В связи с этим возникла правовая проблема определения как норм, регулирующих разведку и разработку ресурсов дна материковой отмели, так и внешней границы районов, в пределах которых права на эти действия принадлежат исключительно прибрежному государству. Проблема носила международный характер, затрагивая интересы многих прибрежных государств, потому и решаться она должна была в рамках международного соглашения. Первая попытка решить все вопросы, связанные с использованием континентального шельфа, была принята на I Конференции ООН по морскому праву, состоявшейся в Женеве в 1958 г.

Среди прочих документов на Конференции была принята Конвенция о континентальном шельфе. Прежде всего в ней давалось правовое определение самого понятия "континентальный шельф". В статье 1 указывалось, что этот термин используется применительно: "а) к поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря до глубины 200 м. или за этим пределом до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов; б) к поверхности и недрам подобных подводных районов, примыкающих к берегам островов".¹⁹

Важно отметить, что Конвенция определяет, во-первых, объем тех суверенных прав, которыми обладает на шельфе прибрежное государство (разведка и разработка естественных ресурсов), во-вторых, исключительность этих прав, существование которых не зависит от того, используются они на практике прибрежным государством или нет, в-третьих, утверждением того, что эти права не зависят и от наличия или отсутствия эффективной оккупации шельфа прибрежным государством и, в-четвертых, что суверенные права прибрежного государства на шельф не затрагивают правового статуса открытого моря и воздушного пространства над ним.²⁰

Однако Женевская конвенция 1958 г. не смогла решить вопрос о четком определении внешнего предела континентального шельфа. Критерий примыкания указывает лишь на геологическое происхождение правового определения самого термина "континентальный шельф", подчеркивая степень близости шельфа по отношению к сухопутной территории государства. Критерий глубины также свидетельствует о геологическом происхождении термина "континентальный шельф". 200-метровая изобата упомянута потому, что в подавляющем большинстве случаев на этой глубине заканчивается шельф и следует резкое увеличение уклона морского дна — начинается континентальный склон. Техническая доступность — критерий, казавшийся достаточно определенным

в конце 50-х годов, потерял эту определенность при современном развитии техники. В современных условиях критерий технической доступности представляет возможности для расширительного толкования прибрежным государством понятия "континентальный шельф", позволяя продвигать внешний предел своего шельфа в сторону открытого моря.

Вопрос о четкой фиксации внешнего предела континентального шельфа нашел свое решение только на III Конференции ООН по морскому праву (1974—1982 г.). Принятая на ней Конвенция ООН четко определяет, что "континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние".²¹ В Конвенции в полном объеме сохранены суверенные права прибрежных государств на шельфе, определенные и зафиксированные в Женевской конвенции 1958 г.

Обращает на себя внимание деталь, которая может служить — и в ряде случаев, действительно, послужила причиной взаимных претензий и споров о самой принадлежности шельфа тому или иному прибрежному государству. И Конвенция 1958 г., и Конвенция 1982 г., основываясь на геологической концепции континентального шельфа, рассматривают его принадлежность прибрежному государству как данность, как само собой разумеющийся факт, а потому в тексте указанных документов этот момент особо не выделен. Этот пробел заполняет принятое еще 20 февраля 1969 г. решение Международного Суда ООН по спорам ФРГ с Голландией и Данией о разграничении континентального шельфа в Северном море.

Решение Международного Суда имеет обязательный характер лишь для непосредственных участников того дела, которое рассматривается Судом. Однако самому решению предшествует значительный раздел, содержащий правовые обоснования его.

В этой преамбуле к решению, Суд отметил, что "с точки зрения международного права, фактором, определяющим предоставление *ipso jure* (юридически, в силу права. — *Авт.*) права прибрежному государству в отношении его континентального шельфа, является то, что подводные районы можно рассматривать как часть той территории, которая уже находится под властью этого прибрежного государства в том смысле, что хотя эти районы и покрыты водой, они являются продолжением этой территории, расширением ее под морем." При этом Международный Суд счел нужным особо подчеркнуть, что "право прибрежного государства в отношении района континентального шельфа, представляющего собой естественное продолжение его сухопутной территории в море и под морем, существует *ipso facto* и *ab initio* (фактически и по природе, по происхождению. — *Авт.*) на основе его суверенитета над сушей... Короче говоря, здесь налицо неотъемлемое право. Чтобы им воспользоваться, нет необходимости ни обращаться в суд, ни предоставлять особые юридические документы."²²

В этих условиях Китай, отстоящий от наиболее перспективных районов шельфа Южно-Китайского моря (Зондского шельфа) на несколько сотен километров и отделенный от них глубокой донной впадиной, как бы "отсекающей" этот шельф от северной, прилежащей к материка части моря, как представлялось, видимо, китайским политикам, мог претендовать на владение по крайней мере частью его только в том случае, если утвердит свой суверенитет над островами района Спратли. При этом механически, чисто формально трактовались положения морского права, содержащиеся в пункте "b" статьи 1 Женевской конвенции 1958 г. о континентальном шельфе и в пункте 2 статьи 121 Конвенции ООН 1982 г., которые устанавливают, что острова имеют собствен-

ное территориальное море, прилежащую зону, континентальный шельф и исключительную экономическую зону.²³

На III Конференции ООН по морскому праву вставал вопрос о необходимости специально зафиксировать в итоговом документе, что мелкие островки, тем более ненаселенные и расположенные достаточно далеко от сухопутной территории государства, могут иметь только полосу территориального моря и прилегающей зоны, не обладая правами на собственный континентальный шельф и экономическую зону. Однако он так и остался документально неразрешенным, поскольку единогласия по нему достигнуто не было (решения на Конференции принимались на основе консенсуса; делегат КНР голосовал против предлагаемого решения). В итоге это и дало отдельным странам, в том числе и Китаю, возможности для чисто формального толкования указанных статей.

Встречая жесткое противодействие стран региона своим попыткам навязать им свое понимание вопроса о принадлежности островов, расположенных на материковой отмели Южно-Китайского моря, китайская сторона предпринимала попытки найти другие пути для создания ситуации, которая предоставляла бы ей какие-то правовые основания для ведения работ по разведке и разработке шельфа, чтобы утвердиться таким образом в регионе.

В 1984 г., встречаясь с делегацией Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета США, Дэн Сяопин, занимавший в то время пост заместителя премьера Госсовета КНР, высказал предложения, которые, по его мнению, можно было бы положить в основу решения некоторых международных споров. Они сводились к тому, что "при разрешении ряда территориальных споров можно вместо переговоров насчет суверенных прав сначала приступить к совместному освоению спорных территорий. В таких вопросах необходимо искать новые пути урегулирования на основе уважения реальной действительности".²⁴

Китай, долго и упорно утверждавший, что все островки, атоллы и рифы района Спратли испокон веков принадлежали ему, фактически никак не был представлен в этом районе и реально появился в нем только в марте 1988 г. Его акция по утверждению своего контроля над рядом оставшихся еще никем не занятых атоллов и рифов, встретила настороженность и отрицательную реакцию как со стороны стран АСЕАН, так и со стороны тесно сотрудничающих с ними Японии и США. Особую обеспокоенность этих стран, среди прочего, вызывало и то обстоятельство, что появление китайцев может, вызвав обострение обстановки в регионе, создать угрозу безопасности важнейшим международным морским коммуникациям, проходящим через него.

В известной степени усилению этой обеспокоенности способствовала публикация в это же время в китайской армейской газете концептуальной статьи, касающейся вопроса о морских границах страны. 3 апреля 1988 г. в армейской газете "Цзефанцзюнь бао" была опубликована статья, в которой, в частности, указывалось, что существует будто бы два вида международных границ: "географическая пограничная линия" и "стратегическая пограничная линия в трех сферах" — на суше, на море и в воздухе. "Географическая пограничная линия" — это, как пояснялось в статье, — относительно стабильная пограничная линия, определяемая правовыми документами, обозначенная на местности и нанесенная на карту. Что же касается "стратегической пограничной линии", правовая обоснованность самого появления которой в статье не пояснялась, то ее прохождение устанавливается и утверждается военными возможностями государства, она "отражает мощь государства в целом и служит интересам его существования, экономики, безопасности и научной деятельности".

В статье отмечается, что Китай обладает более чем 3 млн кв.км. морской поверхности, что составляет около трети площади его сухопутной территории. При этом "некогда мы придавали особое значение защите нашей сухопутной территории и 12-мильного пояса территориальных вод, считая их границей "Государственных ворот". Такая концепция является ограниченной. Перед лицом реальной и потенциальной угрозы и изменения ситуации мы долж-

ны передвинуть наши "Государственные ворота" за пределы морского района площадью в 3 млн кв.км... Эффективный контроль, осуществляемый в течение продолжительного времени над стратегическим районом, который располагается за пределами географических границ, в конечном счете приведет к переносу географических границ."

Если попытаться разобраться в написанном, можно предположить, что наличие "стратегической границы", как она представляется в Пекине, как будто поначалу не предполагает утверждения суверенитета государства в районе, возникающем между "географической" и "стратегической" границами. Всего лишь возникает как бы "зона безопасности и повышенного интереса". Однако из приведенной выдержки явствует, что "эффективный контроль" в этой зоне осуществляет именно Китай, и осуществление этого контроля "в течение длительного времени" должно повлечь "перенос географической границы", что приведет ее в соответствие с существующей на данный момент "стратегической границей". Тогда возникает необходимость определения новой "стратегической" границы, а следовательно, и новой зоны, находящейся "под эффективным контролем" Китая между "стратегической" и "географической" границами, которая по истечении "продолжительного времени" потребует нового переноса "географической границы".

Появление этой концепции явилось, во-первых, свидетельством того, что в КНР пересмотрели подход к определению задач и роли военно-морского флота. Если раньше флот носил функции оборонительного, прибрежного, то с появлением концепции, предусматривающей утверждение "эффективного контроля" Китая в зоне, расположенной между "географической" и "стратегической" границами в омывающих его морях, т.е. на значительном удалении от берега, главная роль должна отводиться флоту, который в этих условиях приобретает характер океанского, наступательного. Дальние походы китайских военных кораблей и маневры, проводившиеся боевыми соединениями флота в открытом море, в т.ч. и в Южно-Китайском, в самом конце 70-х — начале 80-х годов лишь подтверждают эти предположения.

Во-вторых, следует напомнить, что еще вскоре после Парасельского конфликта 1974 г., когда военно-морские силы КНР с боем овладели островами группы Круассан, установив тем самым свой контроль над всем Парасельским архипелагом, среди стран Юго-Восточной Азии утвердилось мнение, что Китай начал реализацию своих притязаний на острова Южно-Китайского моря, содержащихся в его многочисленных официальных документах по этому поводу. В индонезийской печати даже высказывалось предположение о существовании в Китае концепции "продвижения на юг по морю". Она предусматривала будто бы постепенный захват всех островков Южно-Китайского моря с тем, чтобы создать на них площадки для запуска ракет и опорные базы.²³

Иллюстрацией того, что индонезийские авторы были, видимо, не особенно далеки от истины, явилась акция китайской стороны в марте 1988 г., незадолго до появления указанной статьи в "Цзефанцзюнь бао", в ходе которой китайский флот взял под свой контроль ряд объектов в северо-восточной части района о-вов Спратли. При этом, правда, надо отметить, что все объекты, на которые высаживались китайские морские пехотинцы, не находились до этого времени под контролем какой-либо из заинтересованных стран. Иными словами, утверждая свое присутствие в районе, китайская сторона стремилась избежать открытого конфликта, который мог бы повлечь за собой резкое обострение обстановки в регионе и негативно сказаться на положении КНР на мировой арене.

С учетом приведенного выше высказывания относительно существования в Китае концепции "продвижения на юг по морю" обращает на себя внимание тот факт, что на одном из атоллов, оказавшемся под контролем китайцев — Файери Кросс (другое название — Норт-Вест Инвестигейтор; кит. — Юншущзяо; вьетн. — Чу Тап), используя его как основу, своего рода фундамент, они начали возводить искусственный остров, на котором, как писала 12 июня 1988 г. "Жэньминь жибао", будет создан порт. В последующие годы ино-

странные наблюдатели сообщали, что на этом искусственном острове возводятся взлетно-посадочная полоса, пригодная для приема современных боевых самолетов типа Су, и военная база, аналогичная той, которая была построена на о. Вуди группы Амфитрит Парасельского архипелага. Немаловажное значение, видимо, имеет и то обстоятельство, что Файери Кросс расположен в непосредственной близости как от судоходной трассы, связывающей Тихий и Индийский океаны, так и от основной островной опорной базы вьетнамцев в районе — острова Спратли.

Правда, поскольку концепция, изложенная в “Цзефанчюнь бао”, мягко выражаясь, резко диссонировала со всеми миролюбивыми заявлениями китайской стороны относительно ее готовности мирно сотрудничать со странами АСЕАН в совместной разведке и освоении ресурсов шельфа, отложив споры о принадлежности островов района, тема морских границ в китайской печати больше не поднималась.

В середине 90-х годов в Китае появилась еще одна концепция, обосновывавшая его притязания в этом районе, теперь уже не только и даже, пожалуй, не столько на острова, сколько на часть акватории Южно-Китайского моря. В 1995 г. Институт мирового конфликта и сотрудничества Калифорнийского университета (США) опубликовал доклад неоднократно упоминавшегося уже выше китайского правоведа проф. Цзи Госина, в котором, среди прочего, затрагивается вопрос о притязаниях Китая на шельф Южно-Китайского моря.

Автор доклада исходит из того, что еще 2100 лет назад Китай открыл острова Южно-Китайского моря, что дает ему право первооткрывателя. В XV веке эти острова были якобы включены в состав Китайской империи.²⁶ Эти факты, по его мнению, дают основания утверждать, что Китай всегда осуществлял юрисдикцию и суверенитет над островами Южно-Китайского моря, и акватория в центре его, заключенная между о. Титу на севере, рифом Амбойна Кэй на юге, о. Наньша и рифом Коммодор на востоке и о. Спратли на западе должна рассматриваться как “исторические воды” Китая, суверенитет которого над этими водами, как и над островами, их окружающими, был восстановлен статьей 2 Сан-Францисского мирного договора с Японией.²⁷

В связи с этим сразу же необходимо отметить, что утверждения о том, что суверенитет Китая над о-вами Спратли будто бы был восстановлен Сан-Францисским мирным договором с Японией не соответствуют действительности. Полный текст относящегося к указанным островам пункта “f” статьи 2 договора гласит: “Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на острова Спратли и Парасельские острова”.²⁸ Как и во всех прочих случаях, в договоре лишь зафиксирован отказ Японии от соответствующей территории без указаний на то, под чей суверенитет она попадает в дальнейшем. Это обстоятельство, кстати, было подвергнуто критике еще министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлаем в его заявлении относительно проекта мирного договора с Японией и конференции в Сан-Франциско, с которым он выступил 15 августа 1951 г.²⁹

Сложнее обстоит дело с выдвигаемой проф. Цзи концепцией, в соответствии с которой значительный морской район, где расположена большая часть объектов, относящихся к о-вам Спратли, и нефтеносных районов, на владение которыми претендует Китай, должен быть выделен в особую зону, являющуюся, по его мнению, не частью открытого моря, а “историческими водами”, т.е. частью внутренних вод Китая. Эта сложность определяется главным образом тем, что вопрос об “исторических водах” в современном морском праве практически не разработан. Иногда это понятие относится к прибрежным частям моря, чаще к заливам, которые по своим формальным признакам не подходят под правовое определение понятия внутренних вод, которыми они традиционно считались и считаются. По мнению правоведов, основополагающими для объявления каких-то водных районов историческими водами являющимися такие элементы, как осуществление государством в течение длительного времени ис-

ключительного суверенитета над таким районом и отсутствие возражений против этого со стороны большинства других государств.

Так, историческими водами России, помимо ряда заливов, всегда считались акватории Северных морей — Карского моря, морей Лаптевых и Восточно-Сибирского, образующих вместе с лежащими западнее и восточнее этого района водными бассейнами Северный морской путь, который до начала XX века именовался Северо-Восточным морским проходом. Вся трасса его, проходящая исключительно вдоль российских берегов, постоянно находилась под юрисдикцией России, использовалась только российскими или зафрахтованными ею судами. К тому же географические и климатические условия района диктуют необходимость обязательной ледокольно-лоцманской проводки судов в условиях арктической навигации и гидрографическое обслуживание их исключительно российской стороной. Дополнительным фактором, который был признан существенным и учитывался при квалификации вод упомянутых морей в качестве исторических, является значимость района в обеспечении интересов экономики и обороны России

Попытка же объявить часть акватории Южно-Китайского моря, лежащую по сути дела посередине открытого моря, “историческими водами” Китая не имеет никакого правового или исторического обоснования.

С точки зрения права, со времен Гуго Гроция, разработавшего ряд основных положений, которые и ныне лежат в основе международного, в частности, морского права, никакая часть открытого моря не может быть собственностью какого бы то ни было государства. Тезис Гроция “открытое море открыто для всех наций” и сегодня лежит в основе норм морского права. Так, этот тезис дословно повторен в статье 87 Конвенции ООН 1982 г., а статья 89 уточняет: “Никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету.”³⁰

Исторически, как уже говорилось выше, нет никаких подтверждений существования каких бы то ни было поселений на островках района. Да их и не могло быть. Сам характер островков (их чрезвычайно малые размеры) не дают возможности для автономного существования населения на них без постоянной связи с “большой землей”. Создание же китайцами таких поселений вдали от берегов своей страны и регулярная связь с ними являлось бы прямым нарушением положений “морского запрета” и не могло быть допущено.

Ненаселенность и бесхозность островов делает вопрос о юрисдикции и суверенитете над ними какой-либо страны в прошлом, а, следовательно, и над прилежащими к ним водами, абсолютно беспредметным.

В новейший период истории вопрос о суверенитете того или иного государства региона над конкретным безлюдным и бесхозным островком решался путем установления над ним эффективной оккупации, как того и требует современное международное право, и вовлечения его в хозяйственную жизнь страны. Как представляется, сегодня этот вопрос в принципе решен странами региона.

При этом нельзя сказать, что эти страны выступают против участия Китая в исследованиях и разработке ресурсов континентального шельфа района о-вов Спратли. Однако все они выступают прежде всего в защиту своих национальных интересов и за соблюдение в полном объеме своих суверенных прав на том шельфе, который принадлежит им *ab initio* — по происхождению, — и которые они решительно стремятся отстоять от всяких попользований государства, считающего, что владение несколькими коралловыми островками общей площадью 10-12 кв.км. может предоставить ему права на ресурсы дна морского района в несколько тысяч квадратных километров в ущерб интересам прибрежных стран.

Тем не менее они готовы вести переговоры с Китаем относительно закрепления за ним определенной зоны, в которой он мог бы проводить разведку и разработку ресурсов дна; китайской стороне предлагалось уже несколько различных вариантов возможного решения этого вопроса. Все они исходили из того, что предоставляемая Китаю зона разработки должна находиться в преде-

лах Зондского шельфа, но за рубежом максимально допустимой ширины континентального шельфа прибрежных стран.²¹

В этом случае, в правовом отношении, для Китая речь могла бы идти уже не столько о шельфе, на котором он обладал бы суверенными правами "в целях разведки и разработки его ресурсов", как определено в статье 77 Конвенции ООН,²² а о деятельности на морском дне, лежащем за пределами района национальной юрисдикции и именуемым в Конвенции "Район".²³ Эта деятельность регулируется совершенно иначе, чем деятельность государств на принадлежащем им шельфе.²⁴

Что касается позиции Китая по данному вопросу, то в официальном порядке он никогда не определял пределы того морского района, на континентальный шельф которого он претендует. Во всех документах китайской стороны речь шла исключительно об островах и прилежащем районе в самом общем плане. Профессор Ци Госин впервые достаточно четко обозначил пределы китайских претензий. Правда, сразу же оговорился: высказывания проф. Ци, определившего район "исторических вод" Китая, который несомненно должен принадлежать ему, не вызвал, по крайней мере, публично, никакой реакции китайских официальных властей.

Китайская сторона категорически отвергала все возможные варианты решения вопроса участия в разработке ресурсов дна этой части Южно-Китайского моря, если они не увязывались с вопросом подтверждения ее суверенных прав на островные объекты региона. Однако в последние 25 лет XX века сам по себе вопрос о принадлежности островов, как уже говорилось выше, оказался фактически решенным и в регионе возникла новая политическая ситуация. На фоне того, что Филиппины, Малайзия, Вьетнам и Тайвань утвердили свою эффективную оккупацию объектов, в которых они были заинтересованы, основав на них военные посты, поселения, хозяйственные предприятия, построив на некоторых из них взлетно-посадочные полосы, а самое главное — учредив на них местные административные органы, все претензии китайской стороны на суверенитет над островами района (исключая, разумеется те семь атоллов и рифов, над которыми был утвержден в 1988 г. эффективный контроль КНР), постоянно выражавшиеся в ее официальных документах и обосновываемые аргументами самого общего исторического характера, являются ничем иным, как элементарными территориальными притязаниями. Именно в них "упирались" все конструктивные предложения по разрешению проблем, существующих в регионе, и именно они создавали препятствия на пути развития добрых отношений Китая со странами региона, вызывая их беспокойство, опасения и сомнения по поводу действительной готовности китайской стороны к ведению плодотворного диалога по проблемам региона.

Усиление заинтересованности китайского руководства в нормализации, расширении и укреплении политических и экономических связей со странами региона и в создании условий, когда можно было бы достичь договоренности по реализации на практике формулы Дэн Сяопина, побудила его к изменению политики в районе островов. Уже с начала 90-х годов тезис об "историческом" характере суверенных прав Китая на острова мало-помалу отходит на задний план, тогда как ведущее положение занимают заверения китайской стороны в ее готовности к ведению переговоров об урегулировании проблем района исключительно на основе положений международного права и Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. При этом китайская сторона постоянно подчеркивала, что если прогресса на таких переговорах добиться не удастся, следует отложить все споры по территориальным вопросам до тех пор, пока "не созреют необходимые для их решения условия", и приступить к совместному освоению спорных территорий. Тем самым, по ее мнению, можно было бы избежать обострения ситуации, возникновения негативных последствий споров и разногласий и создать благоприятные условия для совместной разработки ресурсов шельфа.

Иными словами, китайская сторона, не снимая своих притязаний на суверенитет над о-вами Спратли, но не настаивая более на их первоочередном

урегулировании, стала выступать за то, чтобы перенести существующие в районе территориальные споры в категорию "отложенного спора", оставив их решение, возможно, "следующим поколениям" по типу того, как это было сделано с проблемой о-вов Сэнкаку в китайско-японском споре.

То, что подобный подход становится курсом политики КНР в отношении проблем Южно-Китайского моря, отметил в своих выступлениях и упоминавший уже проф. Цзи Госин. "Принимая во внимание существующие споры в отношении островов Спратли, — писал он в одной из своих статей, — Китай стремится занять примирительную и гибкую позицию, которая включает "откладывание споров и работу по совместному развитию" и мирное решение этих споров в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву." При этом проф. Цзи не преминул в традиционном духе оговориться, что острова с давних пор являются китайской территорией и что Китай "обязан защищать свою территориальную целостность и свои права и интересы на море."¹⁵

Дальнейшим подтверждением того, что китайская сторона стала использовать новые подходы в своей политике на этом направлении, явилось ее участие в Декларации о поведении заинтересованных сторон в Южно-Китайском море, принятой КНР и странами АСЕАН в 2002 г. Прежде всего участники Декларации посчитали нужным особо выделить и подчеркнуть свою приверженность целям и принципам Устава ООН, Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, Договору о дружественных отношениях и сотрудничестве, пяти принципам мирного сосуществования и другим общепринятым принципам международного права, рассматривая именно их основой взаимоотношений государств.

Особо важное место занимает пункт 4 Декларации. Во-первых, он содержит положение о том, что все участники указанного документа намерены искать решение своих территориальных и правовых споров (заметим, что таковые существуют не только между КНР и странами региона, но и между самими странами АСЕАН) мирными средствами, путем дружественных консультаций и переговоров, не используя угрозу силой или ее применение. При этом участники Декларации сочли необходимым еще раз повторить, что эти консультации и переговоры должны проходить "в соответствии с общепризнанными принципами международного права, включая Конвенцию ООН 1982 г. по морскому праву. Во-вторых, значительно и то обстоятельство, что, как отмечено в тексте этого пункта, вопрос об урегулировании указанных споров и общих методах этого урегулирования относится только к "непосредственно заинтересованным суверенным государствам."

Не менее важно и положение пункта 5 документа, в котором участники его согласились ввести самоограничение своей деятельности, которая могла бы вызвать расширение и обострение споров, создав тем самым угрозу миру и стабильности в районе. К такой деятельности отнесены прежде всего меры по освоению и заселению тех островков, рифов и атоллов района, которые до сих пор еще остаются безлюдными.¹⁶

Документ содержит еще целый ряд положений, касающихся взаимоотношений и взаимодействия стран АСЕАН и Китая; по существу, можно говорить о том, что подписав эту Декларацию, ее участники приняли своеобразный "кодекс поведения", четкое и последовательное следование положениям которого может открыть дорогу для достижения урегулирования спорных проблем, существующих в районе.

Однако было бы ошибочным считать, что принятие указанной Декларации приведет к быстрому урегулированию существующих в регионе спорных вопросов. Это относится не только к тем спорам, которые существуют между Китаем и странами региона, хотя, видимо, именно они являются наиболее сложными. Но споры и разногласия и по территориальным, и по правовым вопросам существуют и между самими странами региона. Как и всякие территориальные споры, они носят крайне деликатный и болезненный для народов всех этих стран характер, отягощаемый дополнительным фактором — наличием в спорных районах углеводородного сырья. Важность обладания источниками его

для экономики стран мира продемонстрировала, в частности, обстановка на мировом рынке последних лет.

Все это многократно усилило необходимость спокойного и неспешного подхода заинтересованных стран к вопросам выработки основных положений и принципов, могущих открыть путь к достижению урегулирования, — возможно, постепенного, поэтапного.

Нельзя забывать и того, что в странах региона в течение многих лет существовало известное недоверие к политике Китая, сомнения в искренности его призывов к совместному развитию спорного района, подозрения в том, что все эти призывы в своей сути являются всего лишь маневром, направленным на то, чтобы под их прикрытием закрепиться в районах, на которые он претендует. Для преодоления этих “вопросов, оставленных историей”, также необходимо время. И плюс к этому — неукоснительное следование Китаем и другими участниками Декларации 2002 г. положениям, согласованным в этом документе.

Учитывая все эти обстоятельства, а также позиции непосредственно заинтересованных стран региона, можно предположить, что процесс урегулирования вопросов, которые должны способствовать созданию благоприятных условий для организации совместной разработки ресурсов морского дна района, займет достаточно продолжительное время.

Вместе с тем весьма важным положительным моментом, свидетельствующем о том, что все страны региона стремятся придерживаться достигнутого соглашения и добиться полной нормализации обстановки в этой части Южно-Китайского моря следует рассматривать договоренность между КНР, Филиппинами и Вьетнамом о совместном проведении сейсмической разведки дна, достигнутую в 2004 г. В ходе ее реализации, осуществленной в 2005 г., был обследован район шельфа площадью около 140 тыс. кв. км. и стороны намерены продолжить совместные работы.

1. Ji Guoxing. Maritime Jurisdiction in the Three China Seas. Institute on Global Conflict and Cooperation. Univ. of California. Political Paper 19. October 1995. P. 14.
2. Полузамкнутое море, как оно понимается географической наукой, — это море, частично окруженное материком и отделенное от океана или прилегающего моря островами, пороги между которыми ограничивают водообмен данного бассейна с прилежащим. Как правило, полузамкнутые моря имеют собственные морские течения и обладают собственным режимом вод. Международно-правовое понятие термина “полузамкнутое море” было сформулировано в Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. Конвенция определила, что полузамкнутое море — это море, окруженное двумя или более государствами, сообщающееся с другими морями через узкий проход и состоящее полностью или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон этих прибрежных государств.
3. См., напр.: Чу Шаотан. География нового Китая. М., 1953. С. 170.
4. Издавна островом считалась только та часть суши в открытом море, которая оставалась над морской поверхностью при наивысшем приливе. Позднее это положение было кодифицировано в статье 10 Женевской конвенции 1958 г. о территориальном море (см.: Международное право в документах, М. 1969. С. 123) и в статье 121 Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву (см.: Морское право. Официальный текст Конвенции ООН по морскому праву с приложением и предметным указателем. Нью-Йорк, 1984. С. 58.) Оба указанных документа подразумевают под понятием *остров* “естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе”.
5. Schier P. Die jungsten militrischen Auseinandersetzungen zwischen China und Vietnam in Sdchinesischen Meer und die gegenwrtigen Besitzverhltnisse im Spratly Archipel // China-aktuell, 1988. Juli. S. 576.
6. Так, в середине 90-х годов XIX в. на мелководье вблизи островной группы Амфитрит Парасельского архипелага потерпели крушение и затонули германское судно “Беллона” и японское “Имега Мару” с грузом меди, принадлежавшем Великобритании. Позднее часть этой меди была обнаружена на китайском о. Хайнань. Однако

- затонувший груз продолжал оставаться британской собственностью. Предполагая, что китайцы организовали подъем его в китайских территориальных водах у Парасельских о-вов в обход владельцев, английский посланник в Пекине заявил цинским властям протест. В ответ китайское внешнеполитическое ведомство — Цзунли ямынь — однозначно заявило, что Китай не может нести ответственность за расхищение затонувшего груза, поскольку Парасельские о-ва не принадлежат ему. (Tran-Minh Tiet. *L'aggression sino-communiste des iles Parasel vietnaminnese (La guerre pour la paix)*. Paris, 1975. P.13).
7. Summary on Paracel Islands. Bad-Gedesberg, 1974. P.2.
 8. См., напр.: People's China. 1956. № 13. P.26.
 9. Heinzig D. *Disputed Islands in the South China Sea*. Wiesbaden, 1976. P.30.
 10. Минбао юэкань (Гонконг). 1974. Т.9. № 5 (101). С. 4; Peking Review. 1959. № 9. P.21.
 11. The Hoang Sa and Truong Sa Archipelagoes (Paracels and Spratly). Dossier II. Hanoi, 1985. P.131.
 12. People's China. 1951. Vol. IV. № 5. Supplement. P.7.
 13. Digest of International Law. Vol. 3. Washington, 1964. P.595.
 14. Чжунхуа жэньминь гунхэго дуйвай вэньцзяньци [Сборник документов внешней политики КНР]. Вып. 2. Пекин, 1958. С. 32.
 15. См., напр.: Чжунго диту цзи [Карта Китая]. Шанхай, 1950; Чжунхуа жэньминь гунхэго фэишэн цзи [Атлас провинций КНР]. Шанхай, 1951. Карта № 42.
 16. Жэньминь жибао. 1974. 21 января.
 17. Подробнее по этому вопросу см.: Оппенгейм Л. *Международное право*. Т.1, п/т 2. М., 1949. С. 131-132.
 18. Heinzig D. *Op. cit.* P.23; подробнее о системе "морского запрета" см.: *Границы Китая: история формирования*. М., 2001. С. 403-413.
 19. *Международное право в документах*. С. 139.
 20. Там же.
 21. *Морское право*. С. 40.
 22. *North Sea Continental Shelf*. International Court Reports 1969. The Hague, 1969. P.23.
 23. *Международное право в документах*. С. 139; *Морское право*. С. 59.
 24. Дэн Сяопин. *Основные вопросы современного Китая*. М., 1988. С. 53.
 25. *Indonesian Observer*. 1976. Juni 22.
 26. Ji Guoxing. *Maritime Jurisdiction...* P.15. Надо при этом отметить, что одной из первых карт Китая, на которой (на врезке, как это стало практиковаться и в последующем) изображены и острова Южно-Китайского моря, в т.ч. и Коралловые о-ва, является карта к ежегоднику *The Chinese Yearbook, 1936-1937*. Shanghai, 1937.
 27. *Ibid.* P. 14, 23.
 28. Maki J.M. (ed.). *Selected Documents Far Eastern International Relations (1689-1951)*. Univ. of Washington Press. 1957. P. 284.
 29. *Сборник документов внешней политики КНР*. Вып. 2. С. 32.
 30. См.: *Морское право*. С. 45-46.
 31. Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву в статье 76 установила, что континентальный шельф прибрежных государств включает морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориальных вод "до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль... когда внешняя граница подводной окраины не простирается на такое расстояние". В тех же случаях, когда подводная окраина материка простирается более чем на 200 морских миль, прибрежное государство может по согласованию с Международным органом по морскому дну расширить пределы своего континентального шельфа, но не далее, чем до рубежа в 350 морских миль (около 630 км.) (*Морское право*. С. 40-41.)
 32. Там же. С. 41.
 33. Там же. Ст. 1 Конвенции. С. 3.
 34. Подробнее об этом см.: Там же. Ч. XI Конвенции. С. 63-78.
 35. Ji Guoxing. *China Versus South China Sea Security // Security Dialogue*. Oslo, 1998. Vol. 29. № 3. P.101.
 36. *Ocean Development and International Law*. 2003. № 34. P.282-283.

Австралия и Восточная Азия

© 2006

Ю. Цыганов

Анализируя взаимоотношения Австралии со странами Восточной Азии, следует начать со следующей отправной точки: практически вся международная политика, проводимая в последние годы кабинетом Джона Ховарда, сложилась и осуществлялась под знаком Восточного Тимора¹. Как известно, на рубеже тысячелетий одним из важнейших внешнеполитических мероприятий Австралии стала операция международных сил (Интерфет), которые в 1999 г. под австралийским водительством пришли наводить порядок на территории Восточного Тимора в связи с проведенным там референдумом о независимости. Общепринятые оценки в целом высоко ставят результаты миротворчества на Восточном Тиморе, соответственно, часто делается вывод об успехах внешнеполитического курса коалиционного кабинета Ховарда.

Однако при явном успехе австралийского миротворчества, взятого в гуманитарном аспекте, последствия восточнотиморской операции для отношений Австралии со странами региона оказались вовсе не радужными. Размещение крупного австралийского военного контингента за рубежом осуществлялось в соответствии с так называемой "доктриной Ховарда"². Австралия продемонстрировала, что она готова распространять в регионе "австралийские ценности", прибегая в случае необходимости к помощи своих вооруженных сил. Неизбежно результатом операции стало переосмысление принципов военного строительства, новая оборонительная концепция и меняющиеся отношения с окружающими странами Азии.

Провозгласив "доктрину Ховарда", правительство Австралии обозначило переход к более активной (если не агрессивной) внешней политике. Нельзя сказать, что это пришлось по вкусу странам окружающего региона. Восточнотиморская операция Австралии резко ухудшила ее отношения с Индонезией, в результате чего крупнейшая мусульманская страна перестала быть стратегическим союзником этой страны. Только в последнее время здесь наметилось некоторое улучшение: позитивным знаком стало заключение двустороннего соглашения о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Таиланд и Филиппины приняли участие в Интерфет, но это создало известное напряжение внутри АСЕАН с ее длительное время соблюдаемым принципом невмешательства в дела друг друга. С резкой критикой референдума о независимости Восточного Тимора и последующего ввода миротворческих сил выступила Малайзия, заявившая, что Тимор многое бы выиграл, оставаясь еще какое-то время в составе Индонезии. Да и лидер Восточного Тимора Санана Гушмао дал понять, что он гораздо больше заинтересован в хороших отношениях с Индонезией нежели в финансовой поддержке Австралии.

Готовность выдвигать вооруженные силы на отдаленные рубежи вызвала и недвусмысленную критику со стороны Китая. В частности, из Пекина

Цыганов Юрий Викторович, научный сотрудник Исследовательского центра современной Европы, Мельбурнский университет, Австралия.

К112, 116 - 2.15 / Австралия 71-81

раздались открытые предупреждения в адрес Австралии, что ей не следует поддерживать США в каких-либо столкновениях по поводу Тайваня. Было заявлено, что если Австралия будет участвовать в американских попытках защитить Тайвань, то это приведет к "очень серьезным последствиям". Таким образом, в результате реализации "доктрины Ховарда" на одной чаше весов оказалась успешная миротворческая операция на Восточном Тиморе, а на другой — потеря важнейшего союзника в регионе, подозрительность со стороны остальных стран и даже угроза конфликта с китайским гигантом.

"Доктрина Ховарда" посеяла недоверие со стороны стран региона в отношении Австралии, и последствием этого стала ее изоляция от интеграционных процессов, идущих в регионе. В первую очередь для Австралии крайне важным было решение стран АСЕАН создать Зону свободной торговли (АФТА). На первом этапе в нее вошли страны первоначальной шестерки членов АСЕАН (применение Общего эффективного преференциального тарифа в рамках АФТА к новым членам Ассоциации — Камбодже, Лаосу, Мьянме и Вьетнаму — происходит на договорной основе). Соглашение о Зоне свободной торговли АСЕАН вступило в силу 1 января 2002 г. Согласно данному документу, Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд договорились о снижении тарифов по 85% номенклатуры товаров (это более 38,4 тысяч строк тарифной номенклатуры) до уровня 0 — 5%. Исключение составляют только 60 наименований — главным образом сельскохозяйственной продукции, — для которых крайний срок наступит в 2010 г. В 2015 году придет очередь завершить такие же меры по снижению тарифов и для четверки новичков АСЕАН.

В дальнейшем лидеры стран Юго-Восточной Азии дали добро на то, чтобы частью АФТА стал и Китай. Таким образом, формируется крупнейшая зона свободной торговли с населением почти 2 млрд человек. По расчетам австралийского Центра международной экономики, обеспечение связей свободной торговли между АСЕАН, Австралией и Новой Зеландией было бы выгодно всем участникам. Экономические дивиденды к 2025 г. для членов АСЕАН в целом могли бы составить \$9,8 млрд, для Австралии — \$5,3 млрд, для Новой Зеландии — \$1 млрд.

Однако обострение отношений с соседями привело к тому, что АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с Австралией и Новой Зеландией. Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 года три ведущих члена АСЕАН — Малайзия, Индонезия и Филиппины — отказались начать соответствующие переговоры в первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира.

Чтобы компенсировать потерянные возможности вступления в АФТА, Австралия стала делать упор на двусторонние соглашения со странами региона. Она договорилась о режиме свободной торговли с Сингапуром (вступил в силу 28 июля 2003 г.) и с Таиландом (в полном объеме вступит в силу с 1 января 2010 г.). В мае 2005 г. Австралия начала переговоры о режиме свободной торговли с Малайзией.

Фактически, Австралия следует примеру США, которые решили подойти к зоне свободной торговли АСЕАН с "заднего хода", применив в качестве троянского коня Сингапур. Две страны договорились о свободной торговле на двусторонней основе, после чего в апреле этого года присоединиться к данному соглашению было предложено другим странам Юго-Восточной Азии. Первым шагом в реализации такого подхода было запланировано развитие совместными усилиями индонезийского острова Бинтан с упором на информационные технологии. Предполагается, что опыт этого пилотного проекта будет распространен на другие части Индонезии и ЮВА.

При этом Австралия по-прежнему желает быть частью АФТА. С этой целью она, по существу, вернулась к исходной точке и в феврале 2005 г. при-

ступила к повторному переговорному процессу относительно региональной зоны свободной торговли АСЕАН-Австралия-Новая Зеландия. Однако общий фон движения Страны Кенгуру в АФТА кардинально изменился. Пять лет назад речь шла о создании бестарифной зоны на основе слияния Зоны свободной торговли ASEAN (AFTA) и транс-тасманийской Зоны более тесных экономических отношений (Closer Economic Relations (CER)³. Учитывая развитый характер экономик и торгово-экономических отношений участников CER — Австралии и Новой Зеландии, они объективно выдвигались на роль лидера АСЕАН-Новоской “упряжки”⁴. Австралия уже примеряла на себя майку лидера. Сегодня же переговоры ведутся о вступлении стран CER в АФТА на индивидуальной основе, а на место лидера уже есть новый претендент — Китай.

Буквально накануне вступления в силу соглашения по АФТА — 6 ноября 2001 г. — лидеры стран Юго-Восточной Азии согласились работать вместе с Китаем над развитием крупнейшей зоны свободной торговли, которая в течение следующего десятилетия должна охватить почти 2 млрд потребителей. Таким образом, в первоначальный проект была внесена важная поправка — вместо испытывающей рецессию Японии мотором региональной экономики теперь рассматривается КНР. Бывший китайский премьер Чжу Жунцзи получил поддержку планов строительства зоны свободной торговли на ежегодной встрече стран АСЕАН в Брунее. Реализация этих планов означает объединение рыночной мощи стран, производящих \$2 трлн ВВП в год и обладающих совокупным торговым оборотом в \$1.23 трлн. В течение десяти лет должны быть отменены практически все пошлины. Соглашение АСЕАН и КНР ведет к образованию самого крупного в мире свободного рынка по числу населения и третьего после НАФТА и ЕС по объемам торговли.

Ассоциация, состоящая из 10 стран, приняла все предложения КНР. Было достигнуто соглашение, что Китай становится частью зоны свободной торговли АСЕАН. В Брунее Чжу Жунцзи говорил о реальности создания свободной зоны в течение 10 лет. Китай и страны АСЕАН приступили к непосредственному строительству зоны свободной торговли, подписав документ со сложным названием “Соглашение по торговле товарами в рамочном соглашении по всеобъемлющему экономическому сотрудничеству между АСЕАН и Китаем”⁵. Соглашение вступило в силу 1 июля 2005 г. Оно положило начало процессу снижения тарифов по 7000 видам продукции. Китай и шесть “старых” членов АСЕАН — Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд — должны завершить этот процесс к 2010 г. Четверо “новых” членов АСЕАН — Камбоджа, Лаос, Вьетнам и Мьянма — получили дополнительные пять лет переходного периода и полностью включатся в зону в 2015 г. Стороны также выработали механизм разрешения споров, подписав соответствующее соглашение.

Китай и АСЕАН применяют схему так называемого “раннего урожая”. Эта схема подразумевает, что если сотрудничающие стороны согласны на снижение тарифов по определенной группе товаров среди прочих групп, то соглашение по снижению тарифов реализуется в приоритетном порядке в отношении этой группы. Данная схема в первую очередь охватывает сельхозпродукцию. Например, в 2004 г. Китай и Таиланд договорились о нулевых тарифах по фруктам.

АСЕАН — первая организация, с которой Китай выразил намерение заключить соглашение о свободной торговле. Это отражает его экономические интересы и взаимоотношения, особенно в связи с вступлением КНР во Всемирную торговую организацию. Весьма интересной деталью оказалось отсутствие какой-либо оппозиции китайским предложениям со стороны членов АСЕАН, поскольку первоначально ожидалось противодействие со стороны Малайзии и Вьетнама, озабоченных конкуренцией своих товаров с китайскими. Так это произошло в 2000 г., когда на саммите в Сингапуре Чжу Жунцзи впервые предложил идею всемирного развития торговых и инвестиционных

связей, но не получил внятного отклика. И накануне Брунейской встречи бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад высказывался в том духе, что с включением Китая преимущества свободной зоны будут перечеркнуты вытеснением малазийских компаний с рынка. Но на самом саммите он все-таки оставил свои страхи при себе.

Изменение позиции стран АСЕАН относительно зоны свободной торговли, несомненно, было связано с нестабильной экономической ситуацией в мире и в регионе. Сложившаяся в предкризисные годы структура товарообмена привела к тому, что экономики стран оказались зависимыми от экспорта в развитые страны, который снижается из-за спада в мировой экономике.

Как известно, в последние годы страны АСЕАН пережили не одну волну спада. Для возобновления роста им нужен растущий спрос на свою продукцию, а найти его на Западе и в Японии сейчас трудно. Необходимы новые быстрорастущие рынки. И здесь по всем параметрам подходит Китай, который начинает позиционироваться не только как продавец или покупатель, но и как инвестор. В то же время сам факт формирования гигантского торгового регионального блока может привлечь новое внимание инвесторов из третьих стран, охладивших было к региону в связи с кризисами. Более того, это мощнейшее экономическое объединение может быть расширено в результате привлечения дополнительного экономического потенциала в связи с подключением к проекту Японии и Южной Кореи. Данный вопрос обсуждается в формате "АСЕАН+3", т.е. совместно с Китаем, Японией и Южной Кореей. Он действует с 1997 г., здесь сформированы механизмы встреч министров финансов, экономики и торговли, а также функционирования бизнес-форума для предпринимателей из заинтересованных стран.

Все больший интерес к Китаю как стороне взаимодействия для стран АСЕАН противоречит ожиданиям многих зарубежных специалистов по Азии, которые, исходя из жесткой конкуренции азиатских экспортеров на американских и европейских рынках, отрицали саму возможность развития более или менее широкого азиатского сотрудничества. Тем не менее, реальность свидетельствует о другом. Например, в 2005 г. торговля Китая со странами АСЕАН превысила 120 млрд долл. США⁶. Вступление Китая в ВТО ведет к дальнейшей интеграции этого огромного рынка не только в экономику Азии, но и в глобальную экономику. Интерес к Китаю подтверждается единогласной поддержкой его участия в свободной зоне Ассоциацией, которая постоянно подвергается критике за неспособность к решительным действиям, так как ее члены редко могут достичь консенсуса. И эта поддержка свидетельствует, что страны АСЕАН понимают необходимость принятия специальных мер для борьбы с глобальной нестабильностью, вызванной экономическим спадом и борьбой против терроризма.

Кстати, характерно, что во время 38-й встречи министров иностранных дел АСЕАН (Вьентьян, июль 2005 г.) малазийский министр Сайед Хамид выступил с комментарием, что Китай никогда не оказывал давления на страны АСЕАН и никогда не был колониальной державой⁷. Это несомненный камень, брошенный в огород стран-инициаторов создания форума Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС).

Напомним, что с 1990 г. Малайзия выступала инициатором создания Восточно-Азиатской экономической группировки (ВАЭГ), своего рода торговой коалиции без участия США, в которой несущей конструкцией были бы торгово-экономические связи Японии с региональными государствами. Известно, что западные страны воспрепятствовали созданию ВАЭГ, но с началом нового тысячелетия малазийский проект регионального блока получил второе дыхание, фактически отодвинув в сторону громко разрекламированные проекты АТЭС (кстати сказать, более похожие на благие пожелания), и довольно быстро встал на практические рельсы.

Наметившееся формирование торгово-экономического объединения из стран АСЕАН и трех других участников (Китай, Япония и Южная Корея) фактически является тем же самым ВАЭГ, только под другим именем — “АСЕАН+3” (с подспудным соперничеством Китая и Японии в борьбе за лидерство в группировке). Бывший малазийский премьер-министр доктор Махатхир еще в 2000 г. провозгласил победу своего видения восточно-азиатского регионализма, который реализуется в форме региональной организации, не включающей США и Австралию⁸. Тогда же Махатхир выразил надежду, что это образование из десяти стран станет гораздо более важной организацией, чем АТЭС, созданный по инициативе Австралии. По мнению Малайзии, АТЭС пытался ликвидировать не только ВАЭГ, но и сам АСЕАН и даже настроил одни страны группы против других. Кстати, бывший Госсекретарь США Джеймс Бейкер в своих мемуарах признает, что, хотя на публике он изображал умеренный подход к инициативе Махатхира, однако частным образом он прилагал все усилия, чтобы убить идею азиатского блока⁹.

Безусловно, успех асеановской политики Китая — это непосредственное вторжение в зону интересов Японии, привыкшей доминировать на рынке АСЕАН. Правда, страны Ассоциации и не собираются отказываться от сотрудничества с другими столпами региональной экономики. Одновременно с вынесением решения о включении Китая в зону свободной торговли АСЕАН лидеры стран-членов Ассоциации провели “сепаратные” переговоры с Японией и Южной Кореей о более тесной интеграции. Затем Ассоциация приступила к формированию еще одного круга сотрудничества по формуле “АСЕАН+6”, которая включает, помимо выше-названных стран, Индию, Австралию и Новую Зеландию.

Малайзия, предложившая провести Восточно-Азиатский саммит, видит его неким параллельным приложением к “АСЕАН+3”. Этот подход весьма устраивает Китай, но вызывает несогласие Индонезии и, конечно, Японии. Именно заинтересованность Индонезии в создании противовеса доминированию Китая привела, в конечном итоге, к приглашению на саммит Индии, Австралии и Новой Зеландии¹⁰. Австралия со своей стороны простиимулировала данный процесс оказанием многомиллиардной помощи Индонезии. В частности, австралийским миллиардом долларов в ближайшие пять лет финансируется Австралийско-Индонезийское партнерство по реконструкции и развитию, в первую очередь нацеленное на развитие Аче и Северной Суматры, пострадавших от цунами.

Для того, чтобы быть принятой в Восточно-Азиатский форум, Австралии пришлось убеждать контрагентов в своем миролюбии. Она развеяла опасения стран региона относительно своих военных амбиций, подписав в декабре 2005 г. — накануне Восточно-Азиатского саммита — Договор о дружбе и сотрудничестве со странами АСЕАН. Данный договор выступает в качестве пакта о ненападении между его участниками. Заключение договора призвано положить конец претензиям австралийского правительства на роль “заместителя американского шерифа” в регионе. Об этих претензиях не раз вспомнили в связи с приглашением Австралии на Восточно-Азиатский саммит, а само подписание стало предварительным условием допуска на эту встречу. Министр иностранных дел Австралии Александр Даунер признал, что подписание Договора о дружбе и сотрудничестве есть та цена, которую Австралия уплатила за участие в саммите (ранее Джон Ховард отрицал саму возможность подписания такого документа, поскольку он находится в явном противоречии с объявленной Ховардом в 2004 г. готовностью Страны Кенгуру нанести в регионе предупредительные удары по террористам)¹¹. Правда, Канберре удалось уговорить асеановских партнеров признать, что пакт о ненападении не должен влиять на ее связи с США и на существующие международные обязательства.

Пытаясь отвоевать себе место в асеановских структурах, Австралия одновременно пытается развернуть масштабное тогово-экономическое сотруд-

ничество на двусторонней основе с Китаем, ведя соответствующие переговоры о двусторонней свободной торговле. Высокая заинтересованность в таком соглашении привела к тому, что австралийское правительство стало всячески избегать любых конфронтационных ситуаций. В первую очередь это касается столь любимой США проблемы прав человека.

В преддверии начала официальных переговоров по соглашению о свободной торговле министр иностранных дел Александр Даунер заявил, что Австралии не следует пытаться поднимать с Китаем вопросы прав человека¹². По мнению Даунера, обсуждение вопросов прав человека с китайцами во время любых торговых переговоров ни к чему не приведет, так как попытки сделать вопрос прав человека условием торговых переговоров будут отвергнуты Китаем, как и любой другой страной. Он заявил, что смешивание торговой проблематики с политической не может привести к успеху: ни торговое соглашение не будет достигнуто, ни улучшения в области прав человека не будут обеспечены. Даунер назвал обсуждение прав человека вещью символической, но бесплодной. До того он уже выступал со схожим заявлением, объясняя, почему Австралия отказывается поддерживать американские резолюции, вносившиеся в Комиссию ООН по правам человека для осуждения Китая за плохое положение дел в этой области¹³. Кроме того, в 2004 г. Даунер также сделал двусмысленное заявление в ответ на журналистский вопрос о правах человека в Китае, сообщив, что в китайской конституции эти самые права четко прописаны.

Вместо критики азиатского гиганта по проблемам прав человека Австралия выбрала способ, позволяющий демонстрировать озабоченность этими проблемами и в то же время не раздражать Пекин. В 1997 г. «для обеспечения взаимодействия по проблемам прав человека, вызывающим взаимное беспокойство», австралийское правительство инициировало австралийско-китайский диалог по правам человека. В июне 2005 г. в Пекине состоялся девятый раунд диалога¹⁴. В повестке дня стояли вопросы, включающие юридическую систему Китая, права работающих по найму, права женщин, свободу религии, Тибет и Синьцзян, а также отношение к политическим активистам и Фалуньгуну. Показательно, что, в том числе, диалог по правам человека фокусировался на проблеме СПИДа. Австралийская делегация знакомилась в провинции Хунань с тем, как Китай решает эту проблему на местах.

Накануне девятого раунда — в мае 2005 года — сотрудник посольства КНР Чэнь Юнлин обратился к австралийскому правительству с просьбой о политическом убежище, одновременно сделав разоблачительные заявления о работе шпионской сети и нелегальных преследованиях. Однако на встрече в Пекине это не нашло никакого отклика¹⁵. Комментируя такое отношение австралийской стороны, Роберт МакКлеланд, исполняющий обязанности теневого министра иностранных дел, заявил, что правительство «слишком стесняется» поднимать вопросы прав человека: например, оно не особенно настаивает на рассмотрении заявлений о том, что в Китае преследуются некоторые общественные организации. Сенатор от Зеленых Боб Браун вообще назвал переговоры «настолько же трусливыми, насколько и секретными». Он отметил, что «любой сложный вопрос снимается с повестки дня». Представители Демократов считают позицию Австралии по правам человека в Китае «бесчестной и слабой».

Политический комментатор газеты The Age Майкл Граттан охарактеризовал китайскую политику австралийского правительства как отличающуюся отсутствием ясности, реализма и решительности¹⁶. Премьер министр Джон Ховард, справедливо признавая значимость Китая для Австралии, старается культивировать добрые отношения с ним. При этом правительство наивно полагает, что оно может уклониться от того, чтобы иметь дело с неприятными чертами режима, остающегося репрессивным, несмотря на некоторый прогресс в

области прав человека. По словам Граттана, в этих вопросах правительство прячет голову в песок и рассчитывает, что также будут поступать все вокруг.

Появление Чэня на политической сцене повергло правительство Ховарда в настоящую панику. В условиях, когда двусторонние отношения получили новый блеск после успешного визита Ховарда в Китай и только что начатых переговоров о свободной торговле, дело Чэня стало досадным раздражителем. Правительство всячески затягивало решение вопроса об убежище, рассчитывая почему-то, что Чэнь уедет и все рассосется само собой. Отчаявшемуся Чэнь Юнлину пришлось обращаться к общественности через средства массовой информации. Правительство же пыталось представить его обычным просителем резидентной визы, каковым он не являлся уже в силу своего дипломатического статуса.

Правительство Ховарда пытается маневрировать не только в вопросах прав человека, но и в сферах, непосредственно затрагивающих взаимоотношения Австралии и США. Так, опасение обидеть Китай заставило австралийское правительство отклонить приглашение США принять участие в секретных переговорах относительно того, как следует реагировать на возвышение Китая. В июне 2003 г., когда администрация Буша решила, что растущая роль Китая на мировой арене требует более пристального внимания, было решено ежегодно проводить соответствующие переговоры, получившие наименование "Группа Халибат". Заседания группы проводятся в режиме максимальной секретности по самым широким темам: от милитаризации КНР до обеспечения неприкосновенности дипломатической почты. Наряду с Австралией, в "Группу Халибат" были приглашены Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и Япония. Несмотря на то, что вопросы касающиеся Китая как в военной, так и в экономической сфере, являются фундаментальными для национальных интересов Австралии, она отказалась от участия во встрече группы в январе 2005 г., мотивировав это тем, что она обеспокоена возможной реакцией Пекина и тем, что там могут счесть себя объектом некоего внешнего сговора. Это вызвало недоумение в Вашингтоне: США, в свою очередь, дали понять Австралии, что их не устраивает тот факт, что Китай использует свои экономические связи с Австралией для решения своих политических и стратегических вопросов¹⁷. Возникшие трения были погашены только, после того, как Ховард во время визита в Пекин пообещал ни за что не поступаться основными принципами.

В марте 2005 г. австралийское правительство отказалось поддержать усилия администрации Буша, оказывающего давление на страны ЕС с тем, чтобы европейцы не снимали эмбарго на поставки оружия в КНР (оно было введено после Тяньанмэня в 1989 году). Тем самым был поставлен еще один вопрос относительно состоятельности пакта АНЗЮС. Ведь КНР вооружается в первую очередь для присоединения Тайваня, находящегося под патронажем США, т.е. китайская военная мощь может быть направлена против большого австралийского союзника. А австралийское правительство все больше подчеркивает свою отстраненность от потенциального конфликта КНР-США.

Так, министр иностранных дел Даунер, прибыв с визитом в Китай в августе 2004 г. заявил, что в случае возникновения конфликта в Тайваньском проливе Австралия вовсе не намерена автоматически предоставлять помощь своему американскому союзнику¹⁸. Тем самым он дал понять, что первоначальная готовность кабинета Ховарда во всем поддерживать американские инициативы в данном случае может быть и пересмотрена. Это заявление вызвало целую бурю, и Канберре пришлось объясняться перед Вашингтоном. В дальнейшем премьер-министр Джон Ховард, а вслед за ним и Даунер, объявили проблему не заслуживающей особого внимания, поскольку вопрос о возможности участия Австралии на стороне США в гипотетическом конфликте в Тайваньском проливе носит академический характер. Тем не менее, Пол Дибб, ве-

душий специалист по оборонной политике Австралии, заявил, что подобные высказывания угрожают "самой ткани союза Австралии с США"¹⁹.

В целом, политическое маневрирование правительства Ховарда приносит свои материальные плоды. Сегодня Китай — второй по значимости экспортный рынок Австралии, после Японии. В последнее время он обогнал США и Корею. На него приходится 10,2% австралийского экспорта (См. Табл.1). Он также является вторым по значимости источником импортных поставок в Австралию — 13,3% от общего объема импорта. Всего за один год — с 2003/2004 г. по 2004/2005 г. — экспорт из Австралии в Китай вырос на 30,6%, а импорт — на 29,2%. При сохранении таких темпов, уже через два года Китай выйдет на первое место среди торговых партнеров Австралии. Интересно, что в 2002 году UBS Warburg спрогнозировал, что Китай станет главным австралийским экспортно-импортным рынком к 2012 году²⁰. По всей видимости, это может произойти гораздо раньше.

Таблица 1

Австралийская товарная торговля с Китаем (млн. австр. долл.)		Австралийская торговля услугами с Китаем (млн. австр. долл.)	
Экспорт в Китай	12978*	Экспорт услуг в Китай	2311
Импорт из Китая	19812	Импорт услуг из Китая	1218
Общий товарооборот	32790	Положительное сальдо по торговле услугами с Китаем	1093
Дефицит товарной торговли с Китаем	-6834		

* Включает 2725 млн австр. долл. конфиденциальных наименований (21% от общего объема экспорта).

Источник: Department of Foreign Affairs and Trade, Australian Government, 2005

Продукция сельского хозяйства и добывающих отраслей доминирует в австралийском экспорте, направляемом в Китай (См. Табл. 2). Экспорт готовых изделий также постепенно растет, но остается небольшим относительно к топливно-сырьевому сектору. В последние пять лет наметился рост объема услуг, предоставляемых Австралией Китаю, в первую очередь это образование и туризм. Навстречу, из Китая в Австралию движется готовая продукция, в первую очередь текстиль, одежда и обувь.

Таблица 2

Торговые отношения Австралии и Китая, 2004-05 г.

Основные позиции австралийского экспорта в Китай (млн. австр. долл.)		Основные позиции австралийского импорта из Китая (млн. австр. долл.)	
Железная руда	3818	Одежда	2859
Шерсть	1276	Компьютеры	2119
Уголь	490	Игрушки, игры, спорттовары	1028
Медные руды	349	Телекоммуникационное оборудование	1000
Сырая нефть	307	Мебель	789

С точки зрения инвестиций, Австралия не особенно отличилась в Китае. Правда, там представлены такие крупные корпорации как ANZ, Rio Tinto, Telstra, AMP, Cadburys и BHP Billiton. Со своей стороны, Китай постепенно наращивает свои инвестиции в Австралии, в первую голову приобретая доли в разработке

природных ресурсов. Это должно гарантированно обеспечить потребности в энергоносителях как китайской промышленности, так и китайских потребителей. В частности, в последние три года осуществляется проект по производству сжиженного газа в Западной Австралии оценочной стоимостью \$25 млрд долл. Это крупнейший экспортный контракт Австралии за всю ее историю. В проекте участвует китайский партнер — China National Offshore Oil Corporation, который приобрел значительную долю на северо-западном шельфе страны Оз.

В целом, экономики Австралии и Китая взаимодополняемы. Так, рост китайского производства ведет к увеличению закупок австралийской шерсти и железной руды. Китай также нуждается в специализированном оборудовании и телекоммуникационных средствах, каковые он может закупать в Австралии.

Австралия выигрывает от бурного китайского экономического роста и косвенным образом. По данным UBS Warburg, за последние годы Китай обеспечил 40 процентов прироста мирового производства. Этот вклад означает умеренный аппетит к потреблению сырья и материалов, что благоприятно сказывается на Австралии как поставщике сырьевых товаров.

Эксперты полагают, что спрос на продукцию первичного сектора будет продолжать расти, благодаря аппетитам Китая на сырьевые материалы. Однако, как ожидается, в течение последующих двух-трех лет цены упадут, так как предложение быстро приближается к уровню спроса. Сырьевые компании Австралии стараются вывезти в Китай все, что они в состоянии экспортировать. Так, экспорт угля через Ньюкасл — самый крупный порт по перевозке угля — вырос с 52 млн т. в 2000/2001 году до 68 млн т. в 2004/2005. И они в этом вовсе не одиноки.

Получить свою долю с высоких цен, установившихся благодаря китайскому спросу, стремятся все компании минерально-сырьевого сектора. В результате цены на сырье испытывают понижающее давление, и в этой связи агентство Access Economics, например, предрекает конец сырьевого бума²¹. Опрошенные агентством эксперты согласны, что цены на глинозем, медь, нефть, коксующийся уголь, железную руду и никель упадут на 30-50% в течение 2007 года.

В целом, направление движения топливно-сырьевых цен будет определять близлежащие перспективы австралийской экономики. Сейчас в результате роста цен ежегодно Австралия получает дополнительно 40 млрд долл. От сложившейся ситуации, несомненно, получают огромную выгоду добывающие компании. Добывающие сектора растут, увеличивается количество рабочих мест. Например, в центральном Квинсленде наблюдается оживление, которое некоторые комментаторы сравнивают с “золотой лихорадкой” в Виктории в середине XIX века. Однако зависимость экономики от того, будет ли и дальше Китай расти теми же темпами, вызывает беспокойство у экономистов, особенно в связи с неустойчивостью этого роста. Кроме того, рост цен на сырьевые товары в конечном итоге создает проблемы для импортеров сырья и энергоносителей, поскольку он подстегивает инфляцию. Таким образом, сам рост цен в конечном итоге превращается в отрицательный фактор.

В целом, на Восточную Азию приходится приблизительно половина внешней торговли Австралии (47% в 2004 г.).²² Здесь реализуется 50% австралийского экспорта (75,3 млрд долл.) и отсюда поступает 44% австралийского импорта (78,2 млрд долл.). При среднегодовых темпах прироста экспорта и импорта Австралии в регионе на 4% и 8% соответственно, 30-процентный прирост объемов торговли с Китаем, несомненно, является неординарным. опережающими темпами увеличивается экспорт из Австралии в Восточную Азию продукции первичного сектора (на 20% в 2004 году). Уголь, железная руда и сырая нефть являются ведущими товарами, поставляемыми из страны Оз. Первые позиции в австралийском импорте занимают пассажирские транспортные средства, сырая нефть и компьютеры.

Страны АСЕАН охватывают 31% торговли между Австралией и странами Восточной Азии. Для сравнения: на Японию приходится 29%, на Китай —

24% региональной торговли. Начиная с 1999 г., товарооборот растет в среднем на 6% в год.

В последнее время австралийское правительство уделяет все большее внимание торгово-экономическим связям со странами региона. Для этого ему пришлось пересмотреть некоторые внешнеполитические подходы, прежде всего отказаться от угроз силовых операций в регионе, каковые в 1999 г. были провозглашены частью "доктрины Ховарда" (в целях распространения австралийских ценностей) и в 2004 г. названы частью стратегии по борьбе с терроризмом. Приняв участие в первом заседании Восточно-Азиатского саммита, Австралия подписала пакт о ненападении со странами АСЕАН, что последние рассматривали как обязательное условие развития сотрудничества.

Стремясь ко всемерному развитию сотрудничества с Китаем, в последние годы претендующим на лидерство в блоке "АСЕАН+Китай" и "АСЕАН+3", правительство Ховарда старается проводить такую линию, которая в наименьшей степени вызывала бы негативные реакции в Пекине. Порой подобный курс входит в противоречие с намерениями австралийского правительства углублять союзнические отношения с США. По существу, несмотря на однозначную поддержку, оказанную Ховардом американскому вторжению в Ирак, Австралия вовсе не следует в фарватере американской политики, а пытается маневрировать между мировой сверхдержавой и державой региональной с потенциальными претензиями на глобальное лидерство.

Политика маневрирования и очевидного отказа от вмешательства во внутренние дела стран региона создала для Австралии потенциальные возможности включения в региональные интеграционные процессы. Однако успех этих процессов вовсе не очевиден, и, соответственно, не очевидны выгоды Австралии от такого участия. Можно согласиться с комментарием колумниста газеты *The Age* Тима Колебача, что участие Австралии во встречах АСЕАН и теперь Восточно-Азиатского саммита периферийно. Может быть, со временем это все вырастет во что-то серьезное, но пока оно (участие Австралии) сводится к красивой риторике²¹.

Кстати отметим, что 2005 год был первым годом действия соглашения о свободной торговле с США. Его результат — расширение еще на 1 млрд долл. австралийского дефицита в двусторонней торговле. Достигнутое ценой больших уступок американской стороне, соглашение вовсе не работает на благо национальной экономики Австралии. Учитывая, что соглашение о свободной торговле с США — одно из целого ряда соглашений, которые хотело бы заключить правительство Ховарда, разочаровывающий результат первого года ставит под вопрос всю стратегию подписания во что бы то ни стало соглашения о свободной торговле со странами региона.

1. См.: Юрий Цыганов, *Внешняя политика Австралии в свете парламентских выборов*. SBS Radio. Melbourne, Russian Language Program. 17, 24, 31 October 2004, [<http://www.political.narod.ru/ARCHIVE/ausforpol.htm>]
2. Следует отметить, что как таковая "доктрина Ховарда" в 1999 г. была уже через пять дней после своего появления урезана и "замята для ясности". "Доктрина" провозглашала приверженность австралийским ценностям и распространение их в регионе даже и силой оружия. При этом предполагалось опираться на помощь США в качестве "помощника американского шерифа". Однако администрация Клинтона отказалась делегировать Австралии какие-либо полномочия американского "шерифа" в регионе, что заставило моментально дезавуировать только что появившуюся доктрину. Тем не менее, в течение нескольких лет правительство Ховарда пыталось действовать в указанных рамках.
3. На ежегодной встрече министров экономики стран АСЕАН, состоявшейся в начале октября 2000 г. в Таиланде, ключевым вопросом было изучение проблематики "более тесного экономического партнерства" (Closer Economic Partnership, CEP) ме-

- жду странами АСЕАН, с одной стороны, и Австралией и Новой Зеландией — с другой. Тогда министры обсуждали доклад специализированной группы, которая рекомендовала создание безтарифной зоны на основе слияния Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) и транс-тасманийской Зоны более тесных экономических отношений “в самые ранние сроки, насколько это возможно”. В докладе, подготовленном группой, утверждалось, что создание такой зоны не только возможно, но и желательно, поскольку в результате появится единый рынок для более чем 530 млн человек, что приведет к производству дополнительного совокупного дохода в \$48 млрд к 2020 году. (см. Юрий Цыганов, Меркурий с азиатским лицом // *Валютный спекулянт*. No.6 (32). 2002. С.60-65)
4. Австралийская экономика, оцениваемая в \$US661 миллиард, перевешивает все экономики стран АСЕАН вместе взятые. Она не намного уступает Индии и Южной Корее.
 5. China, ASEAN start process of building free trade area // *People's Daily Online*. 30 November 2004 [http://english.people.com.cn/200411/30/eng20041130_165564.html]
 6. Yearender: ASEAN fosters intra, outer-cooperation Yearender: ASEAN fosters intra, outer-cooperation // — *People's — Daily — Online*, 23 — December — 2005 [http://english.people.com.cn/200512/23/eng20051223_230319.html]
 7. Connie Levett, Cynthia Banham, Asia Draws on Power of the Dragon, // *The Age*. 30 July 2005
 8. См.: Юрий Цыганов. Меркурий с азиатским лицом // *Валютный спекулянт*. No.6 (32). 2002. С.60-65
 9. Graeme Dobell. Australia to participate in first East Asia Summit // *ABC Online*, 10 December 2005, [<http://www.abc.net.au/correspondents/content/2005/s1528240.htm>]
 10. Patrick Walters, Asian juggernaut // *The Australian*, 10 December 2005
 11. Australia to sign East Asian treaty, *The Age*, 9 December 2005.
 12. China human rights not FTA issue: Downer // *The Age*, 14 March 2005.
 13. *Sunday — Nine*, 19 March 2000. [http://sunday.ninemsn.com.au/sunday/political_transcripts/article_451.asp?s=1]
 14. Australia-China Human Rights Dialogue // *Media Release — Minister for Foreign Affairs*, Australia, FA85 — 27 June 2005, [http://www.foreignminister.gov.au/releases/2005/fa085_05.html]
 15. Kim Landers. Aust declines US invite for talks over China // *PM — ABC Online*, 28 June 2005, [<http://www.abc.net.au/pm/content/2005/s1402573.htm>]
 16. Michelle Grattan. Too close to the bone // *The Age*. 12 June 2005.
 17. Leigh Sales. US-Australia relationship challenged by China policy // *AM — ABC Online*. 30 June 2005, [<http://www.abc.net.au/am/content/2005/s1403750.htm>]
 18. Jeffrey Robertson. China, Asia issues in Australian polls, // *Asia Times Online*. 9 October 2004, [<http://www.atimes.com/atimes/China/FJ09Ad06.html>]
 19. Tony Parkinson. Downer's Taiwan comments are a storm in a teacup // *The Age*. 21 August 2004.
 20. Tim Harcourt . When the Great Wall comes down: China's economic resurgence means opportunities for Australian exporters // *Austrade*. — 26 — March — 2002 [http://www.austrade.gov.au/corporate/layout/0,,0_S1-1_CORPXID0029-2_-3_PWB11006162-4_-5_-6_-7_,00.html]
 21. Matt O'Sullivan, Resources rule, but is king coal in it for the long haul? *The Sydney Morning Herald*. 6 January 2006.
 22. Australia's trade with East Asia 2004 // *Market Information and Analysis Section, Department of Foreign Affairs and Trade*. Commonwealth of Australia, June 2005
 23. Tim Colebatch, Our Asian dreaming // *The Age*. 13 December 2005.

К 50-летию Института Дальнего Востока РАН

От редакции: В связи с тем, что Институт Дальнего Востока как ведущая научная организация РАН по изучению проблем современного Китая является фактическим преемником Института китаеведения, учрежденного по решению Президиума АН СССР № 571 от 26 октября 1956 г., Ученый совет Института постановил отметить в октябре 2006 г. 50-летие Института Дальнего Востока РАН.

Выдающийся ученый-китаевед и организатор науки Михаил Иосифович Сладковский (к 50-летию ИДВ РАН и 100-летию со дня рождения М. И. Сладковского)

© 2006

М. Титаренко, В. Барышников

Приближающееся 50-летие Института Дальнего Востока РАН (октябрь 2006 г.) почти совпадает со 100-летием со дня рождения (21 ноября 2006 г.) члена-корреспондента АН СССР, профессора М. И. Сладковского, который в течение 18 лет с 1966 г. по 1985 г. был директором Института Дальнего Востока АН СССР.

Созданию ИДВ предшествовала драматическая, можно сказать, детективная история закрытия в 1960 году решением Н.С.Хрущева Института китаеведения АН СССР, журнала "Советское китаеведение" и старейшего востоковедного учебного заведения — Института востоковедения. Это решение было спровоцировано поступившей из Пекина предвзятой, необъективной информацией, в которой вторая часть термина "китаеведение" интерпретировалась как проявление "великодержавия" СССР и его стремления вести Китай и руководить им.

Институт китаеведения АН СССР был создан в 1956 году в период наивысшего подъема в развитии, как тогда говорилось, "братской дружбы СССР и Китая". Этот Институт оставил в истории отечественной синологии яркий, неизгладимый след. Он собрал и консолидировал ряды советских китаеведов, серьезно поредевшие в годы Великой Отечественной войны, а до этого в конце 30-х годов в ходе необоснованных репрессий.

Институт китаеведения, которым руководили видные китаеведы — сначала Перевертайло А.С., а затем Тихвинский С.Л. — ныне академик РАН, сыграл важную роль в развертывании на современном уровне комплексных исследований экономики, политики, культуры, истории нашего великого восточного соседа.

22-84. К-11(1)Слад

Работа велась с большим размахом в расчете на дальнейшее развитие дружбы, добрососедства и сотрудничества между двумя странами. Своеобразным гимном этой дружбы были слова популярной песни “Москва-Пекин” — “Русский с китайцем братья навек”. К сожалению, развитие двусторонних отношений пошло не в русле коренных интересов и желаний народов двух стран, а в соответствии с амбициями и прихотями ряда влиятельных деятелей Китая, прежде всего Мао Цзэдуна. Сыграли свою роль и необдуманные, поспешные волюнтаристские шаги советского руководства, возглавлявшегося Н.С.Хрущевым. Именно в период, когда образовался этот опасный внутренний нарыв в советско-китайских отношениях, именно тогда, когда неопределимое значение имел объективный трезвый анализ интересов двух стран и выработка на этой основе реалистических рекомендаций для поиска взаимоприемлемого компромисса и диалога, руководство Советского Союза не только отстранилось от научного источника объективной, аналитической информации о Китае, но и практически ликвидировало его.

Закрытие в 1960 г. Института китаеведения, журнала “Советское китаеведение” и учебного Института востоковедения нанесло тяжелый удар по отечественной востоковедческой науке, последствия которого сказываются и по сей день. Руководство страны оказалось отрезанным от правдивой информации о жизни, деятельности и политике великого соседнего государства на Востоке.

Последствия волюнтаристских действий Н.С.Хрущева сказались очень быстро. Именно тогда по инициативе ведущих российских китаеведов того времени С.Л.Тихвинского, О.Б.Рахманина, М. И. Сладковского и ряда других видных ученых-китаеведов были предприняты шаги по восстановлению комплексных исследований по Китаю. При вновь созданном Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР был создан Отдел истории. Однако его деятельность лишь частично решала проблему получения научных разработок и объективных оценок политики бывшего союзника и соседа и положения в КНР. После снятия Н.С.Хрущева в высшем партийном руководстве КПСС в конце 1964 г. было принято решение о воссоздании Института китаеведения и развертывании комплексного изучения советско-китайских отношений и современного Китая. В сентябре 1966 г. Президиум АН СССР принял решение о создании Института Дальнего Востока. Это нейтральное название было избрано, чтобы не давать тогдашнему китайскому руководству лишнего повода для нападок и обвинений.

Институт Дальнего Востока выступил полноправным преемником добрых традиций Института китаеведения и в целом демократических традиций российского востоковедения и отечественной синологии. Многие сотрудники закрытого Института китаеведения были приглашены на работу во вновь созданный Институт. М. И. Сладковский, в то время занимавший пост зам. заведующего Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, был рекомендован на пост директора вновь созданного Института.

Ныне, отмечая 50-летие со дня создания Института китаеведения АН СССР и его преемника — Института Дальнего Востока РАН, мы одновременно отмечаем и 100-летие со дня рождения директора Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковского. Он приложил много сил и энергии для воссоздания и консолидации отечественного китаеведения и становления целого ряда научных школ и направлений по изучению Китая, Японии и ситуации в Северо-Восточной Азии. В Институте была создана международная база подготовки высококвалифицированных исследователей-востоковедов. Научную эрудицию и увлеченность своей профессией китаеведа он черпал из своей богатой событиями жизни, длительного опыта работы в Китае и общения с китайцами из разных социальных слоев и солидной теоретической подготовки.

М.И.Сладковский родился 21 ноября 1906 г. в Сибири в семье железнодорожного рабочего. После окончания средней школы и учительских курсов поступил на китайское отделение восточного факультета Дальневосточного университета во Владивостоке. Еще студентом он был направлен в Китай на работу в Шанхайский университет, а затем на практику в город Харбин в уп-

равление Китайско-Восточной железной дороги. Именно во время пребывания в Китае определился его интерес к изучению этой страны, который стал магистральным направлением всей его дальнейшей деятельности.

После окончания Дальневосточного университета М. И. Сладковский, опираясь на полученные знания и опыт работы в Китае, более 35 лет своей жизни посвятил развитию торгово-экономических контактов Советского Союза с этой страной, а также с Корейской Народно-Демократической Республикой. Он занимал ответственные посты в Министерстве внешней торговли СССР. Несколько лет он проработал в Китае в качестве торгпреда.

В период гражданской войны и революционных событий в Китае М. И. Сладковский в качестве экономического советника командующего советскими войсками в Маньчжурии сыграл заметную роль в реализации советской программы помощи китайскому народу в антияпонской борьбе и в становлении новой власти, в создании военно-революционной базы Северо-Востока Китая в 1946-1948 гг. Как экономист М. И. Сладковский активно участвовал в разработке проектов ликвидации послевоенной разрухи, подготовке экономических курсов для нового Китая. Становление современной индустрии в Китае и КНДР, осуществлявшееся с помощью советских специалистов, координировалось при деятельном участии М. И. Сладковского, являвшегося опытным экспертом в области технико-экономического менеджмента. Он также непосредственно руководил организацией военной и экономической помощи СССР Китаю во время корейской войны 1950-1953 гг.

Одновременно с работой в практических государственных организациях (МВТ, ЦК КПСС) М. И. Сладковский весьма активно занимался научной и преподавательской деятельностью. В 1950-1961 гг. он читал курс лекций по экономике Китая в Московском институте востоковедения, а затем в Институте международных отношений МИД СССР, где ему было присвоено ученое звание профессора.

Плодотворной была его работа и в Научно-исследовательском конъюнктурном институте (НИКИ) Министерства внешней торговли, где он был разработчиком целого ряда тем по экономике Китая и других государств Дальнего Востока.

Однако наиболее плодотворным периодом жизни М. И. Сладковского как организатора научных исследований и активного их участника стали годы его работы в качестве директора Института Дальнего Востока АН СССР, начиная с 1966 года. Чтобы сделать Институт полноправным исследовательским учреждением, М. И. Сладковский взял на свои плечи громадную работу по комплектованию научного коллектива, организации аспирантуры и библиотеки при Институте, созданию печатно-множительной базы для распространения научной продукции ИДВ и т.д. Важной частью его деятельности было повседневное наблюдение и контроль за ходом строительства нынешнего здания Института на улице Красикова (ныне Нахимовском проспекте). Успешное его завершение создало на многие годы вперед хорошие условия для работы ученых. Трогательное внимание уделял М. И. Сладковский также улучшению бытовых нужд сотрудников Института. Здесь и "пробивание" квартир для нуждающихся, и обеспечение продовольственными заказами и путевками, и выделение садовых участков.

М. И. Сладковскому удалось создать хороший коллектив специалистов-востоковедов, наметить и реализовывать обширную программу научных исследований по широкому спектру современных проблем стран Дальнего Востока и в первую очередь Китая, включая их историю, экономику, идеологию, международные отношения, литературу и искусство. В большинстве монографических исследований, вышедших под грифом Института, М. И. Сладковский выступал в качестве одного из авторов или ответственного редактора. Получив широкое признание как творческая личность, как большой профессионал-востоковед и организатор науки, М. И. Сладковский в 1972 г. на общем собрании Академии наук СССР был избран членом-корреспондентом АН СССР.

По его инициативе в 1972 г. начал выходить журнал "Проблемы Дальнего Востока", главным редактором которого долгие годы был сам М. И. Сладковский.

С 1973 г. на регулярной основе Институт Дальнего Востока начал издавать ежегодник "Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология" (в экспериментальном порядке он выходил и ранее).

М. И. Сладковскому принадлежит также заслуга развертывания активных международных связей ИДВ с востоковедными центрами других стран.

С присущей ему мудростью и дальновзоркостью М. И. Сладковский постоянно ставил в программах научных исследований вопрос о необходимости изучения условий и возможностей преодоления конфронтации в отношениях СССР с Китайской Народной Республикой и налаживания с ней добрососедства и плодотворного взаимовыгодного сотрудничества.

М. И. Сладковский (и это также важно отметить) никогда не чурался работы на общественном поприще. Он избирался заместителем Председателя Исполкома Европейской ассоциации китаеведения, возглавлял Всесоюзную ассоциацию китаеведов, входил в Президиум советского Комитета защиты мира, работал заместителем председателя Комитета солидарности стран Азии и Африки и Общества советско-китайской дружбы. Его заслуги были отмечены многими правительственными наградами.

В известном смысле биография, история жизни, общественная, научная и дипломатическая деятельность М. И. Сладковского — это своеобразное зеркало истории отношений нашей страны с Китаем на ее важнейших ключевых этапах.

Богатый практический опыт М. И. Сладковского и глубокое знание им изнутри особенностей китайской цивилизации, китайского национального самосознания, искреннее уважительное отношение к китайскому народу и его культуре, понимание растущей международной роли Китая как великой державы позволили М. И. Сладковскому вместе с талантливым коллективом исследователей Института разработать комплексную многоуровневую программу изучения нашего дальневосточного соседа. По его инициативе была подготовлена целая серия фундаментальных трудов по китайской экономике и проведен конкретный исторический анализ развития китайской промышленности, сельского хозяйства, взаимодействия экономики регионов. В стенах Института под руководством С.Л.Тихвинского был создан творческий коллектив для изучения и издания документов по истории отношений между нашими странами, начиная с XVII века. Эта фундаментальная работа ведется совместно с МИД РФ и по сей день. Издано 5 томов документов. Под руководством М. И. Сладковского в Институте были подготовлены труды по истории Китая с древнейших времен до наших дней, новейшая история Китая, очерки истории КПК, история рабочего движения в Китае.

В годы развернутой в Китае Мао Цзэдуном так называемой "культурной революции" Институт Дальнего Востока сыграл важную роль в сохранении взвешенного, спокойного, объективного изучения ситуации в Китае. Оценки, рекомендации, выдвигавшиеся учеными ИДВ АН СССР и лично М. И. Сладковским, имевшим прямые контакты с высшим руководством страны, позволяли сдерживать накал полемических страстей.

В тяжелые годы кризиса в советско-китайских отношениях Институт Дальнего Востока АН СССР стал опорной базой деятельности Общества советско-китайской дружбы. И ныне ИДВ РАН остается активным поборником российско-китайского добрососедства, дружбы и сотрудничества. Ученые Института были и остаются самоотверженными волонтерами, которые беззаветно служат интересам наших стран, углублению взаимопонимания между нашей страной и Китаем, являются увлеченными энтузиастами и пропагандистами китайской культуры в России.

Когда хунвэйбины и цзаофани в годы "культурной революции" громили исторические памятники в Китае, сжигали книги, издевались над прославленными деятелями китайской культуры, ИДВ вместе с китаеведами других научных и учебных заведений страны наладили перевод выдающихся памятников китайской культуры. Именно в эти годы начала издаваться многотомная серия произведений классиков китайской литературы. Вышли знаменитые ро-

маны “Троецарствие”, “Речные заводы”, “Сон в красном тереме”, переводы стихов Ду Фу, Бо Цзюйи, Ли Бо, Ли Цинчжао. Вышли “Избранные произведения Сунь Ятсена”. Именно в эти годы замечательный русский китаевед Р.В.Вяткин начал перевод знаменитого компендиума китайской истории “Ши цзи” — “Исторические записки” Сыма Цяня. В 1971-1972 гг. была издана “Антология древнекитайской философии”, вышли переводы Сунь-цзы, Сюнь-цзы, Шан Яна, переводы произведений современных китайских писателей и поэтов Го Можо, Мао Дуня, Лао Шэ, Чжао Шули, Дин Лин. В 60-70-80-е годы вышли исследования о Мо-цзы, философии Ханьской эпохи и конца XIX века. Были изданы фундаментальные исследования о Кан Ювэе, китайских реформаторах. Вышли “История Китая с древнейших времен до наших дней”, “История рабочего движения в Китае” и т.д.

М. И. Сладковский в 1958 г. опубликовал “Очерки экономических отношений СССР с Китаем”. В основе этой монографии лежала его диссертация на степень доктора экономических наук. В 1971 г. вышла в свет книга М. И. Сладковского “Китай и Япония”, в 1974 г. — “История торгово-экономических отношений народов России с Китаем до 1917 г.”.

В 1977 г. М. И. Сладковский выпускает фундаментальный труд “История торгово-экономических отношений СССР с Китаем 1917-1974 гг.” В 1980 г. он публикует фундаментальный труд — “Китай и Англия”, в котором рассматривается роль Китая в мировой экономике. В 1984 г., за год до смерти, Михаил Иосифович Сладковский выпускает свой последний замечательный труд “Знакомство с Китаем и китайцами”, который стал его трогательной громкой “лебединой песней”. Эта книга содержит глубокие наблюдения, яркие эмоциональные зарисовки, а также анализ важнейших событий в истории российско-китайских отношений с начала XVII века вплоть до начала 80-х годов XX века. В этой книге, которая носит в значительной мере автобиографический характер, глубоко раскрываются не только общие особенности китайской культуры, но и показана специфика китайской бытовой, деловой, политической и коммерческой культуры. В книге содержатся ценные сведения о китайской медицине и ее чудодейственных лекарствах: женьшене, пантокрине и т.д., о китайской оздоровительной гимнастике. В этой книге читатель ознакомился также с многими глубокими наблюдениями и замечаниями о различных сложных периодах развития российско-китайских отношений на протяжении всей их почти 400-летней истории. В этом труде М. И. Сладковского содержится много воспоминаний о его встречах в 20-30-40-50-е годы с целым рядом видных государственных и партийных деятелей, которые принадлежали как к лагерю Гоминьдана, так и к деятелям КПК и КНР. Особенно примечательно описание М. И. Сладковским его встреч в 1926 г. с “товарищем Ляо”, с которым автор вновь встретился в Харбине в период решительного перелома гражданской войны в Китае и наступлении армии Северо-Восточного Китая в мае 1947 г. Им оказался член высшего руководства КПК Чэнь Юнь. Представляют значительный интерес и воспоминания о других китайских руководителях того времени — Линь Бяо, Гао Гане, Ли Фучуне, Пын Чжэне, Ло Фу (Чжан Вэньтяне) и др.

Таким образом, труды М. И. Сладковского — это не абстрактное повествование стороннего наблюдателя, а эмоциональный рассказ непосредственного очевидца и участника многих важных событий в истории двусторонних отношений и собственно освободительного движения в Китае.

В 2005 г. народы России и Китая отмечали 60-летие со дня завершения Второй мировой войны, победы в Великой Отечественной войне и победы в антияпонской войне. В этой связи исключительный интерес представляет анализ М. И. Сладковского поведения в те годы чунцинского правительства Гоминьдана, возглавлявшегося Чан Кайши. В книге показана огромная роль взаимодействия нашей страны с патриотическими силами Китая в условиях антияпонской борьбы этой страны, рассказывается о той огромной помощи СССР, которая была оказана Китаю в этой борьбе. Это и строительство автомобильного шоссе Сары-Озек — Ланьчжоу, которое стало трассой жизни в поддержке во-

оруженных сил Китая в борьбе против Японии, строительство автосборочного завода под Урумчи, нефтекомбината Тушанцзы, обеспечившего доставку нефтепродуктов в неоккупированные районы Китая. Именно в эти годы Советский Союз, сам испытывавший значительную нужду в инвестициях и средствах, оказал Китаю помощь в размере 500 млн долларов.

Касаясь уроков из истории отношений Советского Союза и Китая в 20-30-е годы, М. И. Сладковский показывает, что отход Чан Кайши от заветов Сунь Ятсена и его линия на ухудшение отношений с СССР, спровоцированный Чан Кайши конфликт с Советским Союзом в 1929 г. в Маньчжурии, который привел к четырехлетнему разрыву дипломатических отношений между нашими странами, по сути дела, создали предпосылки для поощрения агрессии Японии против Китая. Лишь после широкого вторжения Японии в Маньчжурию в конце 1932 г. правительство гоминьдановского Китая поняло необходимость восстановления советско-китайских отношений. Более того, Чан Кайши обратился тогда за экономической и военной помощью к Советскому Союзу. И именно наша страна, как отмечал нынешний Председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао в докладе, посвященном 60-летию разгрома японских милитаристов, была первой страной, которая откликнулась на зов о помощи со стороны Китая в борьбе против японских оккупантов.

Обобщая многовековую историю российско-китайских отношений и высказывая горечь по поводу того, что в начале 80-х годов XX века в советско-китайских отношениях сохранилась напряженность, М. И. Сладковский тем не менее в качестве итогового вывода приводит слова из 1-й статьи Кяхтинского договора (трактата) 1727 г.: "Сей новый договор нарочно сделан, чтоб между обеими империями мир крепчайший был и вечный и от нынешнего дня каждое государство своими подданными имеет право владеть и удерживать и зело почитать мир каждой имеет жестоко своих собирать и крепить, чтоб никакого противного дела не могли возбудить"¹.

В заключительных разделах своей книги М. И. Сладковский пишет: "Я остаюсь оптимистом и верю в то, что советско-китайские добрососедские отношения будут восстановлены. Порукой тому служит большой исторический опыт и далекого и недавнего прошлого"².

Научные труды М. И. Сладковского сохраняют свое научное значение, играли и играют важную роль в понимании нового Китая и его национальных интересов, его культуры.

Светлая надежда М. И. Сладковского — выдающегося ученого-китаеведа, глубокого знатока Китая на то, что добрые отношения дружбы и сотрудничества между нашей страной и Китаем "будут восстановлены", сбылась. Об этом свидетельствует высокий уровень стратегического взаимодействия и сотрудничества между нашими странами, об этом свидетельствует бурный рост торгово-экономического сотрудничества между РФ и КНР, об этом убедительно говорит и тот факт, что стороны подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и на основе его нашли взаимоприемлемое решение сложнейшего вопроса, оставленного нам историей — вопроса о линии границы. Именно утверждению принципов добрососедства, дружбы и сотрудничества между Россией и Китаем с юных лет отдавал все силы М. И. Сладковский. Его труды и сегодня служат этим же благородным целям.

Основные работы М.И.Сладковского:

Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М.: Внешнеторгиздат, 1953. 303 с.

Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешнеторгиздат, 1957. 455 с. (Защ. как докторская диссертация)

Торговля Советского Союза с Китаем / Внешняя торговля СССР с социалистическими странами. М., 1957. С. 21-62.

Семилетка и экономическое сотрудничество стран социалистического лагеря. М.: ИМО, 1959. 32 с.

Советско-китайское экономическое сотрудничество // 10 лет Китайской Народной Республики. М., 1959. С. 168-199.

Суть Ят-сен о путях экономического развития Китая // Сунь Ят-сен: 1866-1966. М., 1966. С. 190-215.

Угроза экономическим основам социализма в Китае // Коммунист. 1967, № 12. С. 92-108.

Ленинская политика Советского Союза в отношении Китая // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 1968. С. 5-20.

Советско-китайские отношения после разгрома японского милитаризма: (1945-1949 гг.) // Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1969. С. 121-158.

Китай и Япония / АН СССР. Ин-т Дальн. Востока. М.: ГРВЛ, 1971, 336 с.

Ленин и Китай / Ленин и проблемы современного Китая. М., 1971. С. 6-30.

Социально-экономический строй современного Китая // Современный Китай: Социально-экономические проблемы. М., 1972. С. 4-62.

История торгово-экономических отношений народов России с Китаем: (до 1917 г.) / АН СССР. Ин-т Дальн. Востока. М.: ГРВЛ, 1977. 368 с.

Китай: Основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978. 301 с.

Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1979, № 4. С. 143-152.

Китай и Англия / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М.: ГРВЛ, 1980. 351 с.

Значение пролетарского интернационализма в образовании и деятельности КПК: (К 60-летию Компартии Китая) // Проблемы Дальнего Востока. 1981, № 2. С. 112-123.

Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984. 381 с.

Литература о жизни и трудах

Памяти Михаила Иосифовича Сладковского: // Проблемы Дальнего Востока. 1985, № 4. С. 186-187.

70-летие члена-корреспондента АН СССР М.И.Сладковского // Проблемы Дальнего Востока. 1976, № 4. С. 182-183.

-
- 1 Цит. Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984. С. 369.
 - 2 Там же. С. 368. В настоящее время книга М. И. Сладковского "Знакомство с Китаем и китайцами" стала библиографической редкостью. Учитывая ее большую эвристическую ценность, Институт Дальнего Востока принял решение о переиздании ее в связи с юбилеем Института.

В России есть корифей конфуцианства — это потомок китайского коммуниста, которого зовут московским Конфуцием

© 2006

Янь Годун

Во второй половине XX в. экономический взлет расположенных в ареале конфуцианской культуры Японии и азиатских четырех малых драконов привлек внимание всего мира, а огромные успехи, достигнутые Китаем в политике постепенных и последовательных реформ и открытости миру вызвали еще большее удивление в России. Неожиданно для себя россияне увидели, что секрет успеха этих восточных стран очень тесно связан с глубокой традицией конфуцианской культуры. Китаеведы стали искать в конфуцианском учении панацею ускорения общественного развития, чтобы извлечь урок для экономических реформ в России. В связи с этим здесь постоянно переиздаются произведения конфуцианских классиков, а также их исследования, не прекращаются дискуссии, связанные с конфуцианством.

На самом гребне этой беспрецедентной в России волне интереса к исследованию конфуцианства стоит немолодой человек, который большую часть своей жизни провел, раскапывая груды старых бумаг и который стал известен как "московский Конфуций". Он все время публикует важные научные работы, постоянно присутствует на международных конференциях, его солидный синологический багаж и тонкий анализ снискали ему уважение международной конфуцианской общественности. Этот человек — член Российской Академии естественных наук, председатель Российского отделения Международной конфуцианской ассоциации, председатель Фонда Конфуция Института Дальнего Востока РАН Л.С. Переломов.

Потомок китайского революционера

Переломов — это настоящая русская фамилия, но восточные черты его лица явно свидетельствуют, что какие-то корни этого человека находятся на родине конфуцианства в Китае. Этот немолодой человек, которому в нынешнем году исполнилось уже 78 лет, является потомком старого китайского коммуниста. Переломов — это его фамилия по матери; у него есть и китайское имя — Цзи Ляола.

Отца Переломова звали Цзи Чжи. Вместе с Юнь Дайином и Жэнь Биши он занимался организацией рабочего движения. В 1924 г. он был направлен партией на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока. В 1925 г., когда разразилось "движение 30 мая", Цзи Чжи вернулся в Шанхай и в самое опасное время вступил в Коммунистическую партию Китая.

Янь Годун, профессор факультета западных языков института иностранных языков Нанькайского университета.

К. М. (11) Переломов 29-91.

Когда Цзи Чжи во второй раз приехал в Советский Союз в 1926 г., во Владивостоке он полюбил сибирскую девушку Переломову, которая обучала его русскому языку, и они поженились. В 1928 г. родился Леонард (*Ляола, китайская транскрипция русской краткой формы имени — Лера. Прим.пер.*) Переломов. Цзи Чжи многократно бывал то в СССР, то в Китае, вступил в ВКП(б), по заданию советской компартии под вымышленным именем тайно выезжал в Синьцзян для ведения подпольной работы, во время Второй мировой войны участвовал в обороне Москвы, отличился в боевых действиях.

В 1955 г. с помощью Чжан Вэньтяня Цзи Чжи вернулся на родину и принял участие в строительстве нового Китая. Во время культурной революции Цзи Чжи был репрессирован как “советский шпион”, его перевели на работу в министерство сельского хозяйства, а потом в Пекинскую библиотеку. В 1968 г. он был арестован и посажен в тюрьму. В 1975 г. с помощью премьера Госсовета Чжоу Эньлая Цзи Чжи был освобожден, а после устранения “банды четырех” и реабилитирован. Так уж сложилось, что в 1937 г. родители Леонарда расстались. После возвращения отца на родину Леонард и его младший брат остались вместе с матерью в СССР, а две его старшие сестры остались в Китае. Разлученный на долгие годы со своими двумя сыновьями, Цзи Чжи, благодаря помощи Дэн Сяопина и тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС Андропова увиделся с ними только в 1983 г. незадолго до своей смерти.

С детства был увлечен традиционной китайской культурой...

Под влиянием семьи и своего происхождения Леонард с детства испытывал большой интерес к традиционной культуре Китая. В 1951 г. он окончил Институт Востоковедения в Москве. За год до возвращения его отца в Китай он получил ученую степень кандидата наук за диссертационное исследование “Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221-202 гг. до н.э.). Затем он посвятил себя исследованию отношений истории китайской мысли и политических традиций, обращая основное внимание на учение китайского легизма. Он приезжал на учебу в Пекин, учился у великого историка Гу Цигана. В 1968 г. Леонард Переломов перевел “Книгу правителя области Шан” (Шан цзюнь шу), назвав в предисловии Конфуция самым выдающимся мыслителем мира, а его “Лунь юй” (“Беседы и суждения”) — классикой нравственной политики. В 1970 г. за свое исследование “Легизм и формирование первого китайского централизованного государства” (V-III вв. до н.э.) Переломов получил степень доктора наук.

В 1973 г., когда в Китае разворачивалась кампания “критики Линь Бяо и Конфуция”, Переломов перешел из Института востоковедения АН СССР в Институт Дальнего Востока и стал специализироваться на исследовании конфуцианства. С этого времени Переломов стал подвергаться широкой критике китайских научных кругов как главный рупор советского ревизионизма, низкопоклонства перед Конфуцием и антикитайских настроений. Как казалось в то время, этот “Конфуциев последыш из Москвы” и “антикитайский фигляр” пытался, используя свои “ядовитые” статьи, “бесстыдно превозносить Конфуциев последышей”, “нападать на идеи Мао Цзэдуна, вредить диктатуре пролетариата”. Что же касается отца Переломова, находившегося в это время в тюрьме, то выступления Леонарда несомненно служили доказательством “саморазоблачения” и усугубляли его тяжелое положение.

Считаю, что китайцы умеют развивать хорошие традиции...

Несмотря на разлуку с родными и трудности жизни, Переломов не менял своей жизненной позиции. После начала политики реформ и открытости в

Китае этот приверженец и исследователь конфуцианского учения превратился из “врага Китая” времен культурной революции в посланника китайской культуры за рубежом. В свое время пришли и слава, и положение. В своих книгах, таких как “Конфуцианство и легизм в политической истории Китая” (V-в до н.э.), “Изречения Конфуция”, “Лунь юй: Перевод и комментарии”, “Конфуций: Жизнь, учение и судьба”, а также в статьях Переломов постоянно давал свое новое осмысление конфуцианства. Его новая работа 2004 года “Конфуцианское “Четверокнижие””, (где он являлся автором предисловия — “Четверокнижие — ключ к постижению конфуцианства” и ответственным редактором), переданная Президентом Путиным Председателю Ху Цзиньтао в качестве официального подарка, стала заметным явлением в истории китайско-российских культурных обменов.

В прошлом году в ходе интервью Переломов дал свой общий взгляд на связь между конфуцианством и традиционной культурой, а также современным обществом. Он считает, что конфуцианство — это не философия, а мораль, функция которой состоит в том, чтобы гармонизировать отношения между человеком, обществом и политической властью. И еще, конфуцианство подразделяется на государственное и народное. Государственное конфуцианство — это конфуцианство аристократии, которое использовалось для управления страной, оно впитало в себя легистские идеи. Народное же конфуцианство вылилось в правила поведения, основывающиеся на конфуцианских классиках и призванные поддерживать человеческие отношения и ритуальный порядок. Переломов говорит, что в мире есть два вида капитализма. Один вид — это типичный для США протестантский капитализм. Другой — конфуцианский капитализм, характерный для Японии и Южной Кореи. В настоящее время китайское правительство вносит конфуцианские идеи в модернизацию страны, среди них выдвинутый товарищем Дэн Сяопином лозунг построения “общества малого благоденствия” (сяо кан), а также популярная сейчас концепция “гармоничного общества”. Переломов считает, что китайцы весьма удачно черпают ценные идеи из своей традиции и находят ей славное продолжение. В этой прекрасной традиции не только объяснение многотысячелетнего существования и прочности китайской цивилизации, но и залог развития и процветания современного Китая.

Можно сказать, что Л.С. Переломов действительно проникся духом конфуцианства — искать правду, учиться, применять знания на практике. Он по праву получил почетное имя “московского Конфуция”.

Впервые опубликовано на кит. яз.: Хуаньцю шибао (Global Times), 13 января 2006 г.

Перепечатка на кит. яз. на веб-портале газеты “Жэньминь жибао” от 17 января 2006 г. Постоянный адрес веб-страницы в интернете:
<http://pic.people.com.cn/BIG5/42590/4033817.html>

Перевод с китайского языка В.М. Майорова

Экономика

Синьцзян: от Турфана до Кашгара (Программа освоения западных районов в действии)

© 2006

Е. Баженова, А. Островский

Путешествие в Синьцзян было связано с проведением в г.Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, (СУАР КНР) международной конференции по проблемам регионального экономического и научно-технического сотрудничества. Организаторами конференции выступили Институт научно-технической политики Синьцзяна, Отдел по вопросам политики, законодательства и реформы Управления науки и техники СУАР, Отдел международного сотрудничества Управления науки и техники СУАР, Канцелярия Комиссии специалистов-советников СУАР, Институт научно-технической информации Синьцзяна.

В период пребывания в г.Урумчи состоялись встречи с дирекцией и сотрудниками Института научно-технической политики СУАР, Института научно-технической информации СУАР и Центра научно-технической информации о Центральной Азии СУАР. В ходе бесед в научных учреждениях в центре внимания находились вопросы региональной экономической и демографической политики КНР, в особенности содержание и ход выполнения Программы по освоению западных районов КНР. Для России особое значение имеет опыт КНР по ликвидации региональных диспропорций, подъему остальных регионов, созданию единого общегосударственного рынка, борьбы с дезинтеграционными тенденциями. Опыт Китая может быть крайне полезен в настоящих условиях расширения экономической самостоятельности регионов, создания новых бюджетных отношений между центром и регионами (повышение централизации бюджетных ресурсов при одновременной децентрализации бюджетных полномочий). Были высказаны предложения относительно возможности использования положительного опыта КНР и РФ в решении региональных проблем с целью сглаживания территориальной дифференциации, в значительной степени тормозящей ход экономических реформ в обеих странах.

В ходе встречи российской делегации с дирекцией и сотрудниками Института научно-технической информации СУАР обсуждались вопросы расширения дальнейшего сотрудничества ИДВ РАН и ИНТП СУАР. В свете послед-

Баженова Елена Степановна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, зам. директора ИДВ РАН.

1022, 81(5) + КВ.3 33-100

них решений 5-го Пленума ЦК КПК 16 созыва о приоритетном развитии науки и техники в Китае ИНТП СУАР предполагает наращивать темпы международного научного сотрудничества по всем направлениям. Были выдвинуты предложения стажировок аспирантов и сотрудников в РФ и КНР, организации полевых исследований в Чите, Алтайском крае и Ленинградской области и, соответственно, на территории Синьцзяна; подготовки совместных публикаций после обработки полученных материалов. Возможная тематика исследований — поддержка слабо развитых регионов, приграничное сотрудничество как фактор оживления местной экономики, транспортные коридоры на территории РФ и КНР — социально-экономическое и экологическое обоснование.

Главным направлением работы ИНТП СУАР является предоставление консультационных услуг при разработке и осуществлении различных проектов. В частности, это программа межрегионального сотрудничества в Алтайском регионе (РФ, КНР, Монголия, Казахстан), которая включает вопросы экономики, транспорта, связи, туризма и экологии; программы по исследованию совместного освоения пограничных районов Китая и Казахстана, сотрудничество вдоль трансконтинентального моста. Важным аспектом работы института является разработка рекомендаций для местного правительства по вопросам реформы политики внешней открытости, особенно в области науки и техники, подготовка программ по обучению кадров.

В свете проведения в жизнь Программы освоения западных районов очень важными для Синьцзяна являются вопросы закрепления кадров и кадровой политики. В последние годы имела место утечка кадров из СУАР — около половины студентов, выезжавших на обучение в центральные и юго-восточные районы, не возвращались домой. В конце 2004 г. Центральным правительством Китая было принято решение об укреплении кадрового строительства в западных районах, которое предусматривало целый ряд мер:

- 1) выделить адресные средства для укрепления базы высшего образования;
- 2) в центральных провинциях в школах организовать классы для обучения детей из районов проживания нацменьшинств (в 2004 г. из Синьцзяна направлено 3 тыс. детей);
- 3) ежегодно работников государственных учреждений и научно-технических сотрудников из западных районов направлять в центральные и южные районы на обучение в вузы и научные учреждения;
- 4) в плановом порядке повышать заработную плату специалистам на Западе;
- 5) в качестве поощрения выделять специальные пособия особенно хорошо работающим специалистам;
- 6) заключать специальные договора со специалистами, выезжающими на обучение в другие районы об их возвращении на прежнее место работы на срок от 5 до 10 лет;
- 7) привлекать для работы выпускников вузов из центральных и южных районов с сохранением регистрации по прежнему месту жительства и с начислением высокой зарплаты на срок около 5 лет;
- 8) из центральных районов 1/3 сотрудников административных органов специалистов по менеджменту и специалистов на предприятиях на 3 года направлять на Запад с сохранением высокой зарплаты; контроль квоты осуществляется на уровне центрального правительства;
- 9) для закрепления кадров проводить соответствующую жилищную и социальную политику (предоставление льготного жилья — оплата специалистами 20% стоимости жилья, остальная часть погашается за счет адресного бюджетного финансирования; предоставление медицинского обслуживания и страхования на льготных условиях).

Каждое министерство готовит свою программу оказания помощи западным районам. В частности, Министерство науки и техники в 2004 г. выделило 100 млн юаней на развитие науки и техники в Синьцзяне. Активно работает программа по

обмену специалистами Синьцзяна и центральных районов по линии министерства. Действует специальная программа по привлечению иностранных специалистов для работы в научно-технических учреждениях Синьцзяна.

В Синьцзяне в 2004 г. расходная часть бюджета составила 40 млрд юаней, 60% — дотации из центрального бюджета. В Синьцзяне выделены зоны бедности (Кашгар, Хотан, Аксу и Кызыл-Су Киргизский авт. округ), куда направляется адресная помощь. Критерий выделения — по уровню доходов, который должен быть меньше 1 тыс. юаней в год.

Во время встречи с дирекцией и сотрудниками Института научно-технической информации СУАР российская делегация была ознакомлена с основными направлениями работы института. Институт основан в 1975 г., насчитывает 75 сотрудников. Основные направления работы: 1) сбор, анализ и переработка научно-технической информации; 2) предоставление информационных и консультационных услуг в этой области; 3) исследования и консультации по программам “мягких наук” (научный менеджмент); 4) поиск нужной информации из банков данных со всего мира; 5) пополнение институтской библиотеки (традиционные и электронные носители); 6) аудио- и видео- технологии; изготовление видеofilмов на основе научно-технической информации; 7) центр экономической и научно-технической информации о Центральной Азии, в задачу которого также входит развитие научно-технических и экономических связей с этими странами; 8) консультационная коммерческая фирма по предоставлению платных информационных услуг; 9) центр по распространению научно-технической информации и обеспечению научно-технического прогресса на малых и средних предприятиях Синьцзяна (путем предоставления консультационных услуг, что способствует повышению производительности труда на этих предприятиях, повышает их конкурентоспособность); работает с 2003 г.; здесь же — оказание услуг по подготовке кадров, получению патентов.

С 1984 г. ежемесячно институт издает журнал “Информация о Центральной Азии” на китайском и уйгурском языках. При институте функционирует интернет-центр, в задачу которого входит создание и обновление 8 веб-сайтов (научно-техническая информация Синьцзяна, распространение знаний о новых технологиях, перерабатывающая промышленность Синьцзяна — эти сайты на китайском, уйгурском и казахском языках; сайт — научно-техническая и экономическая информация о Центральной Азии на китайском и русском языках и др.) и банков данных по разным областям знаний (научно-технические достижения Синьцзяна, природные ресурсы Синьцзяна, банк данных хлопка и т.д.).

Проводимые в Урумчи конференции могут служить хорошим примером плодотворного сотрудничества наших двух стран. Это форумы широкого обмена мнениями китайских и российских ученых и ознакомления китайских коллег с ситуацией в РФ и российских специалистов — с обстановкой в Китае. В будущем желательно приступить к проведению совместных научных проектов с подключением практических организаций, как это практикуется в научных контактах Китая с западными партнерами. Региональная тематика дает широкий выбор крайне актуальных тем.

На основании проведенных бесед можно выделить следующие основные задачи Программы освоения западных регионов КНР:

- создание новых “точек роста” и поддержание в целом высоких темпов роста экономики страны;
- ликвидация бедности, концентрирующейся в западных регионах, предотвращение социальной напряженности;
- оживление внутреннего рынка через рост потребления и расширения капитального строительства в западных регионах;
- изменение миграционных потоков, прекращение потока переселенцев из западных районов в более развитые восточные районы и снижение тем самым демографической нагрузки на востоке страны;

- более активное подключение западных регионов к общей политике реформ и внешнеэкономической открытости;
- создание новых "векторов связи" Китая — на запад в Европу и в Центральную Азию.

Организаторы конференции предоставили возможность выехать на полевые исследования — на один день в Турфанскую долину и на два дня в г.Кашгар, районы с преобладанием мусульманского населения (в основном уйгур). В ходе этих поездок делегация была ознакомлена с основными направлениями экономического и социального развития этих районов. Главные отрасли здесь — торговля, туризм (ежедневно — 3 рейса из Урумчи в Кашгар) и сельское хозяйство. Развита сельскохозяйственная машиностроение и ремонт техники, переработка сельскохозяйственной продукции, текстильная, трикотажная и ковровая промышленность. Состоялось посещение ковровой фабрики, где преимущественно заняты уйгурские женщины, нескольких семейных ремесленных предприятий, улицы местных кустарных ремесел, мусульманского рынка. До сих пор Кашгар сохранился как крупнейший торговый центр на Великом шелковом пути — знаменитый базар находится на берегу реки и по выходным из близких и дальних районов и уездов более десяти тысяч человек приезжает сюда по торговым делам. Очень интересным было посещение мусульманских кварталов в черте г.Кашгара, в том числе посещение уйгурских семей, где было возможно ознакомиться с образом и уровнем жизни местного населения, задать вопросы, подготовленные заранее членами российской делегации (экономические, социологические и демографические аспекты жизни семьи).

В центре Кашгара находится крупнейшая по своим размерам в Китае мечеть Айтгар, которая насчитывает 500-летнюю историю и так же знаменита, как мечети Бухары и Самарканда. Она была построена в 1442 г., расширялась и перестраивалась и обрела свои нынешние масштабы в 1872 г. Сейчас здесь культовый зал, зал для чтения канонов, красивейшая входная арка ворот, бассейн и другие сооружения, которые занимают огромную территорию, все вместе представляя собой прекрасный памятник древнего исламского зодчества в Синьцзяне.

В восточном пригороде Кашгара размещается мавзолей Ходжи Апоки (другое название — мавзолей наложницы Сянфэй), построенный в 1640 г. Здесь находится захоронение наложницы Сянфэй (в период царствования императора Цянь-Луна династии Цин) и еще 72 гробницы. Мавзолей и гробницы выложены красивейшей глазурованной черепицей сине-белого и зеленоватого цветов. Своды мавзолея образованы большепролетными арками необожженного кирпича, в четырех углах устроены арки ворот, декорированные золотым полумесяцем. Весь архитектурный комплекс демонстрирует высокое мастерство и выдающиеся способности древних уйгурских ремесленников.

По обширности и значению туристических ресурсов Синьцзян занимает первое место в стране (только одних пейзажных мест насчитывается 479, а еще исторические и культурные памятники, которым несть числа). В окрестностях Турфана находится множество достопримечательностей и памятников старины, оставшихся со времен Великого шелкового пути. К их числу относятся древние и ныне разрушенные города Гаочан и Цзяохэ. Гаочан находится в волости Халахэжю в 46 км к югу от Турфана. Он был основан в I веке до нашей эры и разрушен в XIV веке. Стены домов в основном сохранились полностью, руины города выглядят очень живописно. Крупный буддистский храм на севере древнего города использовался для чтения канона Тансэн, на стенах храма сохранились прекрасные настенные фрески. В оазисах Турфана и Хами на восточных отрогах Тяньшаня сосредоточено проживали ханьцы, переселившиеся с Центральной Китайской равнины. В 327 г. в начале правления династии Западная Цзинь было основано царство Ранняя Лян в рамках Гаочанского округа (цзюнь). В период династии Тан (618-907 гг.) на месте Гаочанского царства был образован округ Сичжоу, существовавший до 803 г. В 1961 г. Гаочан был включен Госсоветом КНР в перечень древних памятников, охраняе-

мых государством. Цзяохэ (название переводится с китайского как “пересечение рек”, так как омывался реками со всех сторон) расположен в 13 км к западу от Турфана. Руины древнего города сохранились полностью, занимая площадь 360 кв.км. По характеру строений он делится на части, где можно выделить храмы, жилища и учреждения. Основная застройка производилась в период династии Тан, это типичный китайский средневековый город, в прошлом столица западных территорий. Был разрушен в середине XV века.

В 48 км к западу от Турфана расположены Безыклякские гроты тысячи изваяний Будды — это каменные пещеры с множеством гротов, в которых сохранились богатейшие настенные фрески. До настоящего времени сохранилось 83 грота, в 40 из них сохранились настенные рисунки общей площадью более 1 тыс. кв. м. Самые поздние пещеры относятся к V-VI вв., настенные рисунки — произведения династии Тан, которые редко встречаются среди китайских буддистских пещер.

В силу особенностей климата и геологического строения в Турфанской долине огромную роль в народной жизни играют кяризные колодцы. 75% пахотных земель в окрестностях Турфана орошаются водой из кяризных колодцев. Местные жители называют их “линией жизни” турфанского оазиса. Структура колодцев состоит из подземных рек, арыков, мелких резервуаров и вертикальных колодцев для забора воды, которые копают снизу вверх примерно через каждые 20 метров. Протяженность действующих турфанских кяризных колодцев составляет 1200 км, а их общая длина — около 5000 км. Они относятся к числу древнейших гидротехнических сооружений и так же известны и знамениты как Великий канал и Великая китайская стена.

Район Синьцзяна в китайской истории назывался в древности “Западными территориями”. Его положение на стыке двух материков — Европы и Азии — обусловило оживленную миграцию народов. Этот край, изобилующий обширными пустынями, которые перерезают зеленые коридоры оазисов, издревле отличался этнической пестротой. Проживающие на территории СУАР 13 коренных национальностей (а всего их здесь обитает 47) прошли в истории сложный процесс смешения, ассимиляции и реструктуризации.

В 119-115 гг. до н.э. китайский император У-ди (династия Западная Хань, 206 г. до нашей эры — 25 г.) послал в Западные территории экспедицию во главе с Чжан Цянем, которая способствовала установлению между Центральной Китайской равниной и Западными территориями прочных постоянных связей, был официально проторен торговый караванный путь (Шелковый путь). В 60 г. до н.э. правительство Западной Хань учредило в Западных территориях должность наместника, что означало включение этих территорий в карту государственных владений Китая. На Западные территории переселилось немало ханьцев, составивших самостоятельную этническую группу.

В 40-е гг. IX века в этнографической архитектонике Западных территорий произошли изменения, связанные с массовой миграцией сюда уйгурских племен, проживавших в районе между Алтайскими горами и горами Большого Хингана. Дойдя до Турфанской впадины, уйгуры смешались с проживавшими там тюркскими народностями, затем распространились по южным предгорьям Тяньшаня. Уйгурский язык занял здесь господствующее положение. Почти одновременно произошло распространение ислама на восток из Караханского царства (с центром в Кашгаре). Географическое положение Западных территорий на стыке Востока и Запада и Шелковый торговый путь обусловили узловую роль этого района, где перекрещивались торговые пути и культурное влияние Востока и Запада.

Синьцзян располагает богатейшими природными ресурсами для развития промышленности и сельского хозяйства, в том числе ресурсами туристическими. За годы, истекшие с момента провозглашения СУАР (1955 г.) в районе создана многоотраслевая система экономики. Сегодня, когда китайское правительство взяло курс на освоение западных территорий, в Синьцзяне большое

внимание уделяется развитию специфических отраслей, в том числе одному из самых перспективных направлений — туризму, так как предполагается, что в XXI веке этот регион станет самым важным туристическим районом Китая.

Примечателен рельеф Синьцзяна, где имеются высокие горные хребты и глубокие впадины. Таримская впадина — крупнейшая в Китае, Турфанская впадина не знает равных по высокой средней температуре. На территории Синьцзяна имеется второй, после Эвереста, горный пик — Тенгри, открытый для альпинистов всего мира; а открыто всего 11 горных пиков. Здесь расположено крупнейшее в Китае внутреннее пресное озеро, а озеро Канас — самое глубокое в Китае горное озеро, лежащее в субхолодном климатическом поясе. Пустыня Такла-Макан — вторая по величине в мире. В Синьцзяне имеется самая крупномасштабная система подземных каналов — Турфанские кяризы. Здесь создан 21 природоохранный заповедник, в число которых входят высокогорное озеро Тяньчи, Баянбрукский заповедник лебедей, Огненная гора и другие.

Синьцзян лежит на важных путях, связующих Китай со Средней Азией, Западной Азией и Европой. По территории Синьцзяна в древности проходили три ветки (южная, центральная и северная) Шелкового караванного пути. Здесь в контакт вступали культуры разных стран (Китая, Индии, Древней Греции, и культура арабских стран). На основе их влияния и взаимопроникновения и сформировалась местная культура, отмеченная чертами указанных цивилизаций. Для любителей древности несомненный интерес представляют памятники старины — Бизыклькские пещерные храмы тысячи будд, древние городища Гаочан и Цзяохэ, руины древнего царства Ния, могильник Астаны, минарет Сулеймана и др.

В Синьцзяне туристы могут ознакомиться с бытом, культурой и обычаями разных национальностей. Здесь проживают 13 национальностей, самыми многочисленными из которых являются уйгуры и ханьцы. Сосуществуют различные религии, языки и культурные традиции.

В период реформ и открытой политики туризм в Синьцзяне развивается исключительно высокими темпами. Число приезжающих зарубежных туристов из года в год возрастает на 40%, такими же темпами растут валютные доходы от туризма. Поступления от туризма уже стали главным, после внешне-торгового источником валютных доходов. Вместе с тем увеличился наплыв отечественных туристов. Ежегодно из других провинций в Синьцзян приезжают около 5-6 млн туристов, доходы от отечественного туризма составляют несколько миллиардов юаней. Возрастает удельный вес этой статьи доходов в ВВП.

В настоящее время помимо туризма, торговли и сельского хозяйства на просторах бывших торговых путей быстро развиваются и современные отрасли экономики. Турфан-Хамийская впадина имеет важное значение с точки зрения наличия осадочных структур. Ее нефтяные запасы оцениваются в 1,6 млрд т, газовые ресурсы — в 365 млрд кубометров. В 1991 г. Китайской национальной нефтегазовой компанией (КННК) был учрежден Турфан-Хамийский штаб нефтеразведки. За прошедшие десятилетия в Восточном Синьцзяне обозначились контуры нового месторождения нефти и газа. Было установлено наличие 16 нефтегазовых бассейнов и 5 нефтегазовых структур. После вступления в строй бассейн станет давать более 3 млн т нефти в год и себестоимость нефтедобычи обещает быть ниже среднего уровня по отрасли.

Синьцзян занимает лидирующие позиции в Программе освоения западных районов Китая. Геоэкономическая позиция Синьцзяна — географическое положение в самом центре Евразии, огромная территория, которая составляет 1/6 площади страны (1,6 млн кв.км) и богатейшие запасы природных ресурсов на перспективу могут сделать его в высшей степени привлекательным для инвестиций из восточных провинций Китая, а также международных компаний и глобальных организаций, которые неустанно стремятся упрочить свои позиции на мировых рынках, внедряя новые технологии и расширяя объемы продаж. Восток Китая испытывает острую нехватку энергоресурсов, в то время как

Синьцзян располагает огромными запасами нефти и газа (1/3 всех запасов газа, 1/4 — нефти, 2/5 — угля в КНР), способными обеспечить не только западные, но и восточные районы. Производственная мощность Синьцзяна по добыче нефти сейчас такова, что он обеспечивает свои растущие потребности, а также экспортирует нефть в больших объемах в другие районы Китая и за рубеж. По предварительным оценкам, запасы нефти в Синьцзяне превышают 30 млрд т, а объем природного газа — более 10 трлн куб.м. По запасам этих полезных ископаемых в расчете на душу населения Синьцзян в два с лишним раза превосходит средний показатель по стране.

К 2010 г. общий объем добычи и импорта нефти в СУАР достигнет 45 млн т, годовая добыча природного газа — 28,4 млрд кубометров. Таким образом, Синьцзян становится важной базой Китая по добыче, переработке и снабжению нефтью и газом.

По предварительным подсчетам, на период 2004—2010 гг. разведанные геологические запасы нефти на территории СУАР оцениваются в 1,0-1,4 млрд т, запасы газа — более чем в 300 млрд кубометров. Синьцзян обладает 20,9 млрд т нефтяных и более 1 трлн кубометров газовых ресурсов, что составляет, соответственно, 25,5 и 27,9% общенациональных ресурсов. Геологи отмечают большой потенциал нефтегазовой разведки в СУАР.

По состоянию на конец 2003 г. разведанные геологические запасы нефти на территории СУАР превышали 2,7 млрд т, запасы газа — 975,3 млрд кубометров. В 2003 г. общий объем нефтедобычи достиг 21,4 млн т, а газа — 5 млрд кубометров. Согласно плану, в 2010 г. валовой объем нефтедобычи в СУАР достигнет 35 млн т, импорт нефти из Казахстана — 10 млн т. Кроме того, здесь открыты месторождения 138 видов полезных ископаемых из 168 имеющихся в Китае. Это одна из основных баз животноводства, так как здесь расположена четверть всех пастбищ страны, а для сельского хозяйства пригодны 2/5 территории, причем 80% пашни орошаются.

Выход Синьцзяна на соседние 8 стран и большая протяженность его государственной границы — 5,6 тыс.км (это четверть всей сухопутной границы КНР) обуславливает его важное географическое положение в Центральной Азии.

По уровню социально-экономического развития среди западных районов Синьцзян занимает ведущие позиции, по отдельным видам производства может конкурировать и с другими провинциями страны, занимая 3-е место в КНР по добыче нефти, 1-е — по производству хлопка, 12-е — по производству угля, 13-е место по объему ВВП на душу населения (11207 юаней в 2004 г.; 10502 юаня — средний показатель по стране. (Рассчитано по: Синьцзян тунцзи няньцзянь — 2005. Пекин, 2005. С.705, 708). Причем из всех административных единиц (провинций и автономных районов) западного региона к средним показателям близок только Синьцзян. В последние годы экономика Синьцзяна быстро развивается при мощной государственной поддержке, которая достигает 1/3 всего объема государственных бюджетных дотаций.

В рамках новой стратегии преимущественного развития западных районов и экономики Китая в целом на перспективу Синьцзяну отводится достаточно важная роль. Наличие в составе Китая окраинных территорий с преобладанием некитайского населения, особенно Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района, и раньше требовало постоянного внимания со стороны китайского руководства. Появление новых геополитических реалий в виде независимых центрально-азиатских государств, возникших после распада СССР, нарастание влияния исламского фундаментализма в мире более остро поставили вопрос об усилении возможной угрозы сепаратизма в западных районах страны.

Весомым фактором сохранения социально-политической стабильности в Китае в целом явилось успешное проведение экономических реформ, что проявилось в поступательной модернизации экономики, существенном повышении уровня жизни населения, но все это касалось в гораздо большей степени восточных районов. Пришло время перенести опыт реформ в западные районы

для того, чтобы и население окраин само ощутило преимущества развития своих территорий в составе "большого Китая".

Одной из предпосылок обеспечения политической и социальной стабильности и успешного решения задачи социально-экономического развития Синьцзяна и Западного Китая в целом является разумное, продуманное проведение сбалансированной национальной политики, политики народонаселения и занятости. Обширные и малонаселенные территории могут поглотить миллионы людей, "лишних" на востоке страны. Но для этого необходимо доскональное знание демографической ситуации в этих районах и разработка научно обоснованных программ регулирования численности и занятости местного населения и миграций из восточных провинций. Прежние, "мобилизационные" методы переселения жителей во внутренние районы изживают себя, в условиях рыночной экономики претворение в жизнь таких больших проектов диктует необходимость использования целой системы приоритетов и материального стимулирования.

Занимая весьма обширную территорию, Синьцзян является одним из самых редконаселенных регионов страны. По данным переписи 2000 г., численность его населения составила 18,459 млн чел. (19,63 млн чел. в 2004 г.), это всего 1,5% общей численности населения КНР и плотность составляет здесь всего 12 человек на кв.км, что являет собой резкий контраст по сравнению с восточными провинциями Китая и десятикратный разрыв даже со средним показателем по Китаю — 132 чел. на 1 кв.км.

С показателями экономического и социального развития коррелируется удельный вес городского населения в общей численности населения регионов. Как известно, чем выше уровень развития промышленности и всей инфраструктуры, тем более высоким является уровень жизни и качественные характеристики населения, больше городских жителей на данной территории. Доля горожан в западных районах колеблется в пределах 20-34%, в то время как на восточном побережье это 55% в Гуандуне, 50-54% в пров.Цзилинь, Ляонин и Хэйлунцзян. Самые "урбанизированные" районы Запада — это Цинхай (34,8%), Синьцзян (33,8%), Шэньси и Нинся (32%); во всех остальных провинциях доля горожан не достигает и одной трети.

В Синьцзяне удельный вес городских жителей — один из самых высоких на Западе, так как там созданы благоприятные условия для развития промышленности. В районе сосредоточено более 60 тыс. промышленных предприятий, выпускающих 2 тыс. видов продукции. Государственный сектор — основа отрасли, но существует также множество предприятий, основанных на различных негосударственных формах собственности. Хорошо развиты нефтедобыча и нефтехимия, текстильная и пищевая отрасли промышленности, энергетика, химическая промышленность и лесоводство. Структура этих отраслей, которые образуют систему промышленности на базе освоения полезных ископаемых, довольно рациональна.

Такой рост промышленной базы обуславливает динамичное развитие городских центров и поселков городского типа. Урумчи — столица Синьцзяна, политический, экономический, культурный и транспортный центр автономного района с населением 1,44 млн человек, где проживают представители 13 национальностей (73% жителей — ханьцы). Кашгар — на западе пустыни Такла-Макан с населением 2,3 млн человек, живут 17 различных народностей (75% — уйгуры). Инин — административный центр Или-Казахского административного округа и района Или с числом жителей 300 тыс.человек. Шихэцзы — новый город на северном нагорье Тянь-Шаня с населением 250 тыс.человек. Новая стратегия освоения Запада предполагает стимулирование роста новых и масштабное и сбалансированное развитие уже существующих городских центров на этих территориях.

Правительство Китая рассчитывает с помощью крупных проектов существенно улучшить инфраструктуру западных районов, в ряде провинций

уже идет активное сооружение автодорог, железнодорожных магистралей, аэропортов, гидротехнических сооружений, систем связи, разработаны программы поставки электроэнергии и природного газа с запада на восток.

Масштабы преобразований в транспортной сфере хорошо видны на примере Синьцзяна. Ускоренно возводится Южно-Синьцзянская железная дорога от Курля до Кашгара. Все районы, города, уезды и 99% волостных центров соединены автодорогами. Сформировалась разветвленная сеть шоссежных дорог, центром которых является Урумчи, с семью магистральями государственного значения; еще 62 магистрали соединяют Синьцзян с провинциями Ганьсу, Цинхай, Тибетом, государствами Центральной Азии и внутренними районами страны. В настоящее время проводится реконструкция высокоскоростных дорог Турфан — Урумчи — Дахуаншань и Урумчи — Куйтунь. Таким образом, строительство автодорог здесь вошло в стадию широкого развития.

В Синьцзяне сконцентрировано наибольшее число авиалиний в Китае. Международный аэропорт Урумчи — один из шести самых крупных аэропортов Китая, он связан авиалиниями с Западной Азией и Европой. Такое развитие инфраструктуры западных районов будет способствовать развитию процессов урбанизации, росту числа городов и поселков, увеличению численности горожан.

Освоение богатейших природных ресурсов Западного Китая — не единственная цель устойчивого и сбалансированного развития этого региона. Не менее важны укрепление государственной целостности, сохранение социальной стабильности, преодоление сепаратистских тенденций в границах этого края. Успех национальной политики, проводимой в КНР, будет во многом зависеть от реализации возможностей экономической, социальной и культурной жизни населения этих обширных территорий на Западе страны и разумно проводимой, взвешенной политики в области народонаселения.

Синьцзян, занимая лидирующее положение по своим социально-экономическим характеристикам среди субъектов западных регионов, является хорошим полигоном для перенесения опыта осуществления экономических реформ из восточных районов страны и снижения в них демографического давления. Способствовать этому должна умеренная и гибкая политика ограничения рождаемости в Синьцзяне с целью улучшения качественных характеристик населения, в первую очередь повышения его образовательного и профессионального уровня, причем эта политика должна разумно дифференцироваться в районах проживания нацменьшинств. Кроме того, необходима научно обоснованная долгосрочная программа миграций населения, подкрепленная соответствующим финансовым обеспечением, из восточных и центральных районов страны под выполнение определенных крупномасштабных проектов, уже планируемых в рамках стратегии преимущественного развития западных районов. Такие программы находятся в стадии разработки и остается надеяться, что их осуществление внесет свой конструктивный вклад в дело освоения Синьцзяна. Эта стратегия будет способствовать решению целого ряда задач — скорейшей разработке богатых природных ресурсов национальных районов, обеспечению социальной и политической стабильности в приграничье и откроет новые перспективы для смягчения перенаселенности восточных провинций страны.

Иностранные банковские учреждения в КНР

© 2006

С. Савинский, Д. Смахтин

В условиях открытой внешнеэкономической политики КНР реформа денежно-кредитной системы страны не только способствовала развитию национальных банковских учреждений и банковских операций, но и сопровождалась созданием иностранных и совместных денежно-кредитных учреждений на территории Китая.

В банковской системе КНР в настоящее время видное место занимают филиалы и представительства иностранных финансовых структур, которые пользуются определенными правами по проведению операций, но в целом их деятельность в стране в настоящее время строго регламентирована. Иностранные банки привлекает потенциал китайского финансового рынка, который, согласно прогнозам зарубежных аналитиков банковского дела, в XXI в. станет крупнейшим в мире.

В стране насчитывается более 540 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, привлечено более US \$600 млрд прямых иностранных инвестиций. В связи с этим резко возросла необходимость в современном банковском обслуживании данной сферы, обеспечить же такого рода потребность только национальными банкам весьма сложно. С другой стороны, одним из условий вступления Китая в ВТО было открытие денежно-кредитной сферы страны.

Благодаря политике внешней экономической открытости КНР удалось за прошедшие два десятка лет добиться серьезных успехов в денежно-кредитной сфере и активно использовать эти достижения в целях ускорения развития экономики страны. При этом был соблюден баланс между степенью открытости национальной денежно-кредитной сферы и обеспечением ее безопасности посредством реального контроля за развитием данной сферы со стороны центрального банка при одновременном приближении ее к современным международным нормам.

Надо подчеркнуть, что руководство Китая не форсировало открытие денежно-кредитной сферы, действуя при проведении политики открытости по принципу постепенности. Так же постепенно происходило и расширение географических рамок открытости — от наиболее экономически развитых прибрежных районов к открытию внутренних районов страны. Что касается операционной сферы, то иностранным банкам первоначально было разрешено осуществлять операции только с иностранной валютой, и лишь спустя некоторое время небольшому числу иностранных банков были разрешены некоторые основные операции с национальной валютой Китая.

Мировой опыт свидетельствует, что для любого государства последовательность и темпы открытия денежно-кредитной сферы определяются набором таких факторов, как уровень экономического развития данной страны,

Савинский Сергей Петрович — зам. директора по научной работе Научно-исследовательского финансового института Минфина России, кандидат экономических наук, синолог.

Смахтин Дмитрий Арнольдович — зам. начальника Отдела стран Азии и Австралии Департамента внешнеэкономических отношений Минэкономразвития России, синолог.

Копия 2/0/6 + КЭ - 269.1

10.11.04

развитость денежно-кредитной сферы, доля внешней торговли в национальной экономике страны, возможность макроэкономического контроля.

Практика КНР показывает, что поэтапный процесс открытия финансовой сферы страны соответствует общему ходу реформ и открытой внешнеэкономической политике страны, обеспечивая безопасность ее денежно-кредитного рынка от влияния внешних факторов.

Этапы открытия денежно-кредитной сферы КНР

Сразу после образования КНР в 1949 г. Народное правительство Китая лишило иностранные банки всех привилегий. Запрещение валютных операций, контроль государства над внешней торговлей и международными расчетами подорвали основы деятельности этих банков и они вынуждены были прекратить свои операции в КНР вплоть до 80-х гг. — начала реализации в стране реформ.

Однако в силу исторических причин и по воле случая, четыре находившихся в Шанхае отделения зарубежных банков — гонконгский Банк Восточной Азии (Bank of East Asia Limited), сингапурский — Заграничная китайская банковская корпорация (Overseas-Chinese Banking Corporation) (оба принадлежат китайцам, проживающим за границей), а также два британских — Гонконг-шанхайская банковская корпорация (Hongkong and Shanghai Banking Co., Ltd) и Стэндарт Чартэред банк (Standart Chartered Bank PLC) смогли сохранить свое номинальное присутствие в стране. Правда, до начала реформ 80-х годов их деятельность в стране ограничивалась ведением расчетов по внешней торговле, приемом денежных переводов из-за границы и некоторыми посредническими операциями. Только в 1984 г. Народный банк Китая разрешил этим отделениям расширить их операционную деятельность и начать обслуживание в инвалюте иностранных и совместных предприятий.

Первоначально с началом масштабных реформ правительство КНР в 1979 г. разрешило создание представительств иностранных банков в Пекине, специальных экономических зонах и ряде специально оговоренных городов. Представительства могли заниматься только некоммерческой деятельностью — рыночными исследованиями, консалтингом, установлением контактов с властями и банковским сектором. В период 1979—1982 гг. в КНР было учреждено 31 представительство иностранных денежно-кредитных организаций, что стало прологом открытия денежно-кредитной сферы страны. Первым денежно-кредитным учреждением, официально получившим разрешение на открытие представительства в Китае, стал Экспортно-импортный банк Японии (Export-Import Bank of Japan).

Реальная же деятельность иностранных денежно-кредитных учреждений, их операционных отделений в Китае стала осуществляться только с 1982 г., первоначально только в специальных экономических зонах. Первым получил разрешение на учреждение операционных пунктов в КНР гонконгский Коммерческий банк Южного моря (Nan Yang Commercial Bank). Он мог осуществлять основные операции с иностранной валютой: принятие вкладов и депозитов, предоставление кредитов, учет (дисконт) векселей, инвестирование, переводные операции в иностранной валюте; предоставление валютного поручительства (залог), расчеты по экспорту-импорту, купля-продажа иностранной валюты, поручительский (агентский) обмен иностранной валюты и инвалютных векселей, агентские платежи по кредитным карточкам, хранение и предоставление в аренду сейфов, проверка платежеспособности и консалтинг в кредитной сфере. Кроме того, по специальному разрешению банк имел право на операции с внутренней валютой.

В 1982-1989 гг. велась разработка юридических основ деятельности иностранных банков в КНР. Были опубликованы "Методы регулирования Народным банком Китая (НБК) постоянных представительств денежно-кредитных учреждений этнических китайцев и других денежно-кредитных учрежде-

ний на иностранном капитале учрежденных в КНР" и "Положение КНР об управлении иностранными и совместными китайско-иностранными банками в специальных экономических зонах" (1994 г.), официально разрешавшее иностранным денежно-кредитным учреждениям создавать операционные отделения в СЭЗ Китая.

В 1986 г. в Китае была учреждена Ассоциация иностранных банков Китая, которая является неправительственной организацией, членами которой состоят более 100 иностранных банков. Эта ассоциация была создана в целях укрепления связей и сотрудничества между иностранными банками, а также между ними и правительственными учреждениями Китая.

В августе 1990 г. Госсовет КНР утвердил решение о превращении Шанхая в международный финансовый центр всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Шанхай стал первым приморским городом страны, который наряду со специальными экономическими зонами получил право на открытие операционных отделений иностранных денежно-кредитных учреждений. Официально это было закреплено в положении "Методы регулирования денежно-кредитных учреждений на иностранном капитале в г. Шанхай".

В марте 1991 г. официально было объявлено об открытии в Шанхае отделений 6 иностранных банков: американских — Ситибэнк и Бэнк оф Америка (Citibank, NA; Bank of America), французских — Банк Индосуэц (Credit Agricole Indosuez) и Креди Лионе (Credit Lyonnais), а также японских — Санва Банк (Sanwa Bank) и Индастриал Банка (Industrial Bank of Japan). Это — первые иностранные банки, филиалы которых были официально учреждены в Китае вне особых экономических зон.

Доля иностранных банков расположенных в Шанхае весьма высока. В настоящее время в Шанхае действует 65 операционных отделений иностранных банков, что составляет 33% от общего числа отделений иностранных банков в КНР. Кроме того, 53 отделения иностранных банков в Шанхае уже имеют право на проведение операций с национальной валютой страны, т.е. 65% таких отделений сосредоточены в Шанхае. Активы иностранных банков в Шанхае составляют \$35 млрд, а это 54% всех активов иностранных банков в КНР¹.

Большинство американских банков, имеющих отделения в Китае, получает основную прибыль от обслуживания внешнеторговых операций (выставление и подтверждение аккредитивов, сбор документов для экспорта и импорта и т.п.). В то же время гонконгские и европейские банки более активно участвуют в кредитовании предприятий.

Поскольку в Шанхае сеть иностранных финансовых и банковских учреждений развивалась более быстро, чем в целом по стране, то в начале 1991 г. НБК специально создал Управление по иностранным и с участием иностранного капитала банковским учреждениям Шанхая.

В 1992 г. КНР были введены правила регулирования деятельности иностранных финансовых учреждений, действующие в пределах всей страны, а в апреле 1994 г. было опубликовано "Положение КНР по регулированию денежно-кредитных учреждений на иностранном капитале". До принятия этого документа иностранные банки в Китае функционировали без необходимой юридической базы, что в определенной степени сдерживало дальнейшее освоение ими территорий страны. В этот же период начался эксперимент по участию иностранного капитала в акционерном капитале китайских банков: Азиатский банк развития стал акционером Банка "Гуанда" (Everbright bank).

В августе 1994 г. в соответствии с курсом на вступление в ГАТТ—ВТО и углублением процесса внешнеэкономической открытости денежно-кредитной сферы, Госсовет КНР разрешил еще в 11 внутренних городах страны учреждать операционные отделения иностранных денежно-кредитных учреждений (Пекин, Шэньян, Шицзячжуан, Сиань, Чэнду, Чунцин, Ухань, Хэфэй, Ханчжоу, Сучжоу и Куньмин). Так, в Пекине открыли свои отделения Банк Токио-Мицубиси (Bank of Tokyo — Mitsubishi Ltd.), Гонконг-Шанхайская банков-

ская корпорация (Hongkong and Shanghai Banking Co., Ltd.) и ряд других финансовых учреждений.

За 25 лет со времени открытия в феврале 1980 г. первого представительства иностранного банка в Пекине количество представительств иностранных банков в городе выросло до 91, уступая по численности открытым представительств только Шанхаю. Одними из первых в Пекин пришли гонконгские и тайваньские банки. Так в 1995 г. из 4 иностранных банков получивших право на ведение операций с национальной валютой 2 банка были из Гонконга. В общей сумме активов иностранных банков в Пекине, доля активов гонконгских банков составляет 23%. В 2002 г. в Пекине было открыто два представительства тайваньских банков.

На конец 2005 г. в Пекине насчитывалось 27 филиалов и 9 отделений иностранных банков, а активы иностранных банков Пекина в иностранной и национальной валюте составили \$7,9 млрд, или 7% от общей суммы активов иностранных банков в Китае.²

В начале декабря 1996 г. Госсовет КНР разрешил осуществление операций с национальной валютой Китая девяти иностранным денежно-кредитным учреждениям в зоне Пудун в Шанхае. В перечень этих операций были включены депозитные и кредитные операции в национальной валюте КНР, расчеты, предоставление гарантий, инвестиционные операции с гособлигациями и облигациями "политических" банков. НБК опубликовал "Временные правила регулирования операций в национальной валюте, осуществляемых денежно-кредитными учреждениями на иностранном капитале в Шанхайской зоне Пудун", что способствовало углублению открытости денежно-кредитного сектора страны для иностранного капитала. На конец июня 1998 г. общие активы в национальной валюте КНР этих 9 иностранных банков составляли 1,16 млрд юаней (\$139,8 млн), а объем предоставленных кредитов и депозиты соответственно — 603 млн и 763 млн юаней. На конец 2000 г. в зоне Пудун действовало 45 денежно-кредитных учреждений с участием иностранного капитала, 27 из которых получили право на ведение операций в юанях. В период 1998–2000 гг. объем операций здешних зарубежных финансовых структур в этой зоне ежегодно возрастал более чем на 50%.³

В августе 1998 г. разрешение на операции с юанями было дано еще 5 иностранным банкам в СЭЗ Шэньчжэнь. В марте 1999 г. также было официально разрешено действующим в этой зоне отделениям американского Ситибэнка, а также японского Токио-Мицубиси банка вести операции в национальной валюте Китая.

Если на начало 2000 г. 24 иностранных банка в Китае имели право вести операции с национальной валютой, то уже к марту того же года их стало 32: еще 7 иностранным банкам в г. Шанхае и г. Шэньчжэне было разрешено осуществлять операции в юанях. В итоге на начало 2000 г. на кредиты, предоставленные в юанях иностранными банками, пришлось 6,701 млрд юаней (US \$807 млн), а на депозиты — 5,442 млрд юаней (US \$656 млн). Хотя доля иностранных банков составляет всего 2–3% от общего объема активов банковского сектора Китая, их доля в общей сумме кредитов в иностранной валюте в стране составляет около 20%.⁴

В марте 1999 г. решением НБК были сняты все территориальные ограничения по учреждению операционных отделений иностранных банков на территории КНР, т.е. в настоящее время иностранные банки могут учреждать операционные отделения в любом уголке страны, что ознаменовало собой новый этап политики открытости страны для иностранных банков.

Иностранные денежно-кредитные учреждения уже стали важной составной частью денежно-кредитной системы Китая. Если на начало 1999 г. активы иностранных банков составляли US \$34,2 млрд, а депозитные средства US \$4,6 млрд, (по сравнению с 1991 г. рост в 8 и 2 раза соответственно), то на начало 2002 г. в Китае было учреждено более 190 операционных отделений

иностранных финансовых структур, или корпораций, с общим капиталом в US\$44 млрд. Распределение отделений иностранных банков по городам КНР выглядело следующим образом: Шанхай — 54 банка, Шэньчжэнь — 27, Пекин — 17, Гуанчжоу — 15, Тяньцзинь — 13, Сямынь — 12, Далянь — 10, Чжухай — 5, Хайкоу, Шаньтоу и Циндао — по 4 банка в каждом; Нинбо и Фучжоу — по 3 банка, Ухань — 2, Чунцин, Нанкин, Куньмин, Чэнду и Сучжоу — по одному банку. Кроме того, в КНР действовало в то время 6 иностранных и 7 совместных китайско-иностранных банков, а также 7 иностранных финансовых компаний и 5 отделений зарегистрированных в Китае иностранных банков, 9 отделений иностранных страховых компаний, 10 совместных китайско-иностранных страховых компаний. В стране также функционировало 248 представительств от 166 иностранных банков из 38 стран мира.⁵ Если на долю иностранных банков в общей сумме активов денежно-кредитных учреждений КНР приходилось 1,86%, то в общей сумме валютных активов доля этих банков составляла более 14%, а доля кредитов в иностранной валюте — около 23%, доля же депозитных средств — чуть менее 5%. Ситуация с доходностью иностранных банков также выглядит сравнительно хорошо. Большинство из них получают прибыль уже через 2 года после открытия. Так, по официальным данным, в Тяньцзине на начало 1999 г. действовало 13 отделений иностранных банков и по итогам 1998 г. общая прибыль этих отделений составила US \$15,7 млн, что на 27% больше, чем в предыдущем году, а общий размер их средств достигал US \$2,3 млрд.⁶

Наряду с коммерческими банками с конца 1992 г. в Китае стали создавать свои представительства и отделения крупные инвестиционные банки и банковские группы (Salomon Brothers, Merrill Lynch, Morgan Stanley и другие) с целью финансирования крупных проектов инфраструктуры в Китае.

Поскольку экономическое развитие Китая на протяжении последних лет характеризуется довольно высокими темпами, а рынок страны с более чем миллиардным населением имеет огромный потенциал, то иностранные денежно-кредитные компании проявляют большую заинтересованность в выходе на этот рынок. К тому же некоторые районы страны в экономическом развитии опережают другие территории и весьма остро нуждаются в приходе иностранных денежно-кредитных институтов.

Хотя вплоть до настоящего времени сфера операционной деятельности иностранных банков в Китае регламентирована: до присоединения КНР к ВТО в конце 2001 г. субъектами предоставления услуг были только иностранные граждане, предприятия с участием иностранного капитала и государственные предприятия, получающие кредитование в иностранной валюте, тем не менее, несмотря на все действующие ограничения, развитие операционной деятельности иностранных банков в КНР шло довольно быстрыми темпами.

Контроль и управление иностранными денежно-кредитными учреждениями

В последние годы иностранные денежно-кредитные учреждения стали органической составной частью денежно-кредитной системы Китая, что оказывает и будет оказывать влияние на развитие его денежно-кредитного рынка, выработку денежной политики. Качество проникающих иностранных денежно-кредитных учреждений так или иначе отражается на стабильности денежно-кредитной системы страны и ее дальнейшем развитии. Поэтому законами и нормативными документами КНР определены довольно жесткие рамки деятельности иностранных денежно-кредитных институтов в стране.

Организационная структура отделений иностранных банков имеет отлаженную столетиями эффективную систему контроля не только по вертикали, но и по виду операций. Система руководства филиалом банка отделена от системы рассмотрения и предоставления кредитных средств. Директора филиалов

не имеют права рассматривать и принимать решения по предоставлению кредитов. В деятельности филиалов иностранных банков действует четкая система персональной ответственности. В европейских и американских банках главные бухгалтеры несут ответственность за финансовое планирование и политику, аккумуляцию и использование средств. В банковской иерархии западных банков отделы главных бухгалтеров идут сразу за руководством банков.

Хотя в большинстве иностранных денежно-кредитных учреждений действует довольно совершенная система внутреннего аудита, и они в состоянии осуществлять стабильную, с соблюдением нормативных актов, экономическую деятельность в КНР, однако, по свидетельству контрольных ведомств страны, имеется и ряд учреждений, действующих на незаконных основаниях или же терпящих убытки по причине недостатков внутреннего аудита.

В настоящее время Комиссия по банковскому контролю КНР (China Banking Regulatory Commission) осуществляет периодический контроль деятельности иностранных денежно-кредитных учреждений. Основной акцент в контроле и регулировании сделан на ревизии рискованных операций. Наряду с этим укрепляется сотрудничество иностранных учреждений с соответствующими государственными и региональными контрольно-регулирующими учреждениями, что повышает эффективность контроля и управления.

На основе заимствования зарубежного опыта в Китае комплексно используется целый ряд методов контроля и регулирования деятельности отделений иностранных банков и совместных денежно-кредитных учреждений. При этом основная задача — как можно раньше выявить недостатки руководства и экономической деятельности того или иного денежно-кредитного учреждения, с тем, чтобы предотвратить возникновение каких-либо проблем.

Статус юридического лица в КНР имеют филиалы иностранных банков и иностранные банки — т.е. всего два вида. В настоящее время филиалы иностранных банков в Китае составляют 92% от общего числа этих банков, на активы филиалов приходится 93% всех активов иностранных банков, а на кредиты — 94%. Что касается иностранных банков, имеющих статус юридического лица, то это — банки, учреждение которых зарегистрировано в КНР, т.е. независимые иностранные коммерческие банки и совместные китайско-иностранно-коммерческие банки. На начало 2000 г. в КНР насчитывалось 13 зарегистрированных в стране иностранных банков с независимым капиталом и совместных банков, т.е. на долю операционных иностранных банков в стране, имеющих статус юридического лица, приходилось 8%. Активы этих банков составляли US\$2,6 млрд, а предоставленные кредиты US\$1,6 млрд, или 6,9% и 5,9% соответственно от общей суммы активов и кредитов иностранных денежно-кредитных учреждений КНР.

В соответствии с законами и нормативами КНР осуществляется контроль и регулирование двух вышеперечисленных типов иностранных банков преимущественно в трех сферах: при допуске на рынок, в операционной деятельности банка, а также управлении проблемными учреждениями. Конкретно это сводится, прежде всего, к более строгому контролю за допусками на финансовый рынок страны. Поскольку качество банка, подающего заявку на открытие филиала в КНР, непосредственно влияет на осуществление операций этим филиалом в последующем и на степень риска, то строгий подход к рассмотрению заявки на учреждение филиала в стране является превентивной мерой контроля риска денежно-кредитных учреждений. В основном руководствуются соответствующими статьями "Положения КНР по регулированию денежно-кредитных учреждений с участием иностранного капитала". Так, подаватель заявки на учреждение в стране филиала иностранного банка должен удовлетворять следующим минимальным требованиям:

- во-первых, банк, подающий заявку, должен иметь действующее в стране не менее 2 лет свое представительство;

- *во-вторых*, активы банка должны составлять на год, предшествующий подаче заявки, не менее US\$20 млрд, а при учреждении иностранного банка или совместного банка в КНР, активы иностранного участника должны составлять не менее US\$10 млрд;

- *в-третьих*, в стране банка, подающего заявление, должна действовать современная система денежно-кредитного контроля и регулирования.

Еще более строгие требования предъявляются при открытии филиала иностранной страховой компании. Иностранная страховая компания намеревающаяся учредить операционное отделение в КНР должна удовлетворять следующим условиям:

во-первых, предшествующий период деятельности страховой компании должен составлять не менее 30 лет;

во-вторых, ее активы должны быть не менее US\$5 млрд на конец года, предшествующего году подачи заявления;

в-третьих, компания должна иметь представительство в КНР не менее 2 лет.

При рассмотрении и утверждении заявки конкретного банка также изучаются риск заявителя, ситуация с развитием экономической и денежно-кредитной системы данной страны, просчитываются денежно-кредитная потребность и конкурентная ситуация в городе, где создается филиал банка. Кроме того, в соответствии с законом и нормативными документами проверяются компетентность и должностной ценз председателя правления и высшего руководящего звена, с тем, чтобы гарантировать успешную деятельность иностранного денежно-кредитного учреждения.

Вышеназванное положение также устанавливает достаточно жесткие лимиты на возможные масштабы операций иностранных финансовых институтов (объем депозитов, привлеченных такими организациями в пределах Китая, не должен превышать 40% от общей суммы активов).

Предоставление кредитов иностранными финансово-кредитными институтами в Китае также регулируется довольно жесткими правилами. Все предоставленные кредиты должны быть зарегистрированы в Государственном управлении валютного контроля или ГУВК (The State Administration of Foreign Exchange).

Денежно-кредитные учреждения КНР за рубежом

Открытость денежно-кредитной сферы включает в себя два основных направления — выход иностранных денежно-кредитных организаций на денежно-кредитный рынок Китая и выход национальных денежно-кредитных организаций КНР на иностранные денежно-кредитные рынки. До 1980 г. только Банк Китая и Народная страховая компания имели свои филиалы за пределами КНР. С началом реформ и реализации курса открытости, денежно-кредитные учреждения страны в соответствии с планом, постепенно стали выходить на международный денежно-кредитный рынок и создавать за пределами КНР свои филиалы.

В настоящее время Китай имеет около 660 филиалов различных денежно-кредитных организаций за пределами страны, в том числе 630 операционных отделений и около 30 представительств. Наибольшее число зарубежных отделений находится в Гонконге и Макао (поскольку после возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР реализуется политика "одно государство — две системы", то и учреждение континентальным Китаем на этих территориях филиалов своих денежно-кредитных организаций рассматривается как учреждение зарубежных филиалов). На двух вышеназванных территориях Китая насчитывается 525 филиалов различных денежно-кредитных учреждений страны. Остальные примерно 135 филиалов расположены в Сингапуре, Японии, США, Великобритании, Люксембурге, Канаде, России, Казахстане, Германии, Италии, Новой Зеландии, Франции, Индонезии, Таиланде, Панаме, Замбии, Южной Корее, Австралии и на Каймановых островах. Таким образом,

сеть денежно-кредитных учреждений Китая охватывает все основные международные финансовые рынки мира.

На начало 2001 г. общая сумма активов зарубежных операционных филиалов различных кредитных учреждений КНР составляла US\$156,5 млрд, а общая сумма прибыли до уплаты налогов — US\$1,5 млрд, в том числе общая сумма зарубежных активов Китайской страховой группы равнялась US\$2,045 млрд, а сумма страховых взносов — US\$470 млн. В настоящее время активы зарубежных отделений банков Китая составляют около 3% от общей суммы активов всех денежно-кредитных учреждений страны.

В последние годы по мере развития зарубежных филиалов китайских денежно-кредитных учреждений страны выявился ряд проблем, связанных с отставанием контроля и регулирования этих учреждений. Так, некоторые денежно-кредитные учреждения Китая, не получив лицензии самовольно создавали зарубежные филиалы, действовали в нарушение законодательства страны, осуществляли высокорисковые денежно-кредитные операции, что приводило к возникновению убытков. В настоящее время работа по учреждению зарубежных филиалов денежно-кредитных учреждений Китая, их контроль и управление ведутся в соответствии с международными нормами. Строго соблюдаются требования Базельского соглашения, усилен обмен информацией и другие формы сотрудничества с соответствующими управлениями контроля принимающих государств, совершенствуется система управления и контроля денежно-кредитной системы Китая с учетом международных норм.

Некоторые итоги открытия денежно-кредитной сферы КНР

Более чем 20-летний срок реформ КНР свидетельствует, что иностранные банки сыграли важную позитивную роль в развитии национальной экономики и денежно-кредитной сферы страны.

С приходом иностранных банков, с одной стороны, оживился его кредитный рынок, повысилась конкурентоспособность кредитных учреждений страны, а с другой стороны, национальным банкам КНР при открытии отделений за рубежом были предоставлены благоприятные условия деятельности.

В процессе дальнейшего открытия денежно-кредитной сферы Китая намерен придерживаться следующих основных принципов: *во-первых*, продолжать поддерживать рациональный прирост числа иностранных денежно-кредитных учреждений в стране, отдавая при этом предпочтение созданию банковских структур в центральном и западном ее районах. *Во-вторых*, продолжать политику открытости страхового сектора и рынка капиталов; содействовать становлению в КНР системы иностранных денежно-кредитных учреждений, в которой основной составляющей будут филиалы иностранных банков, а частные, совместные китайско-иностраннные банки и финансовые компании — дополняющим (вспомогательным) звеном, как и небольшое число страховых учреждений и инвестиционных банков. *В-третьих*, продолжать проведение избирательной политики по отношению к различным государствам, на принципах равноправия и взаимной выгоды. При этом приоритетными будут интересы национальных денежно-кредитных учреждений, китайского капитала, иностранный же капитал рассматривается в качестве вспомогательного.

В условиях формирования в Китае системы контроля денежно-кредитной сферы страны, при ограниченных возможностях центрального банка, открытие денежно-кредитной сферы КНР осуществлялось постепенно. Сначала в стране было позволено учреждать представительства иностранных банков, а затем уже открывать операционные филиалы; сначала были разрешены операции с иностранной валютой, а затем уже операции с национальной валютой; на первых порах иностранные банки в КНР могли открывать счета только для иностранных коммерческих компаний, а затем уже и для национальных предприятий.

Тот же принцип последовательности в процессе открытия денежно-кредитной сферы страны реализуется и после присоединения КНР к ВТО в конце

2001 г. В ноябре 2001 г. НБК по итогам достигнутых по линии ВТО договоренностей обнародовал программу постепенной отмены ограничений, действующих в отношении иностранных банков. В частности, снимались ограничения на обслуживание счетов китайских предприятий и граждан в иностранной валюте. Поэтапно отменялись действующие территориальные ограничения по операциям иностранных банков с юанем. Так, в декабре 2001 г. "открылись" города Шэньчжэнь, Шанхай, Далянь, Тяньцзинь; в 2002 г. города — Гуанчжоу, Циндао, Нанкин, Ухань; в течение 2003 г. — Цзинань, Фучжоу, Чэнду, Чунцин; в 2004 г. — Куньмин, Чжухай, Пекин, Сямынь; в 2005 г. — Шаньтоу, Нинбо, Шэньян, Сиань, т.е. к концу 2005 г. в 18 городах страны отделениям иностранных банков разрешено проводить операции с национальной валютой. В 2006 г., т.е. только на пятый год с момента вступления КНР в ВТО, будут сняты все территориальные ограничения на ведение операций с национальной валютой.

В настоящее время по уровню развития денежно-кредитной сферы Китая все еще значительно отстает от развитых стран мира и не может пока вести полномасштабные операции, поэтому в КНР по сей день практикуется лицензирование для филиалов иностранных банков данного вида деятельности в ряде районов страны.

К 2006 г. будут постепенно отменены все ограничения на операции с юанем по счетам частных лиц. Будут отменены ограничения для иностранных банков на права собственности, ведение хозяйственной деятельности и формы работы на китайском рынке, а также введен упрощенный порядок создания филиалов и получение соответствующих разрешений. Будет разрешено создавать в Китае небанковские финансовые организации с иностранным участием, например по потребительскому кредитованию (в частности по приобретению автомобилей), которые получат равные права с аналогичными китайскими структурами. Кроме того, смогут развернуть свою деятельность также иностранные компании, занимающиеся предоставлением услуг по финансовому лизингу.

Таким образом, Китай старается достичь двух основных целей — привлечь иностранный капитал и избежать удара по национальной банковской системе и экономике страны в целом.

Делая упор на политике привлечения в страну крупных международных банков, Китай сумел держать под контролем риск. Международные крупные банки не только имеют большие финансовые возможности, но и большую возможность противостоять риску по сравнению с небольшими банками. Высокие требования к размеру капитала при учреждении филиала и совместного банка в Китае делают возможным участие в создании банков в КНР только крупнейших банков Европы, США и Японии и других развитых стран мира. "Положение КНР об управлении иностранными и совместными китайско-иностранными банками в специальных экономических зонах" (1994 г.) ограничило приход в страну средних и мелких банков из районов Юго-Восточной Азии. Возникший в 1997 г. в этом районе финансовый кризис привел к тому, что большое число средних и малых банков в разных странах оказалось неплатежеспособными, и если бы Китай не предпринял в свое время мер, поставив преграду для таких банков, то последствия данного кризиса для банковского сектора КНР оказались бы значительно тяжелее.

В целом же 20-летняя практика КНР по привлечению иностранных банков свидетельствует, что такая политика не только способствовала большому притоку иностранного капитала, но и посредством предоставления этими банками высококачественных услуг в денежно-кредитной сфере косвенно содействовала развитию национального банковского сектора страны.

Признавая за иностранными коммерческими банками наличие определенных преимуществ в виде более оперативной системы управления, гибкой учетной ставки, качества обслуживания клиентов, руководство Китая, тем не менее, считает возможным, что национальные банки страны могут успешно конкурировать с ними, поскольку имеют разветвленную сеть отделений и сбе-

регательных пунктов. Так, только самый крупный коммерческий банк Китая — Промышленно-торговый банк Китая имеет по всей стране более 20 тысяч отделений.

До недавнего времени банки не имели права вести операции в китайской национальной валюте. Исключением являлся совместный банк в Макао, осуществлявший операции в юанях в порядке эксперимента. Но благодаря быстрым темпам роста экономики КНР в ходе реформ иностранным банкам было предоставлено право ведения операций в юанях, что дает новые возможности в освоении китайского рынка и для развития операционной деятельности.

Достаточно продуманное и прагматичное, последовательное, продвижение Китая по пути рыночных преобразований, устойчивый рост экономики в целом, углубляющаяся интеграция страны с мировой экономикой определяют неизбежность более широкого открытия банковского сектора Китая для иностранных финансово-кредитных учреждений.

До 2004 г. иностранные банки, имевшие лицензии на операции с национальной валютой Китая могли предоставлять расчетное обслуживание в юанях только иностранным и совместным предприятиям. Начиная с 2004 г. иностранные банки в 16 определенных Госсоветом городах Китая стали предоставлять обслуживание китайским предприятиям в национальной валюте. Однако Комиссия по банковскому контролю и регулированию Китая выдвинула ряд условий, которым должны отвечать иностранные банки для того, чтобы получить лицензию на право обслуживания национальных предприятий в юанях. Во-первых, банк должен работать с прибылью в последние два года, а также банк должен иметь рациональную систему управления, стабильную систему управления риском, сложившуюся систему внутреннего контроля, хорошие показатели работы, не иметь серьезных нарушений, располагать эффективной системой борьбы с отмыванием денег. Удовлетворяющие этим условиям иностранные банки подавали заявку на получение лицензии в местное отделение Комиссии по контролю в банковской сфере Китая.⁸

Для банковских структур Гонконга и Макао открывающих отделения на материковом Китае руководством страны были сделаны существенные послабления. Так, при открытии отделения или дочернего банка требуемый капитал снижен с 20 и \$10 млрд до \$6 млрд, а время для получения права на ведение операций в юанях снижено с 3 лет до 2. Уже имеется 5 гонконгских банков воспользовавшихся этими льготами для открытия отделений и более 20 банков Гонконга и Макао получили права на ведение операций в юанях.

Уже создано 5 небанковских структур с участием иностранного капитала для развития автомобильной отрасли КНР. В сентябре 2004 г. утверждено положение разрешающее иностранным инвестиционным компаниям инвестировать акционерный капитал в финансовые компании КНР и доля участия может достигать 20%.⁹

В настоящее время иностранные банки являются важной составляющей банковской системы Китая. На середину 2005 г. в КНР имелось 225 операционных структур иностранных банков созданных 62 иностранными банками из 19 стран мира, 116 из которых имели право на ведение операций с национальной валютой, в том числе 162 филиала иностранных банков, 14 иностранных банковских структур с юридическим лицом. Кроме того, в стране действовало 240 представительств иностранных банков. Общая сумма активов иностранных банков в КНР составляла \$79,6 млрд, что составляет 1,8% от суммы активов банковского сектора КНР, тем не менее, на иностранные банки приходится 19% кредитования в иностранной валюте. Активы иностранных банков в национальной валюте — юанях составляют 85,7 млрд юаней (\$10,3 млрд) и эта сумма выросла на 48% по сравнению с предыдущим годом.¹⁰ Иностранцами банками на этот период было предоставлено кредитов на \$32,3 млрд, при этом доля безнадежных кредитов составляла всего — 1,3%.

На начало 2005 г. в Китае действовало 2 совместные фондовые компании, 11 совместных компаний по управлению фондами, 67 операционных отделений иностранных страховых компаний. На начало 2005 г. для операционной деятельности иностранных страховых компаний было открыто 15 городов страны.¹¹

Однако с ростом числа иностранных банков в КНР встает вопрос внешней задолженности. Так на конец 2003 г. в соответствии с данными официальной статистики внешний долг иностранных денежно-кредитных учреждений на территории КНР достигал \$20,9 млрд, что составляло 13,34% от общей суммы внешнего долга Китая.¹²

В соответствии с требованиями ВТО Китай к концу 2006 г. должен полностью снять все территориальные ограничения деятельности иностранных банков в стране, должен предоставить им национальный режим, т.е. такие же условия деятельности, как и для национальных банков. Таким образом, к концу 2006 г. иностранные банки в Китае смогут осуществлять все операции в национальной валюте, включая обслуживание граждан КНР в юанях. Однако китайские экономисты с тревогой отмечают, что при предоставлении иностранным банкам после 2006 г. национального режима, при отвлечении всего 6% депозитных средств национальные банки Китая могут столкнуться с риском ликвидности.¹³

Кроме того, правительство КНР повысило возможную долю участия иностранных банков в акционерном капитале национальных банков Китая с 15 до 20%, а в некоторых случаях и до 25%, существенно упростив процедуру инвестирования средств: заменив утверждение (разрешение) Госсоветом иностранных инвестиций в банковские структуры на всего лишь доведение до сведения Госсовета органами Комиссии по банковскому контролю о сделанных инвестициях.

Заместитель председателя Комиссии по банковскому контролю и регулированию Китая Тан Шуанънин считает, что сотрудничество национальных и иностранных банков в принципе можно подразделить на два периода:

- период операционного сотрудничества, например краткосрочное межбанковское заимствование средств, агентские услуги по расчетам, учет векселей;
- период сотрудничества в качестве акционеров, когда иностранные финансово-кредитные учреждения инвестируют средства в китайские финансово-кредитные учреждения. Доля обычных инвесторов составляет 20% акционерного капитала, но у большинства она может достигать и 25%.¹⁴

На середину 2005 г. 19 иностранных банковских структур инвестировали средства в 16 банковских структур Китая на сумму в \$16,5 млрд.¹⁵ Среди банков Китая есть как государственные и акционерные, так и городские банки в приморских и восточных районах страны.

Одним из последних соглашений этой серии стало подписание АзБР с Банком Китая соглашение об инвестициях на \$75 млн. Таким образом, АзБР станет для Банка Китая четвертым иностранным инвестором после Шотландского королевского банка, акционерной компании "Данмаси" и Швейцарской банковской группы. Ожидается, что иностранные инвесторы окажут Банку Китая помощь в совершенствовании механизма управления, окажут техническую поддержку в становлении внутреннего контроля, противодействии отмыванию денег.¹⁶

По заявлению заместителя председателя Комиссии по банковскому контролю и регулированию Китая в ноябре 2005 г., при открытии банковского сектора страны для иностранных акционеров правительство руководствуется следующими основными принципами: во-первых, сохранение за государством контрольного пакета акций крупнейших банков; во-вторых, строительство сотрудничества в соответствии с рыночными принципами; в третьих, при привлечении стратегических инвесторов инвестированный капитал отнюдь не главное, основная цель — получение передового опыта корпоративного управления и технических средств; и последнее — при привлечении иностранных инвесто-

ров в качестве акционеров национальных банков, ориентация на крупные финансово-кредитные учреждения имеющие богатый опыт в сфере оперативного управления.

Кроме того, руководство страны также устанавливает пять основных условий для иностранных акционеров:

- доля инвесторов в акционерном капитале не должна быть ниже 5%;
- не передавать акционерные права в течение 3 лет;
- вхождение в правление банка;
- вхождение в акционерный капитал не более двух национальных банков одного уровня;
- техническая поддержка.

Зампред председателя контрольного банковского комитета Китая особо остановился на четвертом пункте, указав, что один иностранный стратегический инвестор не может быть акционером более двух национальных банков Китая одного уровня. По мнению китайского руководства если не вводить ограничения акционерных прав иностранных банков в национальных банковских учреждениях, то, весьма сложно будет избежать ситуации зависимости от иностранных банков, что неизбежно отразится на макроэкономической политике государства и развитии национального банковского сектора Китая.¹⁷

Привлечение иностранных инвесторов в банковский сектор Китая, во-первых, должно положительно сказаться на совершенствовании управления, создании более совершенной системы Правления национальных банков. Во-вторых, это должно сказаться на совершенствовании управления риском и внутренних контрольных функциях. Кроме того, и это, видимо, основная цель — повышение уровня достаточности капитала банков до принятого международного уровня, поскольку повышение капитала банка за счет прибыли банка — весьма длительная процедура и сопряжена с большими трудностями.

За счет же привлечения зарубежных инвестиций в банковские структуры предполагается не только совершенствовать управление, улучшить качество активов, но и посредством выхода на внутренний или внешний фондовые рынки аккумулировать дополнительные средства и тем самым повысить достаточность капитала банка. Приход иностранного капитала от всемирно известных зарубежных банков в банковский сектор Китая также позволит китайским банкам получить преимущества на мировых рынках, предоставив возможность использования брендов известных банков мира, повысив мировой рейтинг китайских банков.

Вместе с тем привлечение иностранного капитала может сказаться на безопасности банковского сектора Китая. Чрезмерный приток иностранных инвестиций и вмешательство иностранных владельцев акций в хозяйственное управление банками может оказать существенное влияние на денежно-кредитный рынок Китая. Однако руководство страны считает, что при установленной доле акционерного участия в капитале банка иностранцы не смогут влиять на банковский сектор Китая.

Опыт Польши свидетельствует, где в настоящее время иностранный капитал контролирует более 60% акционерных прав польских банков, что приход иностранного капитала в национальные банковские учреждения не только не сказался отрицательно на безопасности банков, даже напротив, как считают в банковских кругах Польши, в условиях глобализации экономики, если не привлекать конкурентоспособный иностранный банковский капитал, то в условиях глобализации и открытости это грозит национальным банкам страны банкротством и как следствие жесточайшим банковским кризисом.

Другим весьма примечательным событием последнего года стала разрешенная Госсоветом КНР эмиссия Международной финансовой корпорации (МФК) и Азиатского банка развития (АзБР) внутри страны облигаций номинированных в национальной валюте страны — юанях.

По существующей международной практике, иностранное финансово-кредитное учреждение, впервые выпускающее на территории страны облигации дает им название, отражающее особенность данной страны. Поэтому данные облигации получили название "Панда".¹⁸

Сумма эмиссии составила 3 млрд юаней, что стало в три раза больше предполагаемой к размещению суммы эмиссии и что свидетельствует о хороших рыночных ожиданиях по облигациям "Панда". Тем не менее руководство не раскрывает полностью объекты, в которые будут инвестированы полученные средства, лишь указывая, что средства будут направлены в кредитно-финансовый сектор и на строительство ключевых объектов.

Что касается основного смысла эмиссии облигаций в юанях, то, по словам руководства АзБР, это освоение банком стратегических операций в Китае. Вместе с тем руководством банка было отмечено, что объем эмиссии облигаций составляет всего 2-3% от ежегодной суммы кредитования банком КНР, однако также было отмечено, что банк не собирается останавливаться на 2-3%, поскольку банк ежегодно проводит до 20% своих операций на рынке Китая. Поэтому значение эмиссии облигаций в юанях имеет далеко идущие планы и поможет банку в будущем увеличивать масштабы операций на финансовом рынке Китая.¹⁹

Рынок облигаций Китая с самого начала его создания и до последнего времени ограничивался гособлигациями, облигациями трех "политических" банков и небольшим объемом облигаций крупных госпредприятий страны. Предложение облигаций строжайше регулируется, присутствующий на облигационном рынке капитал полностью внутреннего происхождения, потребности инвесторов на этом рынке удовлетворяются не полностью. В новых финансово-экономических условиях после присоединения к ВТО, данная эмиссия стала первым шагом руководства Китая к открытию рынка капиталов. Ранее китайские компании выходили на иностранные рынки с эмиссией облигаций не позволяя иностранным компаниям эмитировать облигации на внутреннем рынке страны. Вместе с тем, по мнению экспертов, данная эмиссия поднимает также международный статус национальной валюты страны, расширяя рамки ее использования.

Китайские экономисты считают, что эмиссия облигаций "Панда" хотя и, в общем, то небольшом объеме — это выход финансового рынка Китая за национальные рамки. С точки зрения рынка, это не только рост объема рынка, не только рост предложения облигаций, предложение для внутренних инвесторов высококлассного инвестиционного продукта, но и рост притягательности рынка капитала для потенциальных инвесторов, расширение функций рынка облигаций. Вместе с тем это и изменение структуры эмитентов, повышение конкуренции среди участников. Одновременно процесс привлечения иностранных эмитентов это и принятая международная практика, что потребует соответствующей реформы и внутренней системы эмиссии облигаций, системы рейтинга ценных бумаг, системы информационного обеспечения, системы контроля и регулирования ценных бумаг.

Следует также обратить внимание на то, что эти две международные финансовые организации осуществившие эмиссию в Китае, проводили аналогичные эмиссии уже в 29 странах. АзБР проводил эмиссии в Индии, Гонконге, Сингапуре, что также позволяет Китаю перенимать мировой опыт кредитного рейтинга, расчетов и платежей, систем контроля и технического обеспечения.²⁰

Что же касается общего сотрудничества Китая и АзБР, то в настоящее время АзБР финансирует в стране более 90 объектов, а сумма инвестиций составляет \$12 млрд. Со времени вступления КНР в АзБР в 1986 г. Китай в настоящее время является вторым среди клиентов АзБР по полученным кредитам, и на первом месте, т.е. лидирует, по получению безвозвратных технических кредитов, на третьем месте по акционерным инвестициям в Китае.²¹

Распределение инвестиций АзБР следующее: 49% в транспорт, 17% энергетика, 14% в охрану окружающей среды и водные ресурсы, 12% в финансы и промышленность, 8% в сельское хозяйство и природные ресурсы. Кроме

вложения в общественные сектора экономики АзБР предоставил на безвозвратной основе \$180 млн на техническую помощь и \$185 млн инвестировано в предприятия коллективного и частного сектора. 80% финансируемых объектов АзБР находится в центральных и западных районах Китая. МФК за 10 лет инвестировала в Китае \$1,3 млрд в более чем 60 объектов.

В соответствии с достигнутыми в конце 2005 г. договоренностями АзБР предоставит \$600 млн кредит на поддержку развития отсталых юго-западных районов Китая в провинции Сычжоу, на строительство дорожной сети в этой провинции. Всего на данные цели планируется использовать \$2,077 млрд, из которых на кредиты АзБР приходится 29%. Министерство коммуникаций выделяет \$272,4 млн, правительство провинции Сычуань \$659,7 млн, а Банк государственного развития Китая кредит на \$544,9 млн. Срок погашения кредита АзБР 26 лет, в том числе 6 лет льготного периода. Ставка по кредиту установлена на основе Лондонской ставки межбанковского кредитования (ЛИБОР).²²

1. Цзиньжун шибао. 2004. 13 сентября.
2. Там же. 2005. 25 ноября.
3. Там же. 2000. 21 ноября.
4. Там же. 2000. 4 марта.
5. Гоцзи цзиньмао сяоси. 2000. 19 мая.
6. Цзинжун шибао. 1999. 25 января.
7. Хрестоматия для руководящих работников по денежно-кредитной системе. Пекин, 2001. С. 57.
8. Цзиньжун жибао. 2003. 24 октября.
9. Там же. 2004. 8 декабря.
10. Там же. 2004. 9 сентября.
11. Там же. 2005. 31 января.
12. Там же. 2004. 9 сентября.
13. Там же. 2004. 12 марта.
14. Там же. 2005. 10 октября.
15. Там же.
16. Там же. 2005. 11 октября.
17. Там же. 2005. 2 ноября.
18. Там же. 2005. 29 сентября.
19. Там же. 2005. 18 октября.
20. Там же. 2005. 1 октября.
21. Там же. 2005. 6 сентября.
22. Там же. 2005. 23 сентября.

К методологии изучения китайской модернизации

© 2006

А. Виноградов

Поражение социализма и триумф идеалов "свободного общества" на востоке Европы 15 лет назад открыли для истории новую перспективу. Практически одновременно с подписанием Беловежских соглашений (8 декабря 1991 г.) был окончательно выработан текст Маастрихтского договора (подписан 7 февраля 1992 г.), в соответствии с которым создавались условия для делегирования надгосударственным органам тех функций, которые принадлежали ранее отдельным государствам Европы — внешних сношений, обороны и безопасности, денежной эмиссии. Этот договор также официально закрепил за континентальным объединением название "Европейский союз". Практически одновременно начался процесс расширения ЕС на восток: 13 ноября 1991 г. было подписано соглашение об ассоциации с Польшей, Венгрией и Чехословакией. Фактическое прекращение конфронтации между капитализмом и социализмом, ослаблявшей глобальный преобразовательный импульс европейской цивилизации изнутри, казалось, не оставило препятствий для победного шествия "либеральных ценностей" по земному шару. С ликвидацией внутреннего противоречия европейская история, на протяжении последних столетий воплощавшая все значимые для судеб мира общественно-экономические, социально-политические и культурные процессы, в соответствии с постулатами западной философии, должна была прекратить свое существование. "Конец истории" — так и назвал свою нашумевшую статью Ф. Фукуяма¹, декларировавший победный для западной модели цивилизации финал мирового развития.

Действительно, после окончания "холодной войны", когда писалась упомянутая работа, трудно было представить, что могло бы бросить вызов этой модели. Остальной мир, поделенный прежде сверхдержавами на сферы влияния и соперничества, в расчет не принимался. Тем более что методы экспансии западной цивилизации, несколько сот лет отработывавшиеся на странах Востока, как представлялось, неуклонно продвигали их в направлении рынка, демократии и других либеральных свобод.

Но по мере исчезновения антагонистических противоречий между общественными системами все большее внимание политологов и экономистов стал привлекать необычайно быстрый хозяйственный рост в государствах, на-

Виноградов Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН.

K-112(4)+K1(2)1+K118-K112.3(0) 115-124

ходящихся за пределами североатлантической цивилизации, прежде всего странах конфуцианского культурного ареала. Одновременно появились утверждения о том, что главной проблемой новой эпохи станут противоречия между цивилизациями, и новый вызов "цивилизированному" человечеству придет с Востока, овладевшего техническими достижениями Запада. Перспективу столкновения цивилизаций прорисовал С. Хантингтон в одноименной статье², вульгарная реалистичность (точнее, правдоподобность) которой обеспечила ей мощный резонанс. Возмущение предложенным неблагоприятным сценарием мирового процесса и его инстинктивное неприятие оказались свойственны не только победителям, но и тем, кто хотел бы к ним примкнуть. И тех, и других обнадеживала уверенность в том, что новое соперничество будет вписываться в созданные "цивилизированным миром" и принятые остальными правила.

Однако реальная угроза перспективе глобальной вестернизации шла не от тех, кто научился жить по законам глобализующегося мира и не хотел терять приобретенные преимущества. Опасность назревала в лоне еще недеформированной Западом традиции, ощутившей перспективу своего неизбежного перерождения. Одной из форм рефлекторного ответа этой традиции стал культурно-религиозный фундаментализм. Он в равной степени угрожает и западным демократиям, и политическим режимам, сложившимся на Востоке, косвенным образом подтверждая становление новой мировой системы, универсализм которой усиливается наличием общего оппонента. Непрерывающийся рост его крайних проявлений в последние несколько лет свидетельствует о том, что фундаменталистский экстремизм ведет активный поиск адекватных своим целям форм и союзников.

Но и в другом, конвенциональном мире, несмотря на все усилия по его консолидации перед лицом общей опасности, не все поддается унификации. Так, могущество восточноазиатских экономик все отчетливее находит выражение в культурном многообразии и стремлении к идентичности. Мир предстает не таким единым, как представлялось, динамика его вертикальных и горизонтальных сегментов усиливается. Оказалось, что история Запада является лишь частью более широкого процесса, начало которому было положено выходом европейской культуры за пределы Европы как цивилизационного понятия.

Осмыслить новое качество мира можно, только по-новому перечитать недавнюю историю, уделяя основное внимание тому, что раньше считалось периферией мировой цивилизации, и где зреет потенциальная угроза бесспорному господству Запада. Эта угроза более фундаментальна, чем просто вооруженное сопротивление, по той причине, что ответ внешней экспансии предлагается в принятых "цивилизированных" формах, и не только в экономике. И хотя до сих пор западная модель развития методично распространяется на остальной мир, тенденции вестернизации встречают все большее сопротивление со стороны возрождающихся национальных культур, особенно политической, в том числе в постреформенных России и Китае.

Развитие меняющегося мира требует для своего описания нового аналитического инструментария. Категории "общественно-экономической формации" и "способа производства", "классовой борьбы", "разделения трех властей", "парламентской демократии" и другие того же ряда уже не могут рассматриваться как интегральные и все объясняющие. Как представляется, наиболее общие понятия, из которых следует исходить при описании взаимодействия современности и традиции, глобального и национального, можно выразить в терминах *универсализма, идентичности и типа развития*.

Закономерно, что удачное определение понятия универсализма, сводящее воедино основные его современные толкования, предложил С. Хантингтон: "культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, традиций и институтов"³. Под национальной идентичностью мы предлагаем понимать комплекс

качеств социально-исторического субъекта, обуславливающий его способность к самостоятельному и оригинальному поиску пути развития, противостоящего как цивилизационному универсализму, так и варварству, отвергающему поиск формы сосуществования с современностью⁴. "Тип развития" в общих чертах можно определить как интегративную характеристику изменений общественных структур, обусловленную как господствующими в культурном сознании и общественных навыках моделями взаимодействия индивидов внутри социума, а также социума с окружающей средой, так и социальными и политическими стратегиями, которые сознательно избирает руководство общества. Это способ воспроизводства идентичности, обусловленный социокультурной матрицей и характеризующийся формированием устойчивой парадигмы развития.

Исторически сложилось так, что параметры универсализма определяются характеристиками *европейской цивилизации*.

Принято считать, что основные параметры этой цивилизации, обуславившие ее нынешний облик, сформировались в период Нового времени. Однако сама причина возникновения Нового времени как эпохи бурных социально-экономических и культурных преобразований и, соответственно, факторы, обусловившие особенности последующего развития Европы, остаются до сих пор предметом дискуссий⁵. Чтобы найти путь к решению этой проблемы, возможно, следует рассмотреть развитие континента в более широком историческом контексте, с вычленением принципиальных отличий его цивилизации на более ранних стадиях развития.

Поиски фундаментальных оснований исторического процесса в разных регионах мира привели к появлению методологического подхода, известного в нашей стране под названием "социо-естественной концепции истории"⁶. Его сторонники видят причины различий стран и регионов в особом сочетании факторов окружающей среды. Генетическая связь общественного развития с природой, понимание жизненной важности которой возвращается сейчас в связи с обострившимися экологическими проблемами, и дает недостающее звено в историческом анализе, способное сыграть решающую роль в объяснении особенностей европейской цивилизации⁷.

Ограниченность ресурсов, готовых к непосредственному использованию, суровые природные и климатические условия в большинстве регионов европейского континента привели к большей, чем в других мировых центрах цивилизации, остроте конфликта между обществом и внешней средой. Поддержание жизни в этих условиях предполагало постоянную борьбу с природой, которая однозначно выступала как враждебный внешний мир. В отношениях с ней доминировали отчуждение и агрессивность. Закономерным, хотя и отдаленным результатом этого стало появление техногенной цивилизации, характерной чертой которой является расширенное воспроизводство отчужденной, искусственно созданной внешней среды и замена ею естественной. Господствующий тип взаимоотношений с природой был перенесен на социальную среду, также воспринимавшуюся как часть враждебных внешних сил. Противоречия и антагонизм стали главной внутренней характеристикой западной цивилизации⁸.

Они породили главный вопрос этой цивилизации, из которого вырос субстанциализм европейской философии: "Что нужно сделать, чтобы изменить враждебный мир?" Своеобразие отношений с природой утвердило особую роль универсального медиатора человеческого и природного миров — орудий труда. Техногенность постепенно переросла в технократизм, став показателем силы социума по отношению к окружающей среде. Постоянно осваивая новые пространства с помощью анклавов развитой техники и производства, античная ремесленно-торговая цивилизация переносила на новое место только то, что имело функциональную ценность, создавая там новую социальную организацию и оставляя ценности родового уклада на прежнем месте.⁹ Родовая знать

таким образом лишается власти “и вместо прежних чисто родственных объединений возникает рабовладельческий полис, в котором территориальное сожителство соседей берет решающий перевес над узкородственными связями”⁹. Рисковый характер операций по осуществлению экспансии требовал высокой функциональности участников, жизнь которых зависела от практических знаний и умений больше, чем от устоявшихся нравственных норм. На новом месте человек был вынужден выступать в разных качествах, превращаясь в самостоятельного, автономного индивида со строго очерченным кругом правомочий, определяемых его принадлежностью к соседской (в том числе городской) общине.¹⁰ Деятельное, предпринимательское начало в характере античного индивида позволяло ему существовать вне рамок семьи и со временем превратиться в личность, ставшую универсальной ценностью западной культуры.

Общество воспроизвело в своей структуре отчужденные отношения с природой — появились классы, отличающиеся по месту в процессе производства, и особое понимание собственности. С возникновением классов окончательно изменилась ткань общественного организма, прежде основанного на родственных отношениях. Общество стало дискретным.

Эта дискретность обусловила длительный исторический поиск путей согласования интересов различных социальных групп. Результатом такого поиска и стала политическая система Запада. Часто отождествляемая с парламентской демократией и разделением властей, она явилась естественным продолжением европейской культуры в самом широком плане. Атомизированное общество нуждалось в самостоятельном и универсальном средстве регулирования отношений между различными своими частями. Таким средством стал безличный закон. Он пришел на смену естественной власти авторитета старшего и индивидуализированности личных связей, обеспечив формальное равенство субъектов социальных отношений, в основе которых лежали отношения имущественные, касавшиеся принципиально сравнимых элементов материальной культуры. В результате родился новый тип социальных коммуникаций, родовая община уступила место основанному на других принципах социальному организму — гражданской общине. Это была искусственно созданная, как и техника, договорная форма коллективизма, регулируемая отношениями собственности и юридическим законом.

Порядок бытия наложил отпечаток и на характер общественных ценностей, изначально высоко функциональных. При примитивной технике личная мотивация, играя решающую роль в обеспечении экономического роста и производительности труда, предопределила развитие индивидуалистических ценностей. В результате личные свободы и права человека (а со временем демократия и разделение властей) стали ядром духовной культуры.

В среде, где главным принципом построения общественной жизни являлось противоречие — между природой и обществом, социумом и личностью, классами внутри общества, частной и общественной собственностью, властями и т.д., — неизбежным стало появление нации-государства. Именно оно стало наиболее надежным гарантом национальной идентичности в условиях острого соперничества и постоянного противостояния различных культур.

Дискретность общественной жизни запечатлелась в европейской философии. Раскрывавшиеся древнегреческими философами законы бытия предполагали существование как противоречий (Гераклит), так и гармонии (Пифагор). В Новое время особенности исторического развития Европы привели к тому, что упоминания о гармонии практически исчезли из европейской философии, а главным методологическим инструментом постепенно стали три закона гегелевской диалектики, описывавшие развитие в понятиях борьбы противоположностей и конфликта.

Понимание изменений общественной жизни как отрицания одного другим привело к появлению синтетического понятия “общественно-экономичес-

кой формации", которое в наиболее систематизированном виде представлено в марксизме и фактически до настоящего времени служит одним из главных оснований для описания европейской истории. Общественно-экономические формации, или типы социального строя, предполагают целый ряд принципиальных общих характеристик, главные из которых касаются социальной дискретности — классов и отношений собственности. Их наличие позволило представить европейскую историю как единый процесс. Смена формаций в виде системных изменений фундаментальных (неустранимых) характеристик общества справедливо стала пониматься как тип воспроизводства европейской культуры. Очевидно, что изменения такого рода могли происходить только комплексно, т.е. революционно. Так революция (как форма насилия нового над старым) стала восприниматься западными философами и обществоведами в качестве основной формы исторического движения. Причина революций при этом связывается с главными факторами европейской истории — орудиями труда и техникой.

Характерные черты европейской цивилизации неизбежно проявлялись в выстраивании ее отношений с внешним миром. И в этом качестве они стали чертами современности, включающей помимо "цивилизованного мира" крайние цивилизационного мейнстрима.

Что касается *восточных цивилизаций*, то их вызревание происходило в большинстве случаев в благоприятных природных условиях. Это обстоятельство уже на ранних стадиях генезиса способствовало формированию на Востоке общества, ориентированного на поиск свободных ниш в окружающем мире. Преобладание природно-климатических факторов над мотивационными ("вызов-ответ" по Тойнби¹¹) подчинило себе восточное общество, определив его относительно пассивный по отношению к окружающей среде характер. Задача социума сводилась к тому, чтобы обнаружить еще не используемые природные средства и завладеть ими. Восточный человек встраивался в природу экстенсивно, повторяя логику живого мира, постоянно приспосабливающегося к внешней среде.

Адаптационные способности восточных цивилизаций наиболее ярко проявились в истории Китая, взрастившего культурно-мировоззренческие основания всей *восточноазиатской цивилизации*. Даже созданная китайцами письменность восходит к передаче конкретных образов в виде пиктограмм, использовавшихся для трансляции значительных объемов информации. В Китае наличие достаточного количества готовых к непосредственному использованию архаичным и древним обществом природных ресурсов требовало лишь объединения трудовых усилий по их утилизации, что привело к утверждению коллективизма сначала в качестве функциональной, производственной ценности, а затем и этической.

Доминирование природных факторов над мотивационными создало атмосферу, в которой природа воспринималась как источник жизни, а человеческое вмешательство — как угроза. Взаимоотношения с окружающим миром обосновывались стремлением восстановить природную гармонию, нарушенную самим актом появления человека. Идея гармонии с природой нашла свое продолжение в общественных отношениях. Ни классов, ни идеи разделения властей в Китае не сложилось. На протяжении целых эпох соотношение основных производственных факторов — земли и населения — препятствовало утверждению частной собственности как общественной ценности в западном понимании¹². Неизбежная в любом социуме частная инициатива не становилась устойчивым социальным признаком и не приводила к формированию особых общественных групп. Семейные, иерархические по природе отношения регулировались подчинением младших старшим, воплотившимся в принципе "сыновней почтительности" (сяо). Семья, а не классы и частная собственность, оставалась важнейшим общественным институтом.

Вследствие высокой степени этнокультурной гомогенности населения главной функцией того, что в западной традиции принято называть "государством", стало собственно управление, тогда как сохранение этнокультурного ядра гарантировалось особенностями внешней среды. Государство развивалось из семьи для регулирования усложнившихся, но неотчужденных отношений, поэтому и средства социального регулирования сохранили неотчужденный характер. Коллективизм оставался естественным состоянием, не порожденным защитными силами общественного организма против энтропии, родовая власть и в условиях централизованного государства гарантировала материальное благополучие, а собственность не приобрела самостоятельной роли и особых социальных функций. Родовая организация, помноженная на этническую гомогенность населения, препятствовала появлению классов и разложению общины. Государственное устройство традиционного Китая воспроизвело архетип семейных отношений (другой власти не знали, и в ней не было необходимости. Конфуцианские этические нормы выступали естественным инструментом решения проблем неотчужденного социума, предполагавших сосуществование, а не борьбу. "Фундаментальные принципы мировоззрения этого (китайского. — А.В.) культурного мира ориентированы на гармонизацию межличностных отношений и социоцентричную ориентацию личности...".¹³

Латентность внутренних противоречий привела к тому, что историческое развитие в Китае характеризовалось преемственностью и накоплением, а не отрицанием и разрушением. Постоянство определило неприспособленность китайской цивилизации к взрывным изменениям, ориентируя на постепенность. Социальные потрясения, сопровождавшиеся насилием, сменялись восстановлением существовавшего порядка с непринципиальными для его существования изменениями. Не были сформированы механизмы адаптации к кардинальным переменам, которые воспринимались как разрушение; наоборот, развитие получили инструменты реконструкции и восстановления. Общественный прогресс имел другое измерение, в котором бесспорным был приоритет моральных норм. Непрерывность культурной традиции обусловила идеализацию прошлого, интровертность культуры.

Нравственные нормы регулировали общественную практику не столько через поступки, регулируемые формальным законом (кодифицированным уже в эпоху первых централизованных империй), сколько через внутренний мир и мысли. В отличие от европейской античности, где положение человека стало определяться правом, в Китае оно не перестало обуславливаться принадлежностью к родственным коллективам и определяться долгом перед семьей и общиной. Высшим критерием справедливости были отношения "сыновней почтительности", предок — высшей ценностью, а выполнение долга — святой обязанностью. Поэтому "долг" и "справедливость" в Китае тождественны и обозначаются одним иероглифом, в то время как в европейском индивидуалистическом обществе справедливость ассоциируется с идеализированным равенством (примечательно, что движения с эгалитаристской идеологией в традиционном Китае были резко оппозиционными по отношению к существовавшему общественному порядку). Ответственность власти-управления была тотальной и не требовала разделения властей, как и демократических форм решения общественных противоречий, а, следовательно, и демократической организации политического процесса. Государство появилось как естественный инструмент регулирования усложняющихся родственных отношений по уже имевшемуся образцу.

Одним из наиболее важных следствий такого типа управления стала экзаменационная система, призванная, в частности, ставить барьер нарушениям нравственных принципов в обществе, в котором кровно-родственное и социально-классовое не было разделено. Бюрократия и экзаменационная система обеспечивали стабильность общественно-политического процесса, учитывавшего интересы родственных объединений, которым были нужны свои представи-

тели в бюрократической элите, и индивидов, стремившихся к личному успеху. Оформленная таким образом родовая и личная мотивация препятствовала зарождению политического сознания экономически обособлявшихся слоев населения, которые так и не сложились в классы. Потенциальные угрозы, способные сломать сложившуюся культурную матрицу, отторгались внутренне сбалансированной культурной традицией. Для ее разрушения требовался чрезвычайно сильный и агрессивный вирус, которого ни внутри Китая, ни поблизости не существовало. Китайская империя ассимилировала даже завоевателей, предлагая им более совершенный, нежели существовавший у них, тип патриархальных отношений. Отсутствие внешних причин к разрушению окрашенного патриархальной гармонией духовного единства предопределило экстенсивный характер воспроизводства общественных отношений, сопровождавшийся, однако, постоянным ростом населения и демографической инерции. Все это предопределило отсутствие в Китае видимых кардинальных социально-политических изменений, т.е. истории в европейском понимании.

Главными чертами китайской цивилизации стали преэминентность, гармония, коллективизм. Именно они породили ее главный вопрос: "Как?". "Как использовать или повторить то, что уже существует в природе, и при этом не разрушить гармонию естественной среды?" Поэтому, в отличие от западной философии, выросшей из постоянной борьбы и противоречий бытия, традиционная китайская философия пронизана идеей гармонии природно-социального космоса. Эта традиция запечатлена и в терпимости традиционных китайских религий, и в гуманности конфуцианских этических норм.

Все это не означает, что в китайском обществе не было противоречий. Но соотношение конфликта и гармонии, дискретности и непрерывности, классовых интересов и семейных отношений в идеологии и общественно-политической практике было в Китае принципиально иным, нежели в Европе. Естественно, что для такого социального организма нужны были свои собственные методы регулирования.

Мощью технических достижений западная цивилизация создала глобальную социально-экономическую матрицу, в которой вынуждены были искать свое место другие страны и народы. Превосходство западной техногенной цивилизации XVIII-XIX вв. определило общие критерии общественного прогресса. Сопровождавший его процесс нарушения целостности автохтонных культур, деформации их органических элементов и заимствования западных черт стал называться "вестернизацией". Она отвечала проводимому западными державами политическому курсу на внешней арене. Целью такой политики было закрепление сложившихся отношений центра и периферии, в которых за развитыми странами будут утверждены первенство и преимущества ценой разрушения самобытности других регионов мира.

На практике вестернизация выступала лишь как тенденция, неизбежная, но не всемогущая и не необратимая. В XX в. институты западного общества нигде на Востоке не были воспроизведены в полном объеме. Изменения в общественной и экономической жизни были существенными, но по мере решения задачи выживания и самосохранения традиционная культура находила все больше средств и возможностей для собственного воспроизводства. Избежав вестернизации как простого повторения западного пути, эти страны, тем не менее, утратили естественный для них тип исторического движения. Важнейшей чертой новой модели развития, которая начала складываться в XX в., стало движение в направлении, заданном развитыми странами, определяющими мировой уровень и ставшими всеобщим эквивалентом общественного развития. В начале 60-х годов возникла теория модернизации, согласно которой в результате распространения передовой техники и технологии, либеральной экономики, воспроизводства индустриальной социальной структуры и соответствующей социально-политической ориентации национальных элит развитие

всего мира неизбежно пойдет по западному пути. Тогда же появилось классическое определение модернизации, принадлежащее одному из основоположников теории Ш.Эйзенштаду: "Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX вв. и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, африканский и азиатский континенты".¹⁴

Отождествление модернизации с приближением к культуре "модернити", т.е. индустриальной культуре буржуазного общества, начало подвергаться критике с конца 60-х годов, когда после распада колониальной системы ослабла европоцентричная конфигурация мира. Одновременно стало выясняться, что и черты "модернити", успешно объясняя отличия современного европейского общества от средневекового, мало что дают для понимания отличий европейской цивилизации от азиатских, включая китайскую. Практическое освоение материальной культуры европейцев другими народами не привело к воспроизводству в них западной социально-политической матрицы. Последовательная в своей логике теория модернизации признавала право на существенные отличия только между традиционными обществами, тогда как современные понимались ею как цивилизационно единые и целостные.

Под влиянием постмодернизма, пересмотревшего историю Европы и признавшего ограниченность ценностей универсализма, рациональности и материального превосходства, теория модернизации отказалась от идеологической конфронтационности и универсалистского радикализма. Постепенное возрождение интереса к ней было связано с тем, что инспирировавшая ее критику концепция постмодерна сама оказалась в интеллектуальном тупике и не смогла сконструировать новую позитивную теорию. А поражение социализма в Восточной Европе и экономический кризис 90-х годов в Азии вернули сторонникам современной модели западного развития утраченный оптимизм. Главной проблемой концепции глобализации, наследовавшей основной дух теории модернизации, стало не противоречие традиционного и современного, а взаимосвязь глобального развития и национальной идентичности. Вообще, глобализация как теоретическая категория — это характеристика отношений, вытекающая из синхронизации мирового развития и подчеркивающая их всеобщий характер, а вовсе не унификацию субъектов этих отношений. Тем не менее, сторонники развития глобализации по западным образцам пытаются использовать объективные процессы в своих корыстных интересах.

В современном идейно-теоретическом контексте модернизация может быть признана характеристикой не только трансформирующегося пространства, но и социально-исторического времени. При этом есть основания рассматривать модернизацию как прообраз нового типа развития, проявляющегося пока только в отдельных регионах мира и не описываемого ни формационным, ни цивилизационным подходами. Его отличительной чертой является отсутствие смены четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, т.е. свойственной европейской истории дискретности, являющейся следствием целенаправленных усилий. Соответственно, и результат изменений в ходе модернизации будет представлять собой сложный синтез национальной традиции и западного универсализма, создающий новую идентичность. Ее существование потребует такого типа развития, который будет не только учитывать закономерности традиционной социокультурной матрицы, но и более полно и оперативно воплощать усилия политического руководства.

Несмотря на то, что прежняя теория модернизации не сумела предложить удовлетворительное описание общественно-исторических процессов в других регионах мира, поставленная ею задача осталась. Как же в действи-

тельности неевропейские цивилизации реагировали на столкновение с Западом и встраивались в новый мир?

Модернизация Не-Запада (на примере Российской и Китайской империй). В массовом сознании распространено мнение, что начало реформам в России было положено исключительно субъективной волей просвещенного монарха. На самом деле, петровские реформы были реализацией объективно усиливающейся тенденции к политическому объединению на новом уровне однородного в национальном, культурном и религиозном плане населения и созданию новой государственности — имперской.

До нас дошло мнение самого Петра I об отношении к заимствованиям: мы возьмем у Запада технику и науку, укрепим военную мощь, “а затем повернемся к Европе задницей”¹⁵. Его реформы ограничились созданием армии, необходимых для нее отраслей промышленности и финансовой системы, а также европейской системы образования для военных и государственных чиновников. Однако учреждение некоторых элементов европейской организации общественной жизни, ставшее естественным следствием военных реформ Петра I, не привело Россию к цивилизационному единению с Европой. Русское государство оказалось достаточно сильным, чтобы переварить элементы западной культуры, не меняя своей природы. Реформы, исходившие от государства, были призваны усилить режим, а не перенести в Россию западную цивилизацию.¹⁶ Традиционная культура продолжала собственное воспроизводство: одновременно с петровскими реформами усиливались крепостное право, азиатский деспотизм, бюрократизм и т.д.

Принципиально аналогичная схема преобразований была повторена в Китае во второй половине XIX в. Для противостояния западному проникновению были созданы новая армия, военные арсеналы и училища. При этом важно отметить, что и мотивация была аналогичной. Вэй Юань, родоначальник доктрины усвоения “заморских дел”, автор “Хайго тучжи” (“Описание заморских стран с картами”, 1852), оказавшей значительное влияние на китайское восприятие западного мира, считал, что после проведения этих мероприятий можно будет “покорить их (заморских варваров — А.В.)”¹⁷. Таким образом, для обеих стран с разницей в 150 лет начался один и тот же процесс, который можно назвать первым этапом модернизации: в китайском языке для его обозначения имеется более точный термин — *цзиньдайхуа*, подразумевающий “приближение к современности”.

Военные поражения России и Китая от европейских держав и Японии в конце XIX — начале XX в. показали, что главная задача — найти свое место в созданной Европой социально-экономической матрице — осталась нерешенной. Это вызвало к жизни новый модернизаторский импульс, затронувший более глубокие слои культуры.

На первом этапе препятствием проведению таких реформ в Китае стала не только инерция традиционной культуры, но и сознательное сопротивление государственного аппарата, чьи властные позиции ставились реформами под угрозу. Попытки государственной бюрократии изменить старую систему управления, неэффективность которой угрожала сохранению самой национальной культуры, были непоследовательны, робки и неэффективны. Именно отсутствие зримых результатов в противостоянии Западу обострило внутренние противоречия и вызвало тайпинское восстание 1850–1864 гг., впервые в китайской истории связавшее надежды на преобразования с иностранным, западным символом¹⁸.

Первый этап реформ в обеих странах привел к появлению европейски образованных слоев населения, для которых традиционная культура и ценности уже не были бесспорными. Неудачные попытки оказать влияние на государственную машину привели русскую революционную интеллигенцию (революционных демократов) и китайских радикалов к мысли о необходимости сло-

ма старой системы государственного управления в качестве необходимого условия крупномасштабных реформ.

Сам вывод о ликвидации старой структуры вместо традиционной смены недостойного руководства мог родиться только у представителей западно ориентированной интеллигенции, а priori знавшей о возможности такого пути из опыта европейской истории. По традиционным китайским представлениям, даже самые глубокие изменения ограничивались сменой императора либо династии — так или иначе, индивидуума, воплощавшего власть. Никто не мог даже предположить возможность разрушения государственного ядра с целью его усиления. Таким образом, знание образованных слоев о возможности другого типа развития привело, в конечном итоге, к слову естественного типа исторических изменений и самого характера исторического процесса.

Несколько поколений русских революционеров XIX в. пыталось найти решение этой задачи. Итогом этих попыток стала концепция авангардной партии, во главе которой встала европейски образованная и ценностно ориентированная русская интеллигенция. Не связанная с государством, она оказалась единственной силой, способной выразить новые национальные ценности. Через восемь месяцев после февраля 1917 г. созданная в России большевистская партия под знаменами западного социализма нашла собственный путь развития и сумела воссоединить осколки империи.

Китайская Синьхайская революция 1911 г. не имела такой партии. Разрушение старого государственного и общественного устройства в результате внутренних восстаний и войн усиливали позиции армии, ставшей естественным институциональным средством самосохранения нации. Еще до 1911 г., точнее, непосредственно после тайпинского восстания, в Китае стал распространяться военный регионализм, отразивший ослабление государственной власти. Синьхайская революция, несмотря на участие в ее подготовке и проведении интеллигенции, осталась фактором прежде всего деструктивного воздействия и не привела к быстрому позитивным изменениям. Прежняя общественно-политическая структура воспроизвела себя в диктатуре Юань Шикая и милитаристских кликах. Сломать старый общественный механизм не удалось. Безуспешные 10-летние попытки утвердить свою власть на территории Китая и привлечь к его модернизации западные державы привели Сунь Ятсена и созданную им партию Гоминьдан к принятию опыта СССР и концепции авангардной партии. Реформированный Гоминьдан, объединив новую позитивную идеологию государственного строительства и высокую армейскую дисциплину, обеспечил себе победу над милитаристами и установление номинальной политической власти над страной в 1927 г.

Социалистическая модернизация. Сила и авторитет марксизма, ставшего идеологией новых политических сил, заключались в адекватном теоретическом изложении европейской истории как противоречий и борьбы между классами, нациями и государствами. Концепция революции как естественной формы исторических изменений была именно тем средством, которое могло нарушить традиционный тип исторического развития в других цивилизационных ареалах, поскольку только такой характер изменений отвечал задачам одновременного преобразования всех сторон общественной жизни. Это методологическое оружие было использовано коммунистическими партиями для завоевания лидерства в политическом процессе.

Однако марксизм состоял не только из теории общественного развития. Как и в каждом социальном учении, в нем содержалось ценностное начало. Центральная часть его идеала — коллективизм — отвечала традициям восточных культур, хотя многое, в том числе демократическая политическая система, приоритет личности перед обществом, было ей чуждо. В результате острой политической борьбы между идеологами — сторонниками западной, марксовской схемы и государственниками-прагматиками к концу 30-х годов в СССР сфор-

мировалась национальная версия общественного развития, восстановившая в значительной степени традиционную для России общественно-политическую среду и одновременно нарушившая социальный идеал Маркса, что впоследствии позволило характеризовать сложившийся строй как “казарменный социализм”.

Сознательно сложившийся характер изменений, осуществлявшихся по заранее спланированному сценарию в целях достижения экономического и научно-технического уровня Запада, ознаменовал новый характер исторического процесса — **мобилизационный**. Главная его черта заключалась не столько в отказе от традиционного типа воспроизводства в длительной перспективе, сколько в усилении субъектного характера развития в перспективе краткосрочной, с целью преодоления инерции традиционной культуры и социальной среды и обеспечения перехода общества в качественно новое состояние. Возможным это становилось потому, что во главе нового социального проекта вставал образованный социальный слой, вооруженный адекватной поставленным на тот момент задачам теорией и сумевший с помощью авангардной партии мобилизовать значительные массы населения.

Но традиционная культура, найдя с помощью марксизма и социализма путь в современность, сохранила позитивный потенциал своей специфики. После периода революционных преобразований и сопутствующих им экспериментов и ошибок в основных чертах была восстановлена матрица традиционного социального устройства. Основные ее черты заключались в отождествлении общественного и государственного, приоритете общественного над личным, решающей роли государства в социальной, экономической и политической жизни, строгой иерархичности системы государственного управления, ее “замкнутости” на одного человека — общенационального лидера или вождя (в современных терминах — в жесткой властной вертикали). Эффективно решая задачи мобилизационного развития, такая система все же имела существенный недостаток — отсутствие механизма преемственности. Поэтому она оказывалась в состоянии политической нестабильности не только по прихотливой воле вождя, но и всякий раз в связи с его сменой по естественным причинам (это, в частности, объясняет практику пожизненного пребывания на ведущих постах в бывших социалистических странах.)

Априорно высоконравственному вождю и его партии не нужны “противовесы и сдержки”, свойственные демократической системе, но для кандидатов на высший пост необходима особая система отбора. Преодолеть “одноразовый” характер мобилизационности можно было, только создав систему воспроизводства. В 80-90-е годы XX в. КНР удалось создать механизм передачи власти, ставший основным звеном системы воспроизводства властных структур и политической культуры. Постепенная, поэтапная, обставленная тщательно прописанной процедурой передача власти лидера “второго поколения” китайских коммунистов и архитектора реформ Дэн Сяопина руководителю “третьего поколения” Цзян Цзэминю, а затем передача ее Ху Цзиньтао, находящая очевидные культурно-исторические ассоциации в смене легендарных правителей Яо, Шуня и Юя¹⁹, не оставляет сомнений в обретении системой управления стабильного состояния. Появление такого механизма позволяет говорить о формировании собственного устойчивого типа развития, сочетающего потенциал традиций и требования современности.

Развитие мирового коммунистического движения с появлением с середины 50-х годов различных национальных (цивилизационных) версий социализма убедительно продемонстрировало свой разрыв с универсализмом европейской истории, воплощенным в лозунгах “мировой революции”. Нынешние реформы в КНР показывают, что общественный строй, складывающийся после социальных экспериментов 50-70-х годов, имеет довольно отдаленное отношение к аутентичному марксизму. Все, что составляет структуру общественного организма за пределами экономической необходимости — принципы социаль-

ной организации, отношения собственности, общественные отношения и политическая система — трудно или вообще невозможно отождествить с заложенными в марксизме ценностями. Избрав путь социалистической модернизации, Китай не утратил ядро своей традиционной культуры. Об этом свидетельствуют и принципиальные общие черты социально-политической и экономической модели КНР и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии (конфуцианского культурного ареала), усилившиеся и ставшие особенно заметными после поражения социализма в Европе в 80-е годы.

Модернизация в Восточной Азии — один из немногих на сегодняшний день примеров успешного решения проблем экономического развития, поставленных Западом перед остальным миром. Глобализация мировых экономических процессов сделала всеобщим достоянием ядро западной цивилизации — передовую науку и технику. Уяснив у Запада, что делать, страны Дальнего Востока успешно соединили научно-технологические навыки с традиционными преимуществами конфуцианской цивилизации — как делать. Во всех этих странах, от “социалистического” Китая до “капиталистической” Японии, в экономике, политике и общественной жизни присутствуют существенные сходные черты: государство играет определяющую роль во всех сферах социального бытия, значительна доля государственного сектора в экономике, в основе политической системы лежит доминирование одной партии или лидера, авторитет которых находится в прямой зависимости от их нравственного облика, хотя бы и идеализированного.

В XX столетии победа социалистических революций за пределами Европы означала реакцию другой цивилизационной среды на вызов Запада. Использование компартиями России и Китая марксизма привело их к победе, но под давлением традиционной культуры они были вынуждены отказаться от ряда его важнейших положений. В общественно-политической практике из марксистской теории использовалась только методология исторических преобразований. Переболев вирусом индустриальной цивилизации, традиционная культура восстановила свое воспроизводство. Оно вовсе не отрицает процесс ее изменения, тем более под внешним воздействием, но придает изменениям особый характер — не линейный, в западном понимании, когда изменения в производстве ведут к строго определенным изменениям в других сферах общественной жизни, а композиционно более сложный. Модернизация, в том числе успешная социалистическая модернизация, является, как показала практика, не способом “слияния с современностью” и растворения таким образом в универсалистской цивилизации, а средством сохранения идентичности, когда традиция интегрируется в современность.

1. Fukuyama F. The End of History // *The National Interest*. № 16. Summer, 1989.
2. Huntington S. Clash of Civilisations // *Foreign Affairs*. № 72. Summer, 1993; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003.
3. Хантингтон С. Указ. соч. С. 74. В основе такого подхода лежит оспариваемое сейчас представление об уникальной природе истины.
4. Примечательно, что национальная идентичность в не-западных странах отыскивается преимущественно в сфере духовно-нравственного.
5. Среди ученых нет единодушия по поводу причин появления в Европе науки, вытеснившей религиозное сознание, а также гражданского общества, торгового, а затем и промышленного капитала. См.: Needham J. *Science in Traditional China: A Comparative Perspective*. Camb., 1981; Современные историко-научные исследования: наука в традиционном Китае. РС ИНИОН АН СССР. М., 1987; Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. В частности, существует мнение, что помимо внутренних причин возникновение капитализма было обусловлено развитием торговых отношений Запада с Востоком. См.: Иванов Ю. Восток-Запад: некоторые вопросы методологии // ПДВ. 1996. № 6. С. 103.

6. См.: Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990; Его же. Восток: Человек и природа на Дальнем Востоке. М., 1998.
7. Гераклит писал: "Война есть отец всего, царь всего. Она сделала одних богами, других людьми, одних рабами, других свободными". — Цит. по: Лосев А. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М., 1992. С. 382.
8. Подробнее о процессах колонизации в античном Средиземноморье см.: Античная Греция. Т.1. М., 1983; Блаватская Т.В. Черты истории государственности Эллады. СПб., 2003; Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М., 1982.
9. Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 333, 354-362.
10. Богомолов А. Античная философия. М., 1985. С. 241.
11. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 106-142.
12. На эту характерную особенность китайского общества уже давно обращают внимание исследователи. Так, А.В. Меликсетов пишет, что в китайских условиях "не могло сложиться ни экономического, ни юридического феномена, полностью аналогичного европейскому понятию "частная собственность"". — Меликсетов А. Социально-экономическая политика Гоминьдана. 1927-1949. М., 1977. С. 9. По мнению Ю. Иванова, "на Востоке в условиях переложного земледелия не могло возникнуть ни частной собственности крестьян на землю, ни ее наследственного владения, напоминающего частную собственность". — Иванов Ю. Восток-Запад: некоторые вопросы методологии // ПДВ. 1996. № 6. С. 98-99.
13. Kleinman A. Somatization: the Interconnections in Chinese Society among Culture, Depressive Experiences, and the Meanings of Pain // Culture and Depression. A.Kleinman, B.Good ed. Berkeley, 1985. P. 468-469.
14. Eisenstad S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966. P. 1.
15. Цит. по: Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 10-11.
16. См.: Чернышевский Н. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 612-614.
17. Врядий С. Ю. Линь Цзэсюй. Патриот, мыслитель, государственный деятель цинского Китая. Владивосток, 1993. С. 7.
18. Тайпины, поднявшие в 1850-1864 гг. восстание под лозунгами создания "Небесного государства Великого благоденствия", считали себя единоверцами христиан, а лидер тайпинов Хун Сюцюань даже объявил себя "младшим братом" Иисуса Христа.
19. Яо, Шунь и Юй — легендарные "совершенномудрые" правители китайской древности, связанные преемственностью власти: они передавали ее не родственникам, а наиболее достойным, высоконравственным кандидатам.

Знаменательная дата

К 50-летию Института стран Азии и Африки при МГУ

© 2006

М. Мейер

В мае 2006 г. исполняется 50 лет одному из крупнейших востоковедных вузов нашей страны, ведущему центру подготовки профессиональных востоковедов — Институту стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Институт стран Азии и Африки (ИСАА при МГУ) является одним из главных учебных заведений России, готовящих высококвалифицированных востоковедов, в том числе, специалистов по Дальнему Востоку и региону АТР. Институт сыграл существенную роль в становлении востоковедения в нашей стране, в создании российской востоковедческой школы, которая в советский период приобрела известность в тех странах, которые традиционно имели с Россией тесные научные контакты. В последние годы эта школа стала пользоваться признанием и авторитетом в широких кругах мировой научной общественности.

История изучения языков и культур Востока в стенах Московского университета ведет отсчет с начала XVIII века. Именно тогда император Александр I утвердил университетский Устав, по которому на отделении словесных наук предусматривалась кафедра восточных языков. Наиболее известным востоковедом, оставившим свой след в истории университета, был Алексей Васильевич Болдырев, который преподавал еврейский, арабский и персидский языки и был автором учебных пособий по этим языкам. Авторитет востоковедной науки и лично Болдырева в Московском университете был настолько велик, что в 1828 г. профессор-ориенталист избирается деканом словесного отделения, а через пять лет утверждается в должности ректора Московского университета.

В основе научно-педагогической деятельности востоковедов Московского университета лежала богатая традиция, складывавшаяся, помимо МГУ, в Казанском и Санкт-Петербургском университетах, а также в Лазаревском институте восточных языков (основан в 1815 г.) и его преемниках — Центральном институте живых восточных языков (создан в 1920 г.) и Московским институте востоковедения (МИВ), который просуществовал до 1954 года. Развитие востоковедения и африканистики в МГУ способствовали творческие контакты с близкими по профилю вузами и академическими институтами: Мос-

ковским государственным институтом международных отношений, Институтом востоковедения АН СССР, Институтом Африки АН СССР и др.

Созданный в 1956 г. на базе ряда кафедр исторического и филологического факультетов Институт стран Азии и Африки опирался, таким образом, на более чем двухсотлетнюю традицию изучения стран Востока.

Кардинальные перемены в мире, связанные с начавшимся после Второй мировой войны процессом деколонизации стран Азии и Африки, поставил перед Советским Союзом новые задачи по расширению своего влияния на международной арене, путем развития сотрудничества с освобождавшимися странами "третьего мира". Этому способствовало стремление освободившихся стран к укреплению своего положения в системе международных отношений и ускорению социально-экономического и культурного развития. В 1949 г. была создана Китайская Народная Республика, борьба между двумя полюсами мировой системы разгоралась в Корее и в Индокитае.

Середина 1950-х годов была отмечена активизацией советской политики в развивающихся странах. Советский Союз заключил ряд важных соглашений, прежде всего, об экономическом сотрудничестве со странами Азии и Африки. В феврале 1955 г. было подписано принципиально важное для укрепления связей с Индией соглашение о строительстве металлургического комбината в Бхилаи. В течение 1955 -1956 гг. были подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве с Афганистаном, Индонезией, Камбоджей, Цейлоном, Бирмой, Египтом, Сирией, Ливаном, Ираном, Северным Йеменом, Гвинеей, Ганой и другими странами. Началось также развитие политических отношений с этой группой государств.

В июле 1955 г. состоялся визит в Москву премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Его значение не было ограничено только рамками двусторонних контактов. Визиту Неру советские руководители придали особый смысл потому, что он был не только руководителем одной из крупнейших азиатских стран, но и одним из лидеров Движения неприсоединения, которое в те годы еще не было институализировано, но его основные принципы уже были сформулированы. В 1956 г. в Москве с официальным визитом побывал еще один из будущих лидеров Движения неприсоединения президент Индонезии Сукарно. Огромное значение для становления основ внешнеполитической деятельности Советского Союза в афро-азиатском ареале имел визит официальной советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Индию, который состоялся в конце 1955 г.

Начавшиеся контакты выявили явную нехватку, прежде всего, переводчиков, знающих восточные языки, а также недостаточную осведомленность специалистов, которые приступали к работе в странах Востока, об их специфике, традициях, нравах, их истории и культуре.

Осуществление планов сотрудничества потребовало существенной реорганизации всей системы востоковедного образования, важнейшим элементом которой стал переход от ведомственной подготовки востоковедных кадров на базе Военного института иностранных языков (ВИИЯ) при Министерстве обороны, Московского государственного института международных отношений (МГИМО) при Министерстве иностранных дел и др. — к университетской.

Собственно говоря, потребность в подобных преобразованиях ощущалась и раньше. Неслучайно, еще в ноябре 1943 г. два видных востоковеда — А.А. Губер и А.Ф. Миллер составили по запросу ЦК ВКП (б) записку о мерах необходимых для улучшения постановки преподавания и научно-исследовательской работы по истории Востока в связи с возрастающей ролью стран Востока в системе международных отношений. Основные ее положения были повтoreны А.Ф. Миллером в другой его записке в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) от 24 августа 1945 г. "О недостатках востоковедной работы

и мерах по ее улучшению". Новая ситуация, сложившаяся на международной арене к середине 1950-х годов, показала острую потребность в принятии практических решений по этому вопросу.

25 мая 1956 г. был подписан приказ министра высшего образования СССР № 441 "Об организации Института восточных языков при Московском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. М.В. Ломоносова". Основанием для него стало Постановление Совета Министров Союза ССР от 16 мая 1956 года № 637, которое было подписано Председателем Совета Министров СССР Н. Булганиным и Управляющим делами Совета Министров СССР А. Коробовым.

В приказе была обоснована необходимость создания нового учебного подразделения. В нем, в частности, отмечалось, что дальнейшее расширение и укрепление дружественных связей между народами СССР и стран зарубежного Востока требуют значительного улучшения подготовки специалистов-востоковедов, поэтому Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Принять предложение Министерства высшего образования СССР, Министерства иностранных дел СССР и Министерства культуры СССР об организации при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова Института восточных языков.

2. Возложить на Институт восточных языков:

а) подготовку высококвалифицированных специалистов-востоковедов, активно владеющих языками соответствующей страны, на базе всесторонних и глубоких знаний ее экономики, истории и культуры;

б) обучение восточным языкам лиц, имеющих техническое и другое специальное образование, для последующей работы в странах зарубежного Востока;

в) повышение квалификации специалистов-востоковедов, работающих в различных министерствах и ведомствах.

3. Установить, что Институт восточных языков действует в составе двух факультетов: историко-филологического факультета со сроком обучения 6 лет, включая один год заграничной практики, и специального факультета со сроком обучения до 2 лет, включая шесть месяцев заграничной практики.

В этом постановлении правительства также были упомянуты конкретные мероприятия, которые обеспечивали бы функционирование ИВЯ. Прием в Институт восточных языков на 1956-57 учебный год был установлен в количестве 80 человек, из них на историко-филологический факультет — 40 человек и на специальный факультет — 40 человек. Небольшая численность будущих студентов института определялась теми практическими потребностями, которые способствовали созданию этого нового учебного заведения.

Первоначально большое внимание было уделено специальному факультету, так как именно с его помощью можно было осуществить ускоренную подготовку специалистов, знающих восточные языки и способных квалифицированно исполнять свои обязанности в странах Востока. Было принято решение комплектовать специальный факультет Института восточных языков из числа лиц, имеющих высшее или среднее специальное образование, командированных министерствами и ведомствами по соглашению с республиканскими, краевыми и областными руководящими органами. Таким образом, специальный факультет ИВЯ готовил специалистов практического профиля не только для центральных министерств и ведомств, но и для республик Советского Союза, а также местных администраций.

В постановлении говорилось о необходимости разработать правила приема в ИВЯ, которые обеспечивали бы наилучший отбор студентов. Кроме того, в нем указывалось на необходимость иметь при ИВЯ шестимесячные курсы повышения квалификации специалистов-востоковедов.

Для подготовки высококвалифицированных специалистов по странам Азии и Африки в постановлении было предусмотрено приглашение на работу в институт 10-15 специалистов-востоковедов из Китайской Народной Республики, Республики Индии, Индонезии, Вьетнама, Бирмы и других стран Азии и Африки. С этой же целью в постановлении было предусмотрено командировать ежегодно в Китайскую Народную Республику, Индию, Демократическую Республику Вьетнам, Бирму и другие восточные страны по 15 аспирантов для совершенствования в языке, литературе, истории, экономике и других областях знаний изучаемых ими стран. Кроме того, Министерство высшего образования СССР получило разрешение ежегодно направлять до 20 студентов для прохождения полного курса обучения в высших учебных заведениях КНР, Индии, Вьетнама, Монголии, Бирмы, Египта и других стран Востока, обеспечив им необходимую предварительную подготовку в Институте восточных языков. В страны Востока также предполагалось направлять профессоров и преподавателей ИВЯ для пополнения их знаний по языку, литературе, истории, экономике этих стран. Вполне естественно, что упор был сделан на развитие сотрудничества с социалистическими странами Азии, а также ближайшими в тот период союзниками Советского Союза в афро-азиатском регионе.

Согласно Положению об Институте восточных языков, институт являлся самостоятельным структурным учреждением Университета. Он был организован путем объединения восточных отделений исторического и филологического факультетов МГУ. Кроме студентов этих отделений, в институт была принята часть слушателей упраздняемого Военного института иностранных языков (ВИИЯ). С ними пришла и группа преподавателей из ВИИЯ. Директором ИВЯ стал профессор Н.А. Смирнов, который руководил институтом всего один год. Известный специалист по исламу и истории Турции, он оставался заведующим кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока до 1960 года, а затем перешел в Институт истории АН СССР.

Самый продолжительный срок на посту директора института находился А.А. Ковалев (с 1957 по 1975 гг.). Его сменил Р.Т. Ахрамович, который проработал на этом посту с 1975 по 1989 гг. А.В. Меликсетов стал директором в 1989 г. и покинул этот пост в 1994 г., перейдя на должность заведующего кафедрой истории Китая. Директором ИСАА стал М.С. Мейер, который занимает этот пост вплоть до настоящего времени.

Главной задачей руководства института в первые годы его существования стало превращение Института восточных языков в головной востоковедный вуз. Решение этой комплексной задачи осложнялось наличием различных подходов к подготовке востоковедов университетского профиля. Принципы и методы обучения студентов на Восточном факультете Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета существенно отличались от аналогичных приемов московской, так называемой "Лазаревской" школы, которые были характерны для организации учебного процесса в Московском институте востоковедения (МИВ). Богатый опыт подготовки востоковедных кадров был накоплен на восточных отделениях исторического и филологического факультетов МГУ. Следовало также учесть специфику обучения востоковедов в Ташкентском, Тбилисском, Ереванском и Бакинском государственных университетах, которые готовили кадры главным образом для нужд союзных республик.

В ИВЯ в тот период работало много замечательных людей, которые создавали школу отечественного востоковедения. Кроме того, в преподавании восточных языков участвовали преподаватели-носители языка, то есть те, для кого тот или иной восточный язык был родным. Они обеспечивали возможность для студентов овладевать навыками разговорной речи, что было совер-

шенно необходимо, так как студенты получали не только специальность историка или филолога — востоковеда, но и квалификацию переводчика.

Высокая квалификация профессорско-преподавательского состава способствовала тому, что успешно была решена задача превращения ИВЯ в головной востоковедный институт Советского Союза и создана принципиально новая модель университетского востоковедного образования.

Суть этой модели и методов ее реализации сводится к следующему.

Усилиями дирекции Института и профессорско-преподавательского состава в учебных планах удалось найти оптимальное соотношение языковых занятий с представительным набором других дисциплин как общетеоретического, так и практического характера, что позволяло дать студентам достаточно полное представление об историческом развитии и современном состоянии экономической, социальной и культурной жизни изучаемой страны или региона. При этом студенты, готовившиеся по двум специальностям “история” и “филология”, получали одинаковую языковую подготовку. По первоначальному замыслу предусматривалось также создание третьего факультета — социально-экономического, однако Институт еще не был готов к его открытию. Высокий удельный вес часов, отведенных на изучение восточных языков, продуманная многоаспектность их преподавания, сочетание лекционных курсов с практическими занятиями обеспечивали хорошее знание современной лексики и развитие навыков разговорной речи. Языковые занятия сочетались с обширной программой лекций и семинаров по истории, экономике, литературе и праву изучаемых стран Азии и Африки. К этому следует добавить и достаточно большой удельный вес занятий западными языками. Не менее сложной была задача обеспечения учебного процесса высокопрофессиональными кадрами. Общими усилиями трудности удалось преодолеть, и по сей день учебные планы многих востоковедных учреждений России и ряда странах СНГ во многом основаны на программе обучения, которая была разработана и реализована в ИВЯ. В ее основе лежит идея восприятия востоковедения и африканистики как комплексных сфер знания, включающих в свою структуру самые различные аспекты гуманитарных и общественно-экономических наук.

Модель современного университетского востоковедения предполагала органическое сочетание учебной и научно-исследовательской работы. С этой целью в штатное расписание Института были включены научные сотрудники различных градаций, которые одновременно несли и педагогическую нагрузку. Началось издание специализированного научного журнала “Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение”, выходящего четыре раза в год. В то же время каждый преподаватель ИВЯ осуществлял конкретную научную работу, результаты которой находили отражение в кандидатских и докторских диссертациях, монографиях, учебниках и учебных пособиях по отдельным языкам, коллективных работах по истории и литературе стран Азии и Африки, получавших грифы общесоюзных учебников, многочисленных журнальных публикациях и докладах на международных конгрессах, всесоюзных и университетских конференциях.

Еще одной характерной чертой нового университетского востоковедения стало налаживание и развитие широких связей с центрами востоковедного образования, как в нашей стране, так и во многих государствах Азии, Африки и Восточной Европы, что нашло выражение в обмене преподавателями и студентами, стажировках с целью повышения квалификации и подготовки диссертаций, а также обмене периодическими изданиями и монографической литературой. Получаемые за счет обмена издания составили значительную часть фондов институтской библиотеки. Институт постоянно сотрудничал с академическими учреждениями, в частности с Институтом востоковедения, Институтом

языкознания, Институтом мировой литературы, с музеями и архивами. Ведущие специалисты из академических институтов постоянно приглашались для работы в ИВЯ по совместительству или для чтения отдельных курсов на почасовой основе. Различные формы профессиональных связей позволяли коллективу института находиться на уровне научных достижений ученых всего мира. Тесное сотрудничество ИВЯ с другими центрами востоковедного образования в немалой степени способствовало росту национальных кадров в союзных республиках Средней Азии и Кавказа, повышению уровня востоковедной подготовки в ряде периферийных университетов нашей страны (Владивосток, Саратов, Нижний Новгород, Иркутск, Симферополь, Ярославль и др.).

Общественная жизнь ИВЯ в тот период отличалась разнообразием форм, интенсивностью и массовостью. Студенческий и преподавательский коллективы института были активно задействованы в работе студенческих отрядов, в митингах солидарности, спортивных универсиадах и смотрах художественной самодеятельности, в выпуске стенгазет. Институтская специфика также нашла отражение в общественной жизни его коллектива: регулярно проводились кафедральные вечера на восточных языках, встречи с выдающимися учеными и общественными деятелями из афро-азиатского региона. Подобная общественная и творческая активность, несомненно, содействовала созданию благоприятного климата в институте, способствовавшего решению поставленных перед ним задач. Первые годы деятельности ИВЯ совпали с особым периодом в истории Советского Союза — с «хрущевской оттепелью». После доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, в котором он разоблачил «культ личности Сталина», начался процесс реабилитации и возвращения сотен тысяч невинно осужденных людей. В обществе распространялись идеи о необходимости демократизации всех сторон общественно-политической жизни, начали публиковаться до этого запрещенные произведения, проходили выставки работ современных художников и скульпторов, которых ранее не выставляли из-за их приверженности «формализму» и «абстракционизму».

Новый общественный климат оказал влияние и на жизнь института. Изменился состав его студентов и преподавателей. В частности, преподавательский состав расширился за счет тех специалистов, которые по политическим причинам считались ранее «неблагонадежными» не принимались на работу в высшие учебные заведения, особенно, в такой престижный вуз страны, как Московский университет.

Образование новых кафедр, новые курсы, новые ориентиры востоковедной подготовки — всем этим отличалась жизнь ИВЯ в первые пятнадцать лет его существования. К концу этого периода наступило время серьезных реформ, связанных с тем, что первоначальная задача института по подготовке ориенталистов, свободно владеющих восточными языками, пришла в противоречие с университетскими требованиями о комплексной подготовке специалистов востоковедения, обладающих углубленными знаниями по изучаемым странам и занимающиеся исследовательской работой по избранной ими проблематике. Превращение Института восточных языков в ведущий центр востоковедения в стране также потребовал проведения соответствующих реформ в его структуре и расширения возложенных на него задач. Кроме того, была усилена ориентация на изучение социально-экономических проблем стран Азии и Африки.

24 июня 1972 года за подписью ректора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академика И.Г. Петровского был издан приказ № 634 «О преобразовании Института восточных языков при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в Институт стран Азии и Африки при МГУ». В нем подчеркивалась необходимость возложить на институт осуществление новых задач. ИСАА должен был выполнять функции

головного учебного и методического центра страны по подготовке востоковедов и африканистов, а также координировать работу по подготовке учебников, учебных пособий, курсов лекций для студентов восточных факультетов высших учебных заведений. Было предусмотрено увеличение плана приема на подготовительное отделение Института стран Азии и Африки до 50% плана приема студентов на 1 курс института.

Реорганизация института шла планомерно и последовательно. Был создан новый социально-экономический факультет, постоянно совершенствовался учебный план, особенно после распада Советского Союза и деидеологизации всей системы образования в стране. В 1989 г. факультеты ИСАА были преобразованы в отделения. В настоящее время функционируют три основных отделения: филологическое, историческое и социально-экономическое, а также специальное отделение.

За годы существования ИСАА при МГУ в нем сформировался уникальный профессорско-преподавательский коллектив, который не имеет аналогов в мировой востоковедной практике. В настоящее время он представлен 251 преподавателем и научным сотрудником, в число которых входят 55 докторов наук и 90 кандидатов наук. Большинство из них — выпускники института. Многие преподаватели и научные сотрудники ИСАА при МГУ являются ведущими в стране и за рубежом экспертами в области своей специализации. Они широко известны как авторы фундаментальных научных исследований, а также учебников, словарей и переводов художественной литературы с восточных и африканских языков.

Основной целью института всегда была полноценная подготовка дееспособных востоковедов, основательно знающих историю, политику, экономику, культуру изучаемого региона и отдельных его стран, обладающих необходимыми навыками аналитической работы и активно владеющих восточными и западными языками. Постоянное совершенствование программы обучения направлено на выполнение этой задачи.

Студенты, поступившие в институт, имеют возможность обучаться на одном из трех отделений — историческом, филологическом или социально-экономическом. Действующие учебные планы базового высшего образования предусматривают обучение в течение четырех лет и получение диплома бакалавра по направлениям “Регионоведение”, “Востоковедение и Африканистика”, а также возможность последующей двухгодичной учебы в магистратуре. Студент может также избрать пятилетнюю программу обучения. На специальном факультете ИСАА востоковедную специальность по ускоренной программе могут получить лица, имеющие высшее образование.

Вне зависимости от специализации студенты в одинаковом объеме изучают один или два восточных языка и, как минимум, один из западноевропейских языков. В настоящее время осуществляется обучение более чем 40 языкам народов Азии и Африки. В институте преподаются также узбекский, татарский, таджикский, казахский, армянский, грузинский и адыгейский языки и ряд других языков, распространенных в России и бывших республиках Советского Союза. Набор языковых групп согласуется со спросом на специалистов, владеющих конкретными восточными языками. В то время, как группы по изучению арабского, китайского, японского и других пользующихся постоянным спросом языков формируются ежегодно, группы по редким восточным языкам создаются с определенным перерывом. В 2004 г. общее число студентов и аспирантов ИСАА составляло 754 человека.

В 2004/2005 учебном году прием в институт был значительно расширен. На первый курс поступило 226 человек, из них обучение 89 человек оплачивается из госбюджета. Из общего числа студентов, поступивших на первый курс,

35 человек — граждане иностранных государств, в основном стран СНГ, КНР, Южной Кореи, Японии, Тайваня. Численность иностранных студентов также существенным образом возросла. С 1999 по 2004 г. среди иностранных граждан дипломы магистра получили 35 человек, бакалавра — 26, и специалиста — 4.

Структура института соответствует тем задачам, которые он призван решать. В его состав входит 17 кафедр: истории стран Ближнего и Среднего Востока, истории стран Южной Азии, истории Китая, истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, африканистики, арабской филологии, иранской филологии, тюркской филологии, индийской филологии, китайской филологии, японской филологии, филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии, западноевропейских языков, международных экономических отношений, экономики и экономической географии; политологии Востока; кафедра истории и культуры Японии. Кафедры несут ответственность как за подготовку студентов, так и за научную деятельность преподавателей и студентов, а также за подготовку кандидатских и докторских диссертаций.

В состав института входят также лаборатории, которые призваны разрабатывать новые направления проводимых в нем исследований. Это — лаборатория экологии культуры Востока; лаборатория экспериментальной фонетики; лаборатория вычислительной техники; лаборатория технических средств обучения; лаборатория по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа, а также Общество по преподаванию японского языка в школе и Межвузовский факультет китайского языка. Кроме того, в институте существует Международный центр корееведения МГУ, Центр арабистики и исламоведения, Центр иудаики и еврейской цивилизации, Центр индологических и буддологических исследований, Центр по исследованию проблем религии стран Азии и Африки, Российско-Иранское общество, Вьетнамоведческий центр, Общество “Нусантара” (изучение Индонезии, Малайзии, Филиппин), Научный центр “История Африки”, Учебно-координационный центр “Кавказ и Центральная Азия”.

В конце 2004 г. Правительство Российской Федерации приняло решение сделать подарок МГУ, который готовился отметить свое 250-летие. Этим подарком стало государственное финансирование реконструкции Старого здания университета на Моховой. Ремонтные работы начались весной 2005 г. Свой юбилей Институт стран Азии и Африки встретит, когда первая очередь реконструкции этого исторического сооружения уже завершится. И тогда сотрудники и студенты Института въедут, по выражению ректора МГУ академика В.А. Садовниченко, не просто в отремонтированное здание, а в “настоящий дворец” на Моховой.

К 90-летию со дня рождения Ху Яобана

© 2006

В. Усов

20 ноября 2005 года исполнилось 90 лет со дня рождения Ху Яобана — выдающегося руководителя Китая, общественного и государственного деятеля, члена Постоянного комитета Политбюро, Генерального секретаря, Председателя ЦК КПК, видного представителя китайского и международного молодежного движения.

Ху Яобан родился 20 ноября 1915 г. в крестьянской семье в уезде Люян пров. Хунань. Родители дали ему имя Яобан, что означало "славная страна", подразумевая, что в будущем он будет жить в "славном Китае". Он был самым младшим в семье, где кроме него росли еще брат и три сестры. Восемью лет в 1923 г. мальчик поступил учиться в местную начальную школу. Весной 1926 г. он выдержал экзамен и поступил во вторую ступень городской начальной школы. Хотя по возрасту Ху Яобан был самым младшим в группе, учился он лучше всех. В 1929 г. мальчик поступил в начальную ступень городской средней школы, сдав лучше всех вступительный экзамен. Его сочинения часто зачитывали как лучшие в классе. Юноша любил выступать и декламировать, но у него бы дефект речи — он заикался. Однако настойчиво и упорно тренируясь он постепенно смог преодолеть заикание. Ху Яобан был в родственных отношениях с Ян Ином (1912-1983, член ЦК КПК 10-12 созывов, на XII съезде КПК избран секретарем ЦК КПК). Они вместе росли, учились в одной начальной школе, но в разных группах, оба поступили в среднюю школу и здесь учились в одной группе. Ян Ин был крепким юношей, который любил повздорить и подражать, а Ху Яобан — низкорослым (его рост как и у Дэн Сяопина был 165 см.) и щупленький. Ян Ин оказал заметное влияние на Ху Яобана, когда последний принял участие в революционном движении. Первый на два года раньше вступил в Социалистический союз молодежи Китая (ССМК) и на три года раньше в КПК.

Вначале 1930-х годов поток гражданской войны втянул Ху Яобана в ряды революционеров.

Летом 1930 г. войска под командованием Пэн Дэхуая и Тэн Дайюаня атаковали г. Чанша. Они конфисковали имущество пособников империалистов, местных мироедов и чиновников, которое распределили среди беднейших слоев населения. Казнили группу контрреволюционеров и освободили из тюрем несколько тысяч политических заключенных. Затем под натиском превосходящих сил противника войска Пэн Дэхуая отступили на территорию уезда Лю-

Усов Виктор Николаевич, заместитель руководителя Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН, доктор исторической наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Усов В. 2005 - 2 / Ху Яобан 136-145.

ян, где в то время в средней школе учился Ху Яобан. В этом районе революционеры создали опорную базу, куда, покинув отчий дом, и подался 15-летний юноша. В том же 1930-м году там он вступил в комсомол, а чуть позднее — в КПК. Ху Яобан стал возглавлять юношескую организацию, созданную на территории опорной базы. В январе 1933 г. он перебрался в Жуйцзин в — столицу китайского Советского района. В 1930-1933 гг. он активный организатор молодежного коммунистического движения в провинциях Хунань и Цзянси, редактор молодежных изданий. В 1933 г. Ху Яобан работал в качестве связного у Мао Цзэдуна, одновременно оставаясь редактором молодежных изданий.

В 1934-1936 гг. Ху Яобан участвовал в Северо-Западном (Великом) походе Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, был членом рабочей комиссии ЦК КПК, секретарем отдела по местной работе в политуправлении 3-го корпуса Красной армии, секретарем объединенной ячейки парторганизации 13-го полка. Во время Великого похода он тяжело заболел, однажды был тяжело ранен осколком снаряда в плечо. С 1936 г. Ху Яобан был назначен заведующим орготделом, отделом пропаганды, заведующим секретариатом ЦК комсомола. В 1937—1945 гг. он учился и работал в Военно-политической академии сопротивления японским захватчикам в Яньане. Политкомиссаром этой академии был Мао Цзэдун, начальником — Линь Бяо, заместителем начальника — Лю Бочэн, а заведующим учебной частью — Ло Жуйцин. В 1939 г. Ху Яобан был выдвинут на должность заместителя начальника орготдела Главного политуправления Военного совета ЦК КПК, где он проработал до 1945 г., когда Мао Цзэдун предложил его кандидатуру на пост начальника орготдела Главгура.

В 1943 г. в Яньани Ху Яобан женился на Ли Чжао (Хуан Мэйхуа, 1921 г. рождения). У Ли Чжао от Ху Яобана было четверо детей: три сына и дочь. Старший сын Дэпин родился в 1945 г.

Ли Чжао постоянно по 15 минут в день занималась китайской оздоровительной гимнастикой *тайцзицюань*. А ее муж любил ходить пешком, ежедневно делая по 10 тысяч шагов.

С 23 апреля по 11 июня 1945 г. Ху Яобан в качестве делегата участвовал в работе VII съезда КПК. С 1946 по 1949 г. он занимался политико-воспитательной работой в различных армейских частях на Северо-Востоке Китая.

После образования КНР его перебрасывают на работу в военно-административный комитет Юго-Западного Китая. Он — председатель правительства и секретарь комитета КПК административного района на севере провинции Сычуань. В эти годы Ху Яобан долгое время работал под непосредственным руководством Дэн Сяопина. Весной 1952 г. он был вызван в Пекин и после беседы с Лю Шаоци направлен на работу в ЦК комсомола. С 1952 по 1962 гг. он — секретарь ЦК китайского комсомола¹.

Выступая на VIII съезде КПК в 1956 г., Ху Яобан самокритично признавал, что у руководства комсомола еще имеется довольно много недостатков и ошибок в работе с юношами и девушками, что работа зачастую ведется довольно односторонне. Он критиковал некоторых руководящих работников за то, что они игнорируют индивидуальные интересы и личные наклонности молодежи, рассматривая это как "индивидуализм". Он выступал против чрезмерной регламентации жизни и деятельности молодежи. Ху Яобан считал излишним указывать молодым людям — когда играть в мяч, смотреть кинофильмы, петь песни, отдыхать и т.д. Он поддерживал желание китайской молодежи иметь свою молодежную литературу, иметь поменьше различных собраний, предоставить ей больше времени для повышения квалификации. В своем докладе Ху Яобан уделил внимание ликвидации неграмотности среди молодежи, используя принцип индивидуального подхода².

По его мнению, руководство не должно было выдвигать слишком завышенные требования к молодежи и устанавливать чересчур сжатые сроки выполнения поставленных задач. Обращает на себя внимание то, что эти слова были сказаны накануне т.н. "большого скачка".

На созванном с 15 по 25 мая 1957 г. III съезде Новодемократического союза молодежи (НДСМ), в отрядах которого насчитывалось тогда 23 млн человек, Ху Яобан в качестве секретаря ЦК китайского комсомола выступил с отчетным докладом, в котором подчеркнул, что одна из главных задач Союза молодежи — сплочение всей молодежи под руководством партии для активного участия в строительстве социализма, строительстве нового Китая. Съезд принял решение, что НДСМ выполнил свою миссию и необходимо дать ему другое название — Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК), которое точно отражает политические задачи союза, характер молодежного движения в КНР.

Под руководством Ху Яобана представители китайских молодежных организаций принимали активное участие в деятельности международных организаций молодежи.

Первой зарубежной группой слушателей в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ была группа китайских слушателей. За 1952-1957 гг. учебу в ЦКШ закончили 124 комсомольских работника Китая³.

В эти годы шли активные контакты китайской молодежи с молодежью других стран и в первую очередь, с советской молодежью. Постоянные связи осуществлялись путем обменов делегациями. Только с 1953 по 1957 гг. 1973 представителя молодежи КНР побывали в 28 странах мира, а в свою очередь, Китай посетили 2170 юношей и девушек из 83 государств. Многочисленной делегацией, которую возглавил Ху Яобан, китайская молодежь была представлена на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве летом 1957 г.

У Ху Яобана была такая привычка — все выступления и доклады он писал сам, не прося секретаря готовить ему черновые тезисы. Часто он выступал по 2-3 часа, иногда заранее подготовив себе черновой текст доклада, а иногда экспромтом. Ху Яобан много читал: от марксистской литературы — до китайской классической. Он хорошо знал конфуцианские каноны “Четверокнижие”, “Пятикнижие”, исторические книги “Всеобщее зеркало, правлению помогающее”, читал много зарубежной литературы, включая работы Э.Бернштейна, В.Ленина, М. Горького, Сукарно, М.Ганди, Д.Неру.

Касаясь вопроса — что читать кадровым комсомольским работникам, он как-то сказал: “Надо читать собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, надо читать “Четверокнижие” и “Пятикнижие”, надо прочитать известных писателей от древности до современности, надо прочитать 24 династийные истории... Объем этих книг равен 5 млн иероглифов, каждый человек в день может прочесть по 10 тыс. иероглифов, чтобы прочесть эти книги, нужно, по меньшей мере, 14 лет. Кадровый работник, которому сейчас за 20 лет, при определенном усердии примерно к 40 годам сможет стать ученым”⁴.

В 1954 г. Ху Яобан избирается членом ПК ВСНП, членом ВК НПКСК. На VIII съезде КПК в 1956 г. его избирают членом ЦК КПК. С 1957 г. Ху Яобан становится 1-м секретарем ЦК КСМК. С 1962 по 1964 г. он находился в провинции Хунань, проводя обследование, где за год посетил более 30 коммун. С декабря 1964 г. по поручению ЦК партии работал 3-й секретарем бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю и по совместительству 1-м секретарем комитета КПК провинции Шэньси (одновременно сохраняя должность 1-го секретаря ЦК КСМК). 25 июня 1965 г. последовало сообщение бюро ЦК КПК по Северо-западному Китаю о назначении его ЦК КПК вторым секретарем данного бюро⁵. В эти годы в Китае шла кампания “социалистического воспитания” или “четыре чисток”, в ходе которой многие подвергались необоснованным чисткам и репрессиям. Так, около 600-700 человек в провинции Шэньси в результате репрессий скончались, множество местных кадровых работников в результате “чжэнфэна” были в подавленном состоянии. Ху Яобан, зная это, написал в ЦК КПК доклад, где предлагал не использовать таких “сильных мер” во время “упорядочения”, предоставить кадрам “выход”. Он считал, что главное в кампании — поднять упавшее производство в сельском хозяйстве и промышленности. Ху Яобан настаивал на том, чтобы временно людей “не ар-

стовывать”, “не исключать из партии” и “не снимать с занимаемых постов”, “прекратить захват власти”. По всей провинции с его помощью были освобождены из-под стражи 43 арестованных кадровых работника, 478 кадровым работникам было облегчено наказание и они были возвращены на рабочие посты⁶.

В мае 1964 г. Ху Яобан вернулся в Пекин, так как нужно было заниматься подготовкой к IX съезду КСМК (решение об этом было принято еще на 8-м пленуме ЦК КСМК проходившем с 20.12.1962 г. по 11.01. 1963 г.⁷). С 5 по 8 июня под его руководством был проведен 9-й пленум ЦК КСМК 3-го созыва, на котором был подготовлен и принят проект “Рабочего доклада” съезду, проект измененного Устава КСМК и “Доклада об изменениях в Уставе КСМК”.

С 11 по 29 июня 1964 г. в Пекине прошел IX съезд КСМК, отсроченный в нарушение устава на три года, который во время его открытия посетили руководители страны Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и др. В нем участвовало 2396 делегатов от 22-миллионной армии комсомольцев страны. С отчетным докладом на съезде выступил Ху Яобан, с Докладом об изменениях в Уставе КСМК — секретарь ЦК КСМК Ху Кэши.

В отчетном докладе был весь набор лозунгов, выдвинутых к тому времени Мао Цзэдуном: выступать “против мирной эволюции и перерождения”, “бороться с идеологией современного ревизионизма” и т.д.

После открытой публикации документов съезда комсомола и их изучения зарубежные наблюдатели сразу же обнаружили очень интересную вещь: в новом Уставе КСМК в качестве руководящей идеологии всех комсомольцев страны утверждены “марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна”, в то время как руководящей идеологией КПК по действующему партийному Уставу еще оставался “марксизм-ленинизм” (идеи Мао Цзэдуна в партийный Устав были вписаны только весной 1969 г.). По измененному Уставу КСМК одной из основных обязанностей комсомольца было “усердное изучение работ Мао Цзэдуна”.

2 июля 1964 г. на 1-м пленуме ЦК КСМК 9-го созыва Ху Яобан был избран 1-м секретарем ЦК. Это был последний комсомольский съезд, который проходил под непосредственным руководством Ху Яобана.

На 3-м пленуме ЦК КСМК 9-го созыва, проходившем с 1 по 20 апреля 1966 г. с основным докладом “Непреренно превратим комсомол в школу по творческому изучению и применению идей Мао Цзэдуна” выступил секретарь ЦК Ху Кэши⁸.

После того, как летом 1966 г. была развязана “культурная революция”, ЦК КСМК по предложению ЦК партии сразу же организовал 16 рабочих групп, состоящих более чем из 60 работников аппарата ЦК, направив их в средние школы Пекина для осуществления контроля за движением. Затем по всей стране для этих же целей с помощью руководства КСМК было сформировано свыше 300 рабочих групп, в составе которых находилось более 1800 комсомольских кадровых работников⁹.

Казалось бы, Мао Цзэдун и его ближайшее окружение, развертывая “культурную революцию”, опираются на заблаговременно подготовленный к этому Союз молодежи Китая, изменивший свой Устав, активно участвовавший в “ниспровержении” старой системы просвещения, в пропаганде идей Мао Цзэдуна, в отправке в низы по призыву сверху “рабочих групп” для руководства движением. Однако вскоре после XI пленума ЦК КПК китайский комсомол практически сошел с политической арены. Ликвидация комсомольских организаций проходила под прикрытием заявлений о том, что они стали слишком пестрыми по социальному составу, стали носить в какой-то мере характер общенародной организации (именно так заявил Кан Шэн 6 августа 1966 г., выступая перед хунвэйбинами), а это якобы расходится с теорией Мао Цзэдуна об обострении классово-борьбы.

15 августа 1966 н. в результате поведенной церемонии по “реорганизации” ЦК КСМК его секретари Ху Яобан, Ху Кэши, Ван Вэй были полностью отстранены от руководства¹⁰.

На эту "церемонию", в которой участвовало, как вспоминает дочь Ху Яобана, более 1000 человек, помимо сотрудников аппарата ЦК КСМК, пригласили хунвэйбинов, ее трансляция шла по всей округе с помощью громкоговорителей, вывешенных на деревьях и ближайших к месту, где проходила "церемония", зданиях. Руководству китайского комсомола были предъявлены обвинения в том, что оно "невысоко поднимало знамя идей Мао Цзэдуна", "нарушало указания Мао", имело много серьезных ошибок в своей работе в прошлом, "провоцировало учащихся бороться против учащихся", "упорно стояло на буржуазной позиции", "на словах поддерживало линию масс, а на деле бешено выступало против линии масс", "подавляло хунвэйбиновское движение в средних школах"¹³.

16 августа 1966 г. вышел последний номер журнала ЦК КСМК "Чжунго циннянь", а вслед за ним — последний номер комсомольской газеты "Чжунго циннянь бао"¹⁴.

Итак, уже с началом "культурной революции" Ху Яобан подвергся жесткой критике и преследованиям, хунвэйбины не раз (иногда по 20-30 раз за день) вытаскивали его на свои судилища, он был объектом нападков во время "митингов борьбы и критики", был снят со всех постов.

Долгое время Ху Яобан, лишенный свободы, находился под домашним арестом под присмотром "революционных масс". Ему запрещались общение с кем-либо, выход за пределы дома, свидания с родственниками, на посещение туалета также необходимо было получить разрешение¹⁵.

Подверглась репрессиям и его семья, вытаскивали на хунвэйбиновские "судилища" его жену, детей, родственников.

По указаниям Кан Шэна была сформирована "спецгруппа" по расследованию деяний Ху Яобана, которая потребовала от последнего написать подробный самоанализ своей "контрреволюционной" деятельности¹⁶.

С мая 1969 г. по 1972 г., более двух лет он "перевоспитывался" физическим трудом в Хэнани в школе кадровых работников, где находилось более 2 тыс. сотрудников аппарата КСМК. В апреле 1974 г. ему вновь было предъявлено надуманное обвинение в "выступлении против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна". Летом — осенью 1974 г. была "освобождена" большая группа военачальников, пострадавших в 1966-1969 гг. Чжоу Эньлай (который в результате тяжелой болезни — рака 1 июня 1974 г. лег в больницу) предложил Мао Цзэдуну реабилитировать Дэн Сяопина. 4 октября 1974 г. Мао Цзэдун, утверждая подготовленный список кандидатов в состав ВСНП и Госсовета на 1-ю сессию ВСНП 4-го созыва (13-18 января 1975 г.), дал согласие сделать Дэн Сяопина первым заместителем премьера Госсовета, а затем согласился сделать его заместителем председателя ЦК партии, заместителем председателя Военного Совета, и начальником Генерального штаба НОАК, пост которого оставался вакантным с 1971 г. Таким образом, с января 1975 г. Дэн Сяопин смог, наконец, приступить к работе.

Вскоре после этого в мае 1975 г. был реабилитирован и Ху Яобан. Дэн Сяопин и его сторонники уделяли большое внимание развитию науки и техники, народного образования, культуры и искусства, понесших в 1966-1974 гг. весьма ощутимый урон. В августе 1975 г. Ху Яобан был направлен в Академию наук для обследования положения дел и подготовки предложений для ЦК КПК и Госсовета КНР об улучшении и активизации работы Академии. Он стал заместителем председателя партийной группы руководства АН Китая, обследовал более 30 научно-исследовательских и технических институтов и уже 11 августа устно подготовил тезисы доклада "Относительно некоторых проблем научно-технической работы". 26 сентября Дэн Сяопин заслушал доклад Ху Яобана. К октябрю 1975 г. были подготовлены "Сводные тезисы отчета Академии наук", в работе над которыми принимал участие также советник Дэн Сяопина Ху Цяому. В обсуждении тезисов принимали участие Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Хуа Гофэн. В документе, помимо научно-технических проблем поднимался вопрос об отказе от наиболее одиозной практики "культурной революции", о

преодолении ее пагубных последствий и о реабилитации ее жертв. Затем проект "Сводных тезисов" был направлен Мао Цзэдуна.

Подобные предложения, нацеленные на пересмотр ряда прежних установок, обеспокоили Мао Цзэдуна и "Группу по делам культурной революции" во главе с Кан Шэном, Цзян Цин и другими их сподвижниками. Именно в качестве противодействия линии на преодоление левацких ошибок и была начата новая политическая кампания борьбы с "капитулянтством", привязанная к критике популярного средневекового романа "Речные заводы".

Предлогом для наступления на Дэн Сяопина и его сторонников послужил конфликт в пекинском университете Цинхуа (август — сентябрь 1975 г.), связанный с критикой там секретаря парткома Чи Цюня и его заместителя Лю Бин, а также секретаря столичного горкома КСМК Се Цзинъи (дочь Се Фучжи), приближенных Цзян Цин. 3 ноября на расширенном заседании парткома университета была зачитана резолюция Мао Цзэдуна с резкой критикой оппонентов.

В это же время с сентября по начало ноября 1975 г. племянник Мао Цзэдуна, 1-й секретарь Ляонинского парткома, заместитель командующего Шэньянским военным округом Мао Юаньсинь, неоднократно необъективно информировавший своего дядю об обстановке на местах, докладывал ему о деятельности Дэн Сяопина. Он привлекал внимание Мао Цзэдуна к тому, что Дэн Сяопин "крайне мало говорит о достижениях культурной революции и мало критикует ревизионизм Лю Шаоци". Мао Юаньсинь также отмечал, что в выдвинутом Дэн Сяопином тезисе "три указания — решающее звено" по существу "осталось лишь одно указание — развивать производство".

Такие высказывания племянника были одобрительно встречены Мао Цзэдуном, который заявил, что у людей типа Дэн Сяопина "взгляды остановились на этапе буржуазно-демократической революции, они не уяснили социалистической революции, ... вплоть до того, что некоторые выступают против нее. В отношении великой культурной революции имеются две позиции: одну ею недовольны, другие хотят свести с ней счеты". Эти высказывания были положены в основу новой политической кампании, направленной на "критику Дэн Сяопина и отпор так называемому "правоуклонистскому поветрию пересмотра правильных выводов культурной революции". По всей стране начали критиковать и выработанный Дэн Сяопином и Ху Яобаном документ — "Сводные тезисы", называя его "большой ядовитой травой". Ху Яобан был подвергнут резкой критике в Академии наук со стороны левацких элементов.

Летом 1976 г. больного Ху Яобана "бунтари" хотели вытащить из больницы на "суд масс". Однако врачи не дали этого сделать, сказав, что они тогда не ручаются за его жизнь.

9 сентября 1976 г. скончался Мао Цзэдун. Через месяц была арестована "банда четырех".

На XI съезде КПК (1977 г.) Ху Яобан вновь был избран членом ЦК КПК. 3 марта 1977 г. Политбюро ЦК КПК решило направить его в Центральную партийную школу при ЦК КПК в качестве проректора (ректором ее был Хуа Гофэн, его первым заместителем — Ван Дунсин). Ху Яобан активно включился в реорганизацию учебного процесса и повышение его качества; отобрал произведения классиков марксизма-ленинизма для передачи в Бюро переводов ЦК КПК для проверки и издания их полного собрания для слушателей школы. Он лично занялся пересмотром ошибочных и фальсифицированных дел в партшколе, сфабрикованных в свое время Чэнь Бода и Кан Шэном. Вскоре уже более 90 честных работников были реабилитированы.

19 декабря 1977 г. Ху Яобан официально стал заведующим Орготделом ЦК КПК, после чего заметно активизировался процесс политической реабилитации жертв "культурной революции". С декабря 1977 г. Орготдел ЦК и различные партийные организации мобилизовали сотни тысяч кадровых работников для обследования и изучения положения дел на местах, для выявления ошибочных и сфабрикованных дел до и в годы "культурной революции" и пос-

ледующей реабилитации невинно осужденных. Всего же, по его оценкам, репрессиям подверглись 8-10 млн человек. По словам Ху Яобана, "процесс массовой реабилитации", начатый вслед за разгромом, "четверки" затрагивал 100 млн китайцев, т.е. одну десятую часть населения страны.

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (18-22 декабря 1978 г.) было принято решение распустить третий отдел канцелярии ЦК КПК, занимавшейся рассмотрением особых дел высших лидеров партии, освободить Ван Дунсина от руководства канцелярией ЦК, а функции третьего отдела передать в руки Орготдела ЦК КПК, возглавляемого Ху Яобаном.

К началу 1980-х годов было реабилитировано более 3 млн человек. Дэн Сяопин на совещании кадровых работников 16 января 1980 г., подводя итоги реабилитации в КНР, заявил: "За эти три года, особенно за последний год, по всей стране, в центре и на местах, был пересмотрен ряд дел, сфабрикованных на основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений. По неполным данным, реабилитировано в общей сложности 2,9 млн человек. Эта цифра будет гораздо больше, если добавить сюда тех, кого реабилитировали, но на которых не было составлено дело"¹⁷. Тем самым Дэн Сяопин отметил большую работу, проделанную Орготделом ЦК КПК под руководством Ху Яобана.

Именно за эту смелую и самоотверженную работу по восстановлению справедливости и доброго имени миллионов честных людей, а также десятков миллионов китайских семей, члены которых подвергались неза заслуженным гонениям, в Китае люди до сего дня благодарны Ху Яобану.

Он стимулировал теоретические исследования в Центральной партийной школе, официально открытой 9 октября 1977 г.¹⁸ С 15 июля 1977 г. тиражом 300 экземпляров начал выходить журнал "Лилунь дунтай". Вскоре его тираж уже достигал нескольких тысяч экземпляров. 10 мая 1978 г. в этом журнале была опубликована статья слушателя школы, заказанная и несколько раз отредактированная Ху Яобаном¹⁹ (последний раз он посмотрел ее и устроил обсуждение у себя дома 6 мая 1978 г.). Она называлась "Практика — единственный критерий истины". 11 мая ее полностью перепечатала "Гуанмин жибао" за подписью специального комментатора газеты²⁰, что положило начало широкой идеологической дискуссии Дэн Сяопина и его сторонников с выдвигавшими "культурной революции", развернувшейся по всей стране и приведшей к более четкой поляризации сил в КНР.

На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (1978) Ху Яобан избран членом ПК ВСНП. На 3-м пленуме 11-го созыва (1978 г.) избран членом Политбюро ЦК КПК, 3-м секретарем Центральной Комиссии по проверке дисциплины, заведующим Секретариатом ЦК КПК.

С 25 декабря 1978 г. Ху Яобан — заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК. На 5-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1980 г.) избран членом ПК Политбюро ЦК КПК, Генеральным секретарем ЦК КПК; на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1981) избран Председателем ЦК КПК.

В июле 1979 г. на Всекитайском совещании по проверке дисциплины в КПК Ху Яобан, обращая внимание на плохой стиль работы части кадровых работников, отмечал: "Руководящие кадровые работники мало заботятся о строительстве и модернизации страны, а стараются как можно больше модернизировать жизнь в своей собственной семье. В КПК процветают бюрократизм, стремление к привилегиям, фракционность".

Находясь на высшем посту в партии, Ху Яобан с начала 1980-х годов уделял особое внимание проблемам сельского хозяйства, стараясь повысить его эффективность. Начиная с 1981 г. на протяжении пяти лет, он ежегодно в ноябре собирал совещания ЦК КПК по работе в деревне, с приглашением к участию в них кадровых работников провинциального, районного и уездного уровней, а также специалистов по сельскому хозяйству, где изучалось положение в сельском хозяйстве за минувший год. Итоговый документ этих совещаний утверждался Политбюро ЦК КПК. В результате предпринятых мер в

1982 г. чистый среднедушевой доход крестьян по всей стране достиг 270 юаней, что в 2 раза превысило показатели 1978 г. Сбережения городского и сельского населения достигли 67,5 млрд юаней, в 3,2 раза превысив показатели 1978 г.²¹

На XII съезде КПК (1982 г.) Ху Яобан вновь избирается членом ЦК КПК, а на 1-м пленуме — членом Постоянного Комитета Политбюро и Генеральным секретарем ЦК КПК.

Выступая на XII съезде, он вновь самокритично подчеркнул, что “еще коренным образом не улучшился стиль работы партии”, в КПК наблюдается “расхлябанность и мягкотелость”, “анархизм” и “архиэгоизм”, некоторые партийные организации “находятся в парализованном состоянии”. Он признавал, что часть кадровых работников “страдает бюрократизмом, пользуется привилегиями в быту, использует свое служебное положение в корыстных целях”, а некоторые “скатываются к казнокрадству и коррупции, совершают тяжкие хозяйственные преступления”.

Ху Яобан на собственном опыте испытал, что такое культ личности. Еще в декабре 1980 г. говоря о культе личности, он особо подчеркивал тот вред, который наносится этим злом. “Нет вреда более крупного, чем этот”, — говорил он²². В отчетном докладе XII съезду КПК, с которым выступил Ху Яобан, было признано, что с конца 1950-х годов все более заметно стал проявляться культ личности, политическая жизнь в партии и государстве, особенно в ЦК партии, становилась ненормальной, что в конечном счете привело к десятилетней смуте. В докладе говорилось, что к XII съезду китайские коммунисты “решительно разбили многолетние тяжкие оковы догматизма и культа личности в области идеологии”. В Уставе КПК было записано, что “партия запрещает культ личности в любой форме” (глава II, статья 10)²³.

В ранге Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобан посетил более 1600 уездов (более 70%) Китая. Как сообщила “Жэньминь жибао” 9 сентября 1985 г., Ху Яобан с января 1979 по июль 1985 г. с целью обследования положения на местах и знакомства с жизнью простых людей прочел более 2 тыс. писем трудящихся, в среднем читая по одному письму в день, причем на многие письма он отвечал сам. Он призывал каждого руководящего кадрового работника для лучшей ориентации в положении дел на местах ежедневно читать письма трудящихся.

Ху Яобан с большим уважением относился к старейшему китайскому писателю Ба Цзиню, который скончался недавно в возрасте 102 лет. После разгрома “четверки” известный всему миру писатель написал серию литературно-публицистических эссе — “Думы” (“Суйсянлу”) объемом 420 тыс. иероглифов, вышедших в пяти томах. Ба Цзинь в предисловии отмечал, что он “только зафиксировал свои впечатления, полученные в разное время в разных местах, ... в них вы не найдете равнодушия, не найдете надуманных чувств, они не безобидны, в них не повторяются огульно чужие слова”. Ху Яобану были очень близки слова писателя о том, что не следует забывать всех прошлых ран и горя, причиненных китайскому народу в период “культурной революции”. “Мы все несем ответственность за то, чтобы наши потомки навсегда запомнили трагические уроки этого десятилетия, — говорил Ба Цзинь, — ... нельзя допустить повторения истории”. В октябре 1981 г. Ху Яобан специально пригласил Ба Цзиня в резиденцию Чжуннаньхай, где долго и дружески беседовал с знаменитым старейшим писателем. А в ноябре 1986 г. он поручил ответственному работнику Шанхайского горкома КПК навестить писателя дома и поинтересоваться, какая помощь ему нужна.

В 1983-1987 гг. Ху Яобан был председателем Центральной комиссии КПК по руководству очередным упорядочением партии.

В конце ноября — декабре 1986 г. в ряде крупных и средних городов КНР произошли студенческие выступления и манифестации. Волнения начались в вузах Хэфэя и Уханя, затем перекинулись на Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и другие города. Часть молодежи была недовольна деятельностью некоторых в партийном руководстве и их методами работы, высказывая им недове-

рие, другая считала, что политические реформы проводятся не так, как следовало. Тысячи студентов выходили на демонстрации под лозунгами "Хотим свободы!", "Хотим демократии!". Часть руководства КПК выступила за запрещение подобных демонстраций, тогда как Ху Яобан ратовал не за запрещение студенческого движения, а за усиление его направленности.

В китайском руководстве и партии развернулась дискуссия о дальнейшем проведении политики реформ.

Ху Яобан почувствовал необходимость выдвижения на руководящие посты в партии более молодых, энергичных и профессиональных политиков. Чувствуя нежелание некоторых в высшем руководстве прислушиваться к его мнению, он написал письмо Дэн Сяопину с просьбой о своей отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПК.

16 января 1987 г. состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на котором Ху Яобан самокритично проанализировал свою работу. Советание, с одной стороны, подвергло его резкой критике, с другой — отметило его действительные заслуги в работе. (Ему, к примеру, вменялось в вину, что когда в Китае развернулась борьба против "духовного загрязнения" (известна также как борьба против буржуазной либерализации), то она была приостановлена Ху Яобаном, который занял пассивную позицию²⁴).

Как было зафиксировано в коммюнике пленума: "Товарищ Ху Яобан на пленуме выступил с самокритикой, признав ошибки, допущенные им во время пребывания на посту Генерального секретаря при решении важнейших политических проблем принципиального характера и выразившихся в нарушении принципа коллективного руководства". Участники заседания приняли решение удовлетворить просьбу Ху Яобана об освобождении его от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПК, сохранив за ним посты члена Политбюро и члена ПК Политбюро ЦК КПК²⁵.

После этого Ху Яобан длительный период жил уединенно, не появлялся в общественных местах.

Ху Яобан писал стихи. В 1988 г. некоторые из них он послал бывшему личному секретарю Мао Цзэдуна, автору книги о ранней деятельности Мао Цзэдуна Ли Жую. Как говорил позднее Ли Жуй в стихах Ху Яобана видна не только одаренность автора, но и явно проявился дух самокритики.

На XIII съезде КПК (1987 г.) Ху Яобан был избран членом ЦК КПК. На 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва — членом Политбюро ЦК КПК. После съезда он решил немного отдохнуть и совершил поездку по стране, посетив Шаньдун, Гуанси, а в декабре 1988 г. — родные места в Хунани. Там в одной из бесед Ху Яобан говоря о будущем Китая, подчеркнул, что в основе его должны лежать четыре иероглифа: "Демократия и наука". Одной из последних книг, прочитанных им была "Биография Чжоу Эньлая".

Несмотря на то, что Ху Яобан отошел от активной политической деятельности в последние два года, он получал много писем от кадровых работников и простых людей. В них они интересовались его жизнью, многие приходили поинтересоваться его делами даже к нему домой. "Я и не думал, что так много людей еще помнят меня", — говорил Ху Яобан своим родным.

В начале 1989 г. в китайском обществе распространялись ложные слухи, что Ху Яобан нашел приют в СССР.

8 апреля 1989 г. Ху Яобан приехал в Чжуннаньхай для участия в заседании Политбюро, во время которого ему стало плохо. Он был отправлен в больницу. Через семь дней, 15 апреля 1989 г. в 7 час. 53 минуты на 73-м году жизни Ху Яобан скончался.

20 ноября 2005 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Ху Яобана. Имя и память о нем хранятся в сердцах миллионов китайцев. После долгого забвения его имя, наконец, было реабилитировано.

18 ноября 2005 г. в Пекине в Доме Всекитайского собрания народных представителей прошло торжественное заседание, посвященное 90-летию Ху

Яобана. На нем присутствовал премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. С докладом выступил заместитель председателя КНР Цзэн Цинхун. Докладчик подчеркнул, что Ху Яобан был великим пролетарским революционером и политиком, замечательным руководителем страны, у которого необходимо учиться благородным нравственным качествам. "Он совершил бессмертный подвиг во имя освобождения и счастья китайского народа, — отметил Цзэн Цинхун, — ради процветания дела социализма, проведения политики реформ и расширения внешних связей, ради содействия социалистической модернизации".

В КНР в последнее время издаются книги и статьи о Ху Яобане, публикуется его подробная биография (в ноябре 2005 г. издан первый том (1915-1976 гг.), хроника его жизни, воспоминания о нем. Это говорит о том, что Ху Яобан не забыт и дело его живет.

1. Подробнее см.: Очерки истории Коммунистического союза молодежи Китая. М., 1961.
2. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Том 2. Выступления. Пекин, 1956. С. 329-339 (на рус. яз.).
3. Елисеев Г., Крушинский А., Милютенко В. Кричащие батальоны. Так называемая "великая пролетарская культурная революция" Китая вблизи. М., 1967. С. 111.
4. Ху Яобан чжуань (Биография Ху Яобана) / под редакцией Тянь Голяна и Сунь Дасюня. Пекин, 1989. С. 41.
5. Ху Яобан чжуань (Биография Ху Яобана) / под редакцией Чжан Лицюня и др. Том I (1915-1976). Пекин, 2005. С. 358.
6. Тан Фэй. Ху Яобан чжу Шань цзю "цзо" (Ху Яобан руководил в провинции Шэньси исправлением "левых" ошибок) // Бай нянь чао. 2005. № 10. С. 9.
7. Гунцинтаунь гунцзо цыдянь (Словарь по работе с комсомолом). Цзинань, 1985. С. 148
8. В 1957 г. было принято решение съезды комсомола считать от 1 съезда в 1922 г., а не с основания КНР, как считали до 1957 г., таким образом, этот съезд уже назывался как IX съезд КСМК.
9. Чжунго циннянь. 1964. № 14. С. 20.
10. Гунцинтаунь гунцзо цыдянь. С. 150.
11. Ху Яобан чжуань. Пекин, 2005. С. 393.
12. Там же. С. 398.
13. Мань Мэй. Сынянь ижан узинь: хуйи фуцинь Ху Яобан (По-прежнему вспоминаю беспрерывно своего отца Ху Яобана). Пекин, 2005. С. 157.
14. Усов В.Н. Историческая судьба китайского комсомола (к 60-летию КСМК) // Проблемы Дальнего Востока 1982. № 2. С. 130.
15. Ху Яобан чжуань. С. 404.
16. Там же. С. 402.
17. Дэн Сяопин. Избранное (1975-1982). Пекин. 1985. С. 265 (на рус.яз.)
18. Шэнь Баосян. Ху Яобан фадун хэ цзучжи чжэньли бяочжунь вэньти таолунь цзиши (Воспоминания о том, как Ху Яобан стимулировал и организовал дискуссию по вопросу "практика критерий истины"). // Байняньчао. 2005. № 4. С. 11.
19. Там же. С. 18.
20. Гуанмин жибао от 11 мая 1978 г.
21. Краткая история КПК (1921-1991). Главный редактор Ху Шэн. Пекин, 1993. С. 939 (на рус.яз.).
22. Линь Юньхуй "Луньдан" ю Лю Шаоци дэ ваньянь бэйцуйю (Трагедия Лю Шаоци на закате жизни и его работа "О партии") // Яньхуан чуньцю. 2005. № 12. С. 55.
23. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982. С. 10, 74, 115 (на рус.яз.)
24. Краткая история КПК (1921-1991). С. 963.
25. Там же. С. 966

Православие на Дальнем Востоке Историографический обзор

© 2006

А. Ипатова

В конце 2004 г. вышел в свет 4-й сборник статей, подготовленных по материалам очередной научной конференции "Православие на Дальнем Востоке", которые, начиная с 1991 г., с периодичностью один раз в три года проводят восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия.¹

Объединяет все изданные сборники и неизменный весьма авторитетный состав редакционной коллегии: ответственный редактор и автор предисловия — академик РАН, профессор восточного факультета СПб ГУ (с 1960 по 1995 г. — декан востфака), М.Н. Боголюбов; составитель и соавтор предисловия к 4-му выпуску, доцент этого факультета, кандидат исторических наук Н.А. Самойлов и член редколлегии, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, архимандрит Августин (Никитин).

Столь длительное и тесное сотрудничество восточного факультета с Санкт-Петербургской Духовной Академией авторы предисловия к 4-му выпуску объясняют тем, что в последние годы на востфаке СПб ГУ активно разрабатывается новое для него направление — "Роль Русской Православной Церкви в установлении связей России со странами Азии и Африки".

Свою связь с народами Востока Русская Православная Церковь осуществляла прежде всего и главным образом через пять зарубежных духовных миссий, три из которых были основаны и активно действовали в дальневосточном регионе. Это: Российская Духовная Миссия в Китае, Российская Духовная Миссия в Японии и Российская Духовная Миссия в Корее. Кроме того с конца XVIII в. русские православные проповедники вели миссионерскую деятельность на территории Русской Америки, а в 1840 г. была образована Камчатская, Курильская и Алеутская епархия.²

Авторы сборников не ограничиваются изучением истории только этих православных учреждений, а расширяют с каждым выпуском все больше и больше территорию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, включая земли Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока, а также Монголию, Вьетнам, Гавайские острова и даже Австралию.

Три научных конференции (соответственно и сборники статей) были посвящены конкретным юбилейным датам. Первая (1991) — 275-летию учреждения в Китае Российской Духовной Миссии (РДМ), вторая (1994) — памяти святителя Николая (Касаткина), апостола Японии, основателя и многолетнего главы Российской Духовной Миссии в Японии; третья (1997) приурочена к 200-летию со дня рождения святителя Иннокентия (Вениаминова), просветителя

Ипатова Аида Семеновна, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Центра "Россия-Китай", ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

народов Алеутских островов, Аляски, Камчатки, Якутии и Приморья, апостола Сибири и Америки, а затем митрополита Московского и Коломенского.

Всего по материалам пяти конференций в четырех выпусках (в 3-й выпуск вошли доклады 3-й и 4-й конференций) опубликованы 72 статьи, общим объемом свыше 900 стр. Различные по тематике, временным и географическим параметрам уже на данном этапе исследования они воссоздают объективную историческую панораму распространения православия на Дальнем Востоке и роли Русской Православной Церкви в установлении Россией связей с народами и странами этого обширного региона земного шара, принадлежащими к разным цивилизационным мирам и стоявшими на разных ступенях общественного и культурного развития.

Как известно, христианство проникло в Китай еще в VII в. Начиная с XVI в. западные миссионеры развернули активную деятельность в Поднебесной, не ограничиваясь при этом одним приобщением конфуцианского Китая к евангельскому вероучению. Используя научно-технические знания западного мира, которыми они сами владели, миссионеры становились лицами приближенными к императорскому двору. Занимая должности астрономов, математиков, врачей, переводчиков и пр., они с разной степенью успешности влияли на политику правителей Китая, в том числе и внешнюю, особенно на отношение Среднего государства к соседней России.

В отличие от западной ветви христианства православие пришло на китайскую землю значительно позже, лишь в конце XVII в. и имело весьма ограниченную сферу деятельности — духовное окормление небольшой русской общины, оказавшейся в Пекине в результате военных действий в Приамурье. В 1685 г. после очередной осады расположенного на берегу Амура Албазинского острога многотысячным цинским войском защитники крепости, не получив подкрепления из Нерчинска, были вынуждены принять условие осаждавших — покинуть Албазин. Часть из них цинские военачальники увели в Пекин как доказательство своей победы. Император Сюань Е (девиз годов правления Канси) принял их благосклонно, причислив к императорской гвардии, и реформировал из них "русскую роту", определяя им довольствие и поселил в северо-восточном углу внешней городской стены.

Плененные албазинцы привели с собой в Пекин и священника о.Максима Леонтьева. Покидая Албазин, они захватили с собой небогатую церковную утварь и чудотворную икону Николая Чудотворца Мирликийского. Расположенную близ домов аблазинцев буддийскую кумирню переделали в православную часовню во имя святителя Николая Чудотворца, и о.Максим совершал там церковные службы. Разделив судьбу пленников, о.Максим стал первым проповедником православия в Китае.

Петр I очень серьезно воспринял известие о существовании в китайской столице русской православной общины и посчитал необходимым в интересах Российского государства и развития российско-китайских отношений иметь в Пекине Российскую Духовную Миссию, усмотрев в этом реальную возможность установления более тесных и регулярных контактов с Цинским Китаем. Однако только после кончины о.Максима, последовавшей в 1711 г. (или 1712г.), цинский император Сюань Е дал согласие на присылку в Китай РДМ, которая прибыла в Пекин в 1715 г. (или начале 1716 г.). К сожалению, об этом периоде деятельности русских миссионеров в Китае сохранились крайне скудные сведения. В рассматриваемых выпусках лишь статья Н.Ю. Новгородской "Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII—XVIII вв.)" посвящена раннему периоду истории РДМ (вып. 1, с. 9—16). Автор опровергает распространенное в историографии мнение о пассивности РДМ в Китае в XVIII в. и аргументированно, опираясь на документальные источники, показывает, сколь весома была ее

роль в развитии русско-китайских отношений в эти не простые для нее и для российской политики на Дальнем Востоке времена.

Примерно одна треть статей всех выпусков посвящена последующей деятельности РДМ в Китае.

Пекинская Миссия, самая ранняя из всех зарубежных миссий Русской Православной Церкви, была основана во времена, когда Цинский Китай проводил изоляционистскую внешнюю политику "закрытых дверей". На протяжении первых 150 лет (до 1864 г.) Миссия фактически служила неофициальным дипломатическим представительством России в Китае и имела двойное подчинение — Святейшему Синоду и Коллегии иностранных дел (с начала XIX в. — Министерству иностранных дел России). Ни одно другое государство не имело, вплоть до 60-х гг. XIX в. своих дипломатических представителей в Цинском Китае. Все эти годы РДМ была связующим звеном между Россией, в более широком смысле — между Западом и Китаем, источником достоверной информации и научных знаний о России в Китае и о Китае, его науке, истории и культуре в России, а через нее и на Западе.

С середины XVIII в. Пекинская Миссия занималась изучением Китая по программам, разработанным в Российской Академии наук. Долгое время она оставалась единственным центром отечественного китаеведения. К середине XIX в. фундаментальные труды ученых, прошедших школу Пекинской Миссии, вывели российское китаеведение на уровень мировой науки. Миссия вела в Китае и просветительскую работу, насколько это было возможно в условиях закрытого общества, каким был тогда Цинский Китай.

Члены Пекинской Миссии преподавали русский язык в созданной в Пекине в начале XVIII в. Школе русского языка при Императорской канцелярии (Нэйгэ). По рекомендации и при непосредственном участии РДМ происходил обмен книгами и произведениями искусства на уровне царствовавших особ и правительств. Активное участие в научной деятельности и культурном обмене, в изучении китайской культуры — духовной и материальной — достижений китайской науки, принимали и находившиеся в составе Миссии светские ее члены — ученики, позднее студенты, художники, врачи, прикомандированные к Миссии ученые, а также приставы, назначавшиеся для препровождения в Китай очередной миссии и сопровождения возвращавшейся в Россию прежней. Многие члены РДМ были удостоены правительственных наград, высоких ученых званий, некоторые из них стали всемирно известными учеными.

После учреждения в Пекине иностранных дипломатических представительств и открытия в 1864 г. Российской дипломатической миссии Пекинская Духовная Миссия сосредоточилась на миссионерском и научном направлениях. Значение ее многогранной деятельности не ограничивалось только пределами Китая.

Несмотря на неоспоримые заслуги РДМ, ее богатый исторический опыт до сих пор еще недостаточно изучен, особенно в сравнении с деятельностью западных миссионеров в этой части земного шара³. Дореволюционные авторы (Н. Адоратский, Н.И. Веселовский, Н.Н. Бантыш-Каменский, А. Можаровский и др.) заложили основы для будущего более детального и углубленного изучения истории этого уникального российского учреждения за рубежом.

В последующие десятилетия, главным образом с 50-х годов XX в., отечественные исследователи обращались к изучению лишь научной деятельности РДМ, ее вкладу в отечественное и мировое китаеведение. Наиболее полное отражение эта сторона деятельности Пекинской Миссии получила в двух фундаментальных трудах китаеведа П.Е. Скачкова — "Библиография Китая" (М.-Л., 1932; М., 1960), где представлены все опубликованные работы членов Пекинской Миссии, а также "Очерки истории русского китаеведения" (М., 1977), где подробно описан "миссийский" период отечественного китаеведения и в качестве приложения дан максимально полный перечень рукописного наследия китаеведов, большинство из которых имело прямое отношение к Пекин-

ской Миссии. Эти энциклопедические издания уже давно стали библиографической редкостью, не утратив и по сей день научной ценности. Аналогов им в мировом китаеведении до сих пор нет.

Все остальные направления разносторонней деятельности РДМ, будь то дипломатическое, миссионерское, просветительское, равно как и история самой Миссии, на протяжении многих десятилетий не исследовались. Лишь в 90-х гг. прошлого века появились работы по истории РДМ. Пальма первенства в этом благородном деле бесспорно принадлежит участникам первой конференции "Православие на Дальнем Востоке" (1991 г.), которая, как сказано в предисловии к 4-му выпуску, "стала подлинным прорывом в данном направлении научных исследований" (вып. 4, с. 4).

Действительно, именно та конференция, особенно после публикации докладов в 1993 г., пробудила у многих исследователей интерес к изучению деятельности Русской Православной Церкви в странах Дальнего Востока и прежде всего Российской Духовной Миссии в Китае, которая благодаря своей, поддержанной правительством подвижнической деятельности, представляла там не только православие, но и свое государство, свой народ, его культуру.⁴

Выпуски этой серии содержат статьи по самому широкому спектру тем, от крупно-проблемных до конкретно-исторических, источниковедческо-историографических и биографических. К первой группе следует отнести прежде всего предисловия ко всем 4-м выпускам, статью академика В.С. Мясникова "Заметки о христианстве в Китае" (вып. 4), уже упоминавшуюся выше статью Н.Ю. Новгородской "Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII—XVIII в.)" (вып. 1), Н.А. Самойлова "Пекинская Духовная Миссия в диалоге культур России и Китая" (вып. 4), О.В. Шаталова "Современный уровень состояния, проблемы и перспективы развития отечественной миссиологии" (вып. 4), Н.В. Григорьевой "К вопросу о восприятии христианства в странах Дальневосточного ареала: христианство и традиционный религиозный синкретизм во Вьетнаме" (вып. 1), А.М. Боголюбова "Традиционные верования японцев в период становления Православной Духовной Миссии" (вып. 2).

В статье В.С. Мясникова рассматривается одна из составляющих системы взаимодействия Восток—Запад: привнесение религии Запада, христианства, в мир восточной цивилизации с ее традиционной конфуцианской культурой. Попытки христианизации китайского народа по сути дела были "малыми и большими шагами на пути взаимопонимания между уникальной китайской цивилизацией и универсальной европейской" (вып. 4, с. 9). Автор подчеркивает, что по своему содержанию проблема культурной адаптации христианского вероучения в Китае "многопланова и выходит за рамки чисто миссионерской деятельности" (там же). В отличие от западных миссионерских организаций в Китае, РДМ, по словам В.С. Мясникова, была создана не для миссионерской деятельности среди китайского населения, а "для удовлетворения "внутреннего" интереса русских — их религиозной потребности и необходимости подготовки лиц, знающих восточные языки" (там же, с. 17). Тем не менее, несмотря на такие особые задачи, проблемы адаптации православия в инокультурной среде, так же как и восприятие конфуцианским миром православия существовали и для РДМ (равно как и для всех зарубежных миссий Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке). Именно этот, очень важный в условиях Цинского Китая момент учитывал Петр I, предостерегая Церковь и чиновников от поспешных действий в деле приобщения местного населения к православию. "То дело зело изрядно. Только для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо имеют..."⁵ — предупреждал он еще в 1698 г. в письме к думскому дьяку А.Виниусу. В таком же духе составлялись и инструкции начальникам РДМ вплоть до 1864 г., когда от нее отошла

дипломатическая функция. Руководствуясь этими наставлениями, члены Миссии тактично отклоняли предложения цинских властей занять вакантные должности при цинском дворе, освобождавшиеся после изгнания иезуитов, не вмешивались во внутренние дела Цинского Китая. При особом статусе Пекинской Миссии, закрепленном русско-китайским Кяхтинским договором (1728 г.), успех и неуспех ее адаптационных усилий отражался не только на судьбе и деятельности самой Миссии, но и на развитии российско-китайских отношений в те или иные периоды их истории.

Вместе с тем именно такого рода ограничения затрудняли и замедляли процесс духовной адаптации, требовали от членов РДМ обращения к иным наиболее приемлемым для них в такой ситуации путям для налаживания православно-конфуцианского диалога.

По мере того, как албазинские пленники уходили из жизни, их потомки, от браков с китайскими, маньчжурскими и монгольскими женами, вырастая в инокультурной среде, которая от поколения к поколению становилась для них все более родной, постепенно утрачивали связь с православными корнями. Стремясь вернуть в православие эту паству, члены РДМ обратили внимание на необходимость перевода на китайский язык как богословских, так и богослужебных текстов, чтобы тем самым сделать для нее православие не только привлекательным своей красочной обрядностью, но и понятным по своей сути. Все составы миссий, начиная с 11-й (1830—1840) трудились над сложнейшим переводом этих текстов с церковнославянского языка на китайский, подбирая знакомые для китайцев эквиваленты православных терминов, понятий, символов. Только один "Новый Завет" три раза переводился на китайский язык, последний раз в начале XX в. Однако попытка о.Исайя (15-я Миссия) начать богослужение на китайском языке успеха не имела, в том числе и потому, что инструкция Синода по-прежнему предписывала вести богослужение только на церковнославянском языке. Лишь с появлением первого православного священника-китайца Митрофана Цзи (16-я Миссия) РДМ стала использовать китайский язык в церковных службах.

Сознавая уникальную устоявшуюся традиций в китайском обществе, особую роль конфуцианства, даосизма и буддизма, давно заполнивших все сферы духовной жизни китайского общества, члены Миссии параллельно с изучением официальных языков Цинского Китая (маньчжурского, китайского и монгольского) со временем занялись изучением также тибетского и санскрита. Приобретенные знания они использовали для перевода на русский язык и изучения важнейших древнекитайских и средневековых трактатов, в первую очередь конфуцианских, необходимых для понимания менталитета народа страны, где им предстояло жить и выступать проповедниками православия. Члены Миссии уделяли внимание также современной им жизни Китая, истории правящей династии Цин, особенностям ее правления. Все эти моменты нашли свое отражение на страницах сборников "Православие на Дальнем Востоке". Так, Б.Г. Доронин в статье "История империи Цин в трудах членов Российской Духовной Миссии (XVIII — середине XIX в.)" пишет о весьма высоком качестве трудов и переводов по истории Цинской династии, выполненных членами РДМ и о том, что "они безусловно находились на уровне мировой синологии того времени, а в ряде случаев превышали его" (вып. 1, с. 105). Столь же высокую оценку трудам членов РДМ, посвященным этнографии народов Китая, дает и А.М. Решетов. "Можно уверенно утверждать, — пишет он, — что трудами членов Российской Духовной Миссии в Пекине были заложены прочные основы этнографического изучения народов Китая" (вып. 1, с. 107).

Разносторонний вклад в изучение Цинского Китая, будь-то история, политика, этнография, лексикография и др., внес студент 10-й Миссии (1821—1830) З.Ф. Леонтьевский. Незаурядные лингвистические способности позволили ему уже с 1822 г. исполнять обязанности переводчика Миссии. Во время пре-

бывания в Китае З.Ф. Леонтьевский изучал китайский, маньчжурский, монгольский, тибетский и корейский языки. Он слыл в Миссии главным знатоком пекинских книжных магазинов; благодаря ему 10-я Миссия приобрела словарь "Канси цзыдянь" и Свод законов Цинской империи "Дай Цин хуэйдянь". Диапазон его научных штудий был весьма широк: перевод и изучение китайских источников, исследовательская работа для знакомства российского правительства и общественности страны с Китаем, прежде всего современным ему, и знакомства цинского правительства с историей России, главным образом через перевод на китайский язык 3-х томов "Истории Государства Российского" Н.М. Карамзина (один экземпляр которого по возвращении в Петербург З.Ф. Леонтьевский преподнес Николаю I). Этот научный вклад в развитие российско-китайских отношений был оценен как в Пекине, так и в Петербурге. Цинское правительство удостоило его титулом "Го ши" (императорский наставник), а российский император наградил его бриллиантовым перстнем. К сожалению, многие труды З.Ф. Леонтьевского, а также его дневники, которые он вел на протяжении всего пребывания в Китае, остались не опубликованными. Научная деятельность З.Ф. Леонтьевского подробно описана в статье С.А. Шубиной "Захар Феодрович Леонтьевский (1799—1874)", практически целиком основанной на архивных материалах и материалах рукописных фондов библиотек (вып. 3, с. 99—112).

Помещенный в статье акварельный портрет З.Ф. Леонтьевского в китайском летнем халате, шляпе и с веером в руке, заимствованный из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), органично вписан в канву статьи и дает, наряду с известным портретом Н.Я. Бичурина, общее представление о внешнем облике русских миссионеров в Китае.

При несомненных заслугах З.Ф. Леонтьевского в области изучения Китая, энциклопедических знаниях, прекрасном владении многими языками, он, подобно П. Каменскому и другим его современникам, был заслонен могучей фигурой крупнейшего знатока Китая того времени Н.Я. Бичурина.

Написанная с большим уважением и теплотой статья Е.И. Кычанова о студенте 12-й миссии (1840—1849) В.В. Горском наглядно раскрывает научный диапазон трудов членов РДМ, особенно таких талантливых, как рано ушедший из жизни В.В. Горский, который с равным энтузиазмом занимался изучением ранней истории маньчжурской династии и тибетским буддизмом (вып. 1, с. 31—37). Для оценки высокого уровня тибетологических штудий В.В. Горского автор приводит слова тибетолога Л.С. Савицкого, который, напомнив, что перевод Горского "Сиддханти" "послужил одним из источников "Обозрения буддийской литературы по школам", составленного В.П. Васильевым, заключает, что, "если бы этот перевод был завершен и издан Горским тогда же, примерно 150 лет назад, то тибетоведение продвинулось бы вперед гораздо в большей степени, чем это имеет место сегодня".

Автор статьи "Изучение членами Российской Духовной Миссии в Пекине классического конфуцианского трактата "Ли цзи"" И.Б. Кейдун высоко оценивает труд членов РДМ, обратившихся к переводу и исследованию одного из базовых канонических конфуцианских трактатов, и рассматривает его "как важный этап на пути более полного понимания основ и сути конфуцианской цивилизации" (вып. 4, с. 58).

Подобная оценка с полным основанием может быть отнесена к переводам и изучению других сочинений китайских мыслителей прошлого, над которыми трудились российские миссионеры в Пекине. И.Б. Кейдун считает, что до конца XIX века членами Российской Духовной Миссии в Пекине были заложены основы для дальнейшего изучения Китая и классических конфуцианских текстов и что качество выполненных трудов было довольно высоким и находилось на уровне мировой китаеведной науки. Он отмечает, что часто работы, выполненные отечественными учеными, бывшими членами Российской

Духовной Миссии, вызывали большой интерес со стороны зарубежных исследователей. “К сожалению, — заключает автор, — большая часть из сделанного миссионерами, оказалась в архивах и мало известна широкому кругу изучающих Китай” (там же, с. 61). Такой вывод справедливо отнести ко всей научной деятельности РДМ, ее вкладу в отечественное и мировое китаеведение.

Здесь уместно повторить слова известного российского ученого Н.И. Веселовского о роли Пекинской миссии в истории российско-китайских отношений и важности введения в научный оборот новых источников о ее деятельности. “Русская духовная миссия в Пекине — это своеобразное учреждение, возникшее в силу исторических случайностей, — оказала русскому правительству такую великую услугу в деле сношений с Китаем и способствовала такому успеху в области изучения нами китайского народа, его языка и литературы, что всякий еще не обнародованный источник, служащий к уяснению прошлого этой миссии, необходимо должен возбуждать интерес как в смысле историческом, так и в смысле бытовом”.⁷ Написанное в начале XX века не менее актуально и в начале XXI века.

Двадцатый век начался для Пекинской Миссии с тяжелейших испытаний и потерь: во время движения ихэтуаней (1898—1901 г.) была разгромлена и сожжена резиденция Миссии Бэй-гуань (Северное подворье), погромам подверглись православные храмы РДМ и в других местах Китая. Только в Пекине жертвами повстанцев стали 222 православных китайца. Эти самые трагические события в истории Пекинской Миссии подробно описаны в статьях К.Б. Кепинг “Храм всех святых мучеников в Бэй-гуане” (вып. 3, с. 113—124) и К.Н. Спешневой “Погибшие за веру” (вып. 4, с. 63—71). Несмотря на то, что ценой усилий прежде всего начальника 18-й Миссии архиепископа, а в последние годы жизни митрополита Иннокентия (Фигуровского) РДМ была возрождена и преобразована в епископию, и после этого тяжелые испытания продолжали следовать одно за другим, вплоть до ее закрытия в 1954 г.

1917 г. не только коренным образом изменил статус, направления, задачи и методы деятельности Миссии, но и поставил ее буквально на край банкротства: разрыв связей с Россией, прекращение финансирования, аннулирование военных займов, в которые были вложены основные финансовые средства Миссии, широкий размах ее хозяйственной деятельности невозможно было быстро остановить. Она втягивалась в долги, для погашения которых пришлось продать часть имущества. Затем в 1924 г. последовала судебная тяжба Миссии, с Советским правительством, претендовавшим на ее имущество, которую владыка Иннокентий выиграл, доказав, что оно принадлежит церкви, а не государству. На собственность РДМ, весьма солидную, посягали впоследствии и гомиьндановцы, и японцы. Через все это Пекинская Миссия прошла без серьезных потерь в значительной степени благодаря энергичным действиям начальника 18-й Миссии митрополита Иннокентия и начальника 20-й Миссии архиепископа Виктора. Деятельности последнего посвящены воспоминания генерального консула СССР в Пекине во второй половине 40-х гг., академика С.Л. Тихвинского “Начальник 20-й Миссии — владыка Виктор” (Вып. 1, с. 84—91) и родной сестры владыки Виктора О.В. Кепинг “Последний начальник Российской Духовной Миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь” (там же, с. 91—99), а также статья А.С. Ипатовой “Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935 г.)” (там же, с. 74—84).

Статья племянницы владыки Виктора К.Б. Кепинг “Храм Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане” посвящена не только истории сооружения и дальнейшей судьбе Храма Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане, но и описанию внешнего облика значительной части резиденции РДМ в первой половине XX в. Статья ценна сочетанием личных воспоминаний с малоизвестными материалами журнала РДМ “Китайский благовестник”, комплект которого вместе с другими материалами архива владыки Виктора был в ее распоряжении.

Статья насыщена большим фактическим материалом: автор связал трагическую и вместе с тем особую страницу в истории РДМ в Китае с не менее драматической страницей российской истории. Однако один из сюжетов этого периода, описанных в статье Ксении Борисовны, на наш взгляд, требует некоторого уточнения и дополнения. Речь идет об останках алапаевских узников.

В 1919 — начале 1920 гг. прошлого века после разгрома белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке в Китай хлынул поток беженцев из Советской России. Многие из них находили помощь у Российской Духовной Миссии. В те годы Миссия приняла участие не только в судьбе беженцев, но и приютила 8 гробов с останками алапаевских узников. Шестеро из них были родственниками царской семьи: великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра жены Николая II, Александры Федоровны, великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, три сына великого князя Константина Константиновича — Иоанн, Константин, Игорь, а также Владимир Палей, сын великого князя Павла Александровича от мorganатического брака, арестованными вслед за царской семьей весной 1918г. и сосланными в Алапаевск. Вместе с ними в заключении находились молодая инокиня Марфо-Мариинской обители, келейница великой княгини Елизаветы Федоровны Варвара (Яковлева) и секретарь великого князя Сергея Михайловича Федор Семенович Ремез (Ремезов), пожелавшие до конца разделить их судьбу.

18 июля 1918 г. все они были вывезены из Алапаевска и заживо погребены в шахте заброшенного рудника. После прихода в Алапаевск белых войск их останки были извлечены из шахты и помещены в склеп Свято-Троицкого собора. Но перед отступлением белых войск гробы с останками алапаевских узников были извлечены из склепа, и проделав долгий путь, 3 апреля 1920 г. прибыли в Пекин. К.Б.Кепинг пишет, что их сразу поместили в склеп церкви св. преп. Серафима Саровского на русском кладбище за воротами Аньдинмэнь. Однако по свидетельству Л. Миллер, гробы временно были помещены в одном из склепов этого кладбища, и лишь после сооружения специального склепа у храма св. преп. Серафима Саровского перенесены туда.⁸

Но прежде того, в ноябре 1920 г. останки Елизаветы Федоровны и Варвары по желанию родственников великой княгини были отправлены в Иерусалим.

В 1938 г. в разгар японской агрессии в Китае владыка Виктор добился разрешения у властей в целях безопасности перевести останки “алапаевцев” на территорию Бэй-гуаня. Автор приводит свидетельства принимавшего участие в этом генерала М.В. Колобова, который писал о пяти, а не о шести гробах и недоумевает, “почему среди привезенных в Пекин не упоминается князь Владимир Палей” (вып. 3, с. 118, 123).

Ответ на этот вопрос содержится в другом источнике, где сказано,⁹ в 1928 г. в связи с тем, что наружный покров оставшихся шести гробов из листового железа пришел в негодность, в Духовной Миссии было принято решение произвести их замену. Согласно воспоминаниям бывшего врача Российской дипломатической миссии в Китае, а затем Рокфеллеровского медицинского колледжа-госпиталя в Пекине, П.С. Судакова, принимавшего участие в этой процедуре, пять из гробов были снова помещены в склеп церкви Серафима Саровского, а останки Владимира Палея по распоряжению его матери были преданы земле.⁹

К сожалению, в 2002 г. Ксения Борисовна Кепинг ушла из жизни, и в четвертом выпуске материалов очередной конференции помещена статья А.М. Решетова “Ксения Борисовна Кепинг (1937—2002) как исследователь Российской Духовной Миссии в Китае” (с. 72—91), в которой он высоко оценил ее вклад в изучение истории РДМ, которому она посвятила последние годы жизни.

С 90-х гг. прошлого века наблюдается интерес и китайских ученых к деятельности РДМ в Китае, прежде всего научной, ее вкладу в развитие культурных связей между Китаем и Россией.

В 2006 г. в Пекине вышла 2-е доп издание ее.

Особого внимания заслуживает изданная в 1994 г. монография гуандунского историка, профессора университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу Цай Хуншэна "Записки о Российской Духовной Миссии".¹⁰ Автор, имея в своем распоряжении только китайские источники, предпринял весьма успешную попытку воссоздать объективную историю РДМ; показать ее вклад в мировое китаеведение. Интерес к деятельности Пекинской Миссии отмечен и в других научных центрах КНР, что нашло свое отражение в работах, посвященных российскому китаеведению, таких авторов, как профессор Пекинского университета Ли Минбинь, профессор Нанькайского университета Янь Годун, директор Института истории России, директор Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, профессор Су Фэнлинь, защитивший докторскую диссертацию по истории китайско-российских культурных связей.¹¹

В 2004 г. в КНР вышли в свет три солидных сборника, в которых с разной степенью полноты отражена деятельность РДМ в Китае. Один из них — "Труды по проблемам Китая членов Российской Духовной Миссии, находившихся в Пекине в середине 19 века" представляет собою перевод 24 статей из числа опубликованных в "Трудах членов Российской Духовной Миссии в Пекине". (СПб., 1852—1866. Т. I—IV; изд. 2-е. Пекин, 1909—1910). В сборник включены несколько статей известного китаевода, члена 12-й, начальника 13-й и 15-й Миссий, архимандрита Палладия (П.И. Кафарова), а также менее известных, хотя и очень талантливых исследователей — В. Горского, И. Захарова, А. Татарина, И. Гошкевича, М. Храповицкого.¹²

Два других сборника составлены по материалам проходивших в КНР научных конференций. Один из них "История и современное состояние китайско-российских отношений" издан Китайским обществом изучения истории китайско-российских отношений (отв. ред. — первый зам. генерального секретаря этого Общества, руководитель Отдела внешней политики КНР Института новой истории АОН Китая, пост-доктор Луань Цзинхэ).

Статья профессора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков Дай Гуйцзюй посвящена истории РДМ. Статьи директора Института истории России АОН провинции Хэйлунцзян доктора исторических наук Су Фэнлиня, профессора исторического факультета Пекинского университета Сюй Ваньмина и старшего преподавателя Института истории династии Цин Китайского народного университета Е Байчуань также касаются деятельности РДМ.¹³ В контексте дипломатической деятельности Миссии Дай Гуйцзюй называет ее "единственным официальным окном в Китай".¹⁴ Профессор Сюй Ваньминь, высоко оценив опыт РДМ в изучении Китая и подготовке высококвалифицированных кадров китаеведов, считает, что "к началу второй опиумной войны (1856—1860 гг. — А.И.) достижения российских китаеведов в области лингвистики значительно превосходили результаты их европейских коллег", и что "в конце XIX в. российское китаеведение уже находилось на мировом уровне".¹⁵ Все это китайский профессор ставит в заслугу прежде всего Российской Духовной Миссии в Китае.

По оценкам Су Фэнлиня, члены РДМ объективно сами становились субъектами китайско-российского культурного обмена. Большинство самых первых китаеведов России и основоположников российского китаеведения были либо учениками, либо священнослужителями Пекинской Миссии. "Именно благодаря стараниям этих людей, — делает вывод китайский ученый, — российское китаеведение избежало влияния западной синологии и, основываясь на собственном независимом разумении, смогло сформировать свой самобытный облик и продолжает оставаться в истории развития мирового китаеведения одной из самых значительных его страниц".¹⁶

Молодая исследовательница истории китайско-российских отношений Е Байчуань отметила позитивный вклад РДМ в развитие отношений между Китаем и Россией на раннем этапе их истории.

И хотя не со всеми положениями и выводами, содержащимися в статьях названных авторов (прежде всего Дай, Гуйцзюй) можно согласиться, тем не менее их высокие оценки деятельности РДМ свидетельствуют о позитивной тенденции в освещении истории этого российского учреждения в Китае, о стремлении китайских коллег к спокойному, взвешенному подходу, пусть даже не всегда последовательному и подкрепленному историческими фактами и документами.

Третий сборник состоит из статей, написанных по материалам конференции «Китайско-российские связи в области науки и техники, образования и культуры в эпоху глобализации», проведенной Центром культурных исследований и обмена университета Цинхуа. Ответственный редактор — доцент этого университета Ван Ци. Среди статей, посвященных современным проблемам, есть одна, имеющая прямое отношение к научной деятельности Пекинской Миссии. Это — статья И.Ф. Поповой «Наследие Н.Я. Бичурина (1777—1853) в архивах Санкт-Петербурга»,¹⁷ опубликованная как и все статьи российских участников конференции на русском языке.

Определенный резонанс в последние 10 лет получило в Китае и рецензируемое издание (вып. 1, 1993), на которое ссылаются некоторые авторы публикаций по истории РДМ, российско-китайских отношений и российского ки-таеведения.

(Окончание следует)

1. Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 160 с.; Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836—1912). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 188 с.; Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 298 с.; Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 277 с. Далее все сноски на сборники этой серии даны в тексте в круглых скобках. Рец. на 1-й выпуск см.: Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С. 168—170; на 2-й — Восток. 1998. № 6. С. 168—170.
2. Российская Духовная Миссия в Китае была основана в 1715 или начале 1716 гг.; закрыта в 1954 г. В 1957 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение о даровании статуса автономии Китайской Православной Церкви. Японская Православная миссия была основана в 1870 г.; в 1970 г. получила автономию в юрисдикции патриарха Московского и всея Руси. Решение Синода Русской Православной Церкви о создании Корейской Православной миссии было принято в 1897 г., однако фактическое ее открытие состоялось лишь в феврале 1900 г. С 1955 г. находится в подчинении Константинопольского патриарха; в 1996 г. была передана в ведение Австралийско-Новозеландской епархии. В 1840 г. была учреждена Камчатская, Курильская и Алеутская епархия во главе с Иннокентием (Вениаминовым), будущим апостолом Сибири и Америки, митрополитом Московским и Коломенским с 1824 г. занимавшимся просветительской, миссионерской и научной деятельностью в этих местах. В 1870 г. в связи с продажей США Аляски и Алеутских о-вов была преобразована в отдельную епархию Алеутских о-вов и Аляски; в 1970 г. — объявлена автокефальной.
3. О степени изученности деятельности западных миссионеров в Китае см., напр.: Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002; Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Матео Риччи и другие. 1552—1775 годы. М., 2001; Волохова А.А. Иностранные миссионеры в Китае (1900—1902). М., 1969; Ее же. Российская Духовная Миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1. С. 27—30.
4. Подробно об этом см., напр.: История Российской Духовной Миссии в Китае. Сб. ст. М., 1997; Поздняев Д. Православие в Китае (1900—1997). М., 1998; Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002; Ипатова А.С. Место Российской Духовной Миссии в Китае в истории российско-китайских отношений. // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С. Л. Тихвинского. Сб. ст. М., 1998.

- С. 202—233. С 1999 г. начал издаваться журнал “Китайский благовестник”, название которое было заимствовано у издававшегося в первой половине XX в. журнала РДМ в Китае; Шубина С. А. Русская православная миссия в Китае (XVIII — начало XX вв.). Дисс... канд. ист. наук. Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. 1998. 533 с. Андреева С. Г. Отношение российской дипломатии к миссионерской деятельности Русской (православной) духовной миссии в Китае (конец XIX — начало XX вв.) // XXX научн. конф. “Общество и государство в Китае”. М., 2000. С. 59—64; Андреева С. Г. Пекинская Духовная Миссия в контексте российско-китайских отношений (1715—1917 гг.). Дисс... канд. ист. наук // М., 2000. 194 л.
5. Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. (Т. 13—14). М., 1962. С. 600.
 6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 288.
 7. Веселовский Н.И. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1. СПб., 1905. С. 1.
 8. Миллер Л. Святая Мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994. С. 215.
 9. См.: Церковное слово. Кройдон. 1996. Ноябрь. № 11. С. 17—19.
 10. Цай Хуншэн. Элосы гуань цзиши. Гуанчжоу, 1994. 245 с. *2004.09.14. Шубина*
 11. См., напр.: Ли Минбинь. Чжунго вэньхуа цзай Элосы (Китайская культура в России). Пекин, 1993; Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. // Восток—Запад. Историко-литературный альманах. 2002. М., 2002. С. 52—106; Янь Годун. Изучение российской синологии в Китае // Там же. С. 107—124.
 12. 19 шицзи чжун’е Элосы чжу Бэйцзин будао туань жэньюань гуаньюй Чжунго вэньти дэ луньчжу [Труды по проблемам Китая членов Российской духовной Миссии, находившихся в Пекине в середине XIX века]. Пекин, 2004. 675 с.
 13. Дай Гуйцзюй. Гуаньей Эго лай Хуа чуаньцзяо шитуань дэ лиши динвэй вэньти [К вопросу об историческом значении приезжавших в Китай Российских Духовных Миссий] // История и современное состояние китайско-российских отношений. Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сян ши. Кайфэн, 2004. С. 38—47; Су Фэнлинь. Цун “Нибучу тьяоюэ” дао “Цякэту тьяоюэ”. Чжун Э вэньхуа цзяолюй дэ лиши пянь [От Нерчинского договора до Кяхтинского договора. — Фрагменты из истории культурных контактов Китая и России] // Там же. С. 17—26; Сюй Ваньминь. Гуаньюй Цин цзи Эго ханьсюэ ши дэ цзи дянь сыкао [Некоторые соображения относительно истории российского китаеведения периода правления династии Цин] // Там же. С. 48—63; Е Байчуань. Цзай ци Эго лай Хуа шитуань жэньюань бяньсу [Анализ состава ранних российских посольств, посещавших Китай] // Там же. С. 64—75. Подробный анализ статей см.: “Круглый стол ИДВ” Обсуждение сборника статей “История и современное состояние китайско-российских отношений” // ПДВ. 2005. № 4. С. 25—36.
 14. Дай Гуйцзюй. К вопросу об историческом значении... С. 38.
 15. Сюй Ваньминь. Некоторые соображения ... С. 56—62.
 16. Су Фэнлинь. От Нерчинского договора ... С. 24—25.
 17. Доцзинхуа шицзе гэцзюй чжун дэ Чжун Э кэцзи, цзяоюй, вэньхуа цзяолюй [Китайско-российские связи в области науки и техники, образования и культуры в эпоху глобализации]. Пекин, 2004. С. 321-333.

V. Жуаньюй

Культура

Международный форум "Столетие китайского кино"

Девиз прошедшего в Пекине 10-13 декабря 2005 г. Форума звучал так: "Китайское кино: ретроспектива и взгляд в будущее". Форум был посвящен событию, вне всякого сомнения, эпохальному — осмыслению столетнего пути, пройденного китайским кино после первых театральных эпизодов "Динцзюнь шань", зафиксированных киноаппаратом в фотоателье на художественном рынке Люulichан в Пекине в 1905 г. Нам еще предстояло пережить такое — с первым отечественным фильмом Китай опередил Россию на 3 года.

Масштабу события был вполне созвучен и масштаб Форума — в списках участников значились около 140 имен "делегатов" (то есть кинематографистов КНР) и 50 "приглашенных" (из стран Америки, Европы, Азии, а также из Гонконга и Тайваня). Ассоциации кинематографистов ряда стран прислали своих представителей, порой даже в ранге председателей (к сожалению, Союз кинематографистов России этого события не заметил), наиболее видными из гостей были приглашенные в президиум открытия директор Венецианского кинофестиваля Марко Мюллер (китаист по своему образованию), известный тайваньский режиссер Ли Син, режиссер из Гонконга У Сьюань (как бы символизируя единство "трех территорий" Китая — континента, Гонконга, Тайваня). Были "осененные Историей" Тянь Хуа, которую и мы помним еще "седой девушкой" фильма 1950 г., лауреат Московского кинофестиваля 1961 г. Юй Лань, Се Цзинь, чьи картины шли у нас еще в 50-е годы, экстравагантный режиссер У Тяньмин, отчаянная смелость которого в 1986 г., когда он руководил Сианьской студией, открыла нынешнему "международному брэндю китайского кино" Чжан Имоу дорогу к трудному, но блистательному, эпохальному режиссерскому дебюту (самого Чжан Имоу, как и многих наиболее ярких "звезд" китайского кино, на Форуме по разным причинам не было). Церемония открытия прошла в правительственной резиденции Дяоюйтай, с частью участников встретился Председатель КНР Ху Цзиньтао.

Сам Форум не стоит классифицировать в рамках каких-либо научных категорий — он являл собой скорее политическое Событие, чья социальная важность определялась не содержанием докладов, а самой Историей — фактом масштабного юбилея. Поэтому весь массив выступлений не был подразделен на секции, не сгруппирован по темам, в структуре Форума не предусматривались обсуждения, и наиболее созвучными Форуму были эмоциональные речи Се Цзиня, Юй Лань — тех, кого можно назвать "опорными столпами" столетнего пути китайского кино. Важнее самих докладов были тщательно подготовленные и врученные каждому участнику 12 томов, подытожившие прошлое и настоящее, историю и трудно начатые в 80-е годы и продолжающиеся поныне реформы, которые выводят китайское кино на уровень, адекватный мировым техническим новациям и художественным достижениям.

Анализы, разумеется, были — куда же исследователям без них! Большинство таких аналитических докладов были посвящены уже далекому про-

К38 (152) 154-158.

шлому — 30-40-м годам: операторскому мастерству У Иньсяня (Ли Шаобо, Академия искусств Китая), эстетическим теориям Лю Наоу (Ли Суюань, Академия искусств Китая), режиссеру Чжэн Цзюньли как теоретика (Чэнь Шань, Пекинский институт кинематографии), актерскому мастерству знаменитой Жуань Линъюй (Р.Мейер, США), “вечно юному” режиссеру Сунь Юю (даже два выступления — Э.Казе, Франция; К.Харрис, США). Реформы последних двух с половиной десятилетий в целом ряде выступлений связывались — как в положительном плане, так и в отрицательном — с процессами глобализации (Ли Тяньдо, Тайвань; С.Розен, США). Конечно, не обошлось без анализа “больного места” всех кинематографий — “кассовости”, посещаемости, которая в последние годы стремительно растет в Китае, в основном, за счет боевиков, и об этих “блокбастерах” говорил Цзя Лэйлэй (Академия искусств Китая). Многие гости из-за рубежа вполне естественно посвятили свои выступления теме кинематографических связей своих стран с Китаем. В этом ключе прозвучало и мое сообщение о 4 этапах российско/советско-китайского кинематографического обмена, подошедшего в последние годы к более интенсивному прокату и более углубленному анализу развития искусства. В качестве иллюстраций к этому тезису я упомянул подготовленную в ИДВ РАН Энциклопедию духовной культуры Китая, где есть статья о киноискусстве, и только что вышедший ВГИКовский учебник “История зарубежного кино”, где рядом с самыми развитыми кинематографиями мира (США, Италия, Франция и другие) стоит глава о трех ветвях китайского кино (КНР, Гонконг, Тайвань).

Запоминающимся событием в структуре Форума, вполне созвучным самому Форуму, стало посещение Музея кино, в котором шли последние приготовления к официальному открытию, — “крупнейшего в Китае, крупнейшего в Азии, крупнейшего в мире”, как патетично подчеркнул его директор. Особое впечатление это, конечно, произвело на меня — по контрасту с многолетним жалким прозябанием московского Музея кино на части этажа Киноцентра, где нашлось место и для ресторана, и для шоу стиптизерок, а столь необходимый обществу, его духовной культуре музей долгое время жил под постоянной угрозой выселения (о чем с тревогой упомянул в частной беседе даже М.Мюллер) и держался лишь благодаря неиссякаемой энергии его директора Н.И.Клеймана, но вот уже и это позорное выселение стало свершившимся фактом, лишив Россию ее духовного достояния.

А в окрестностях Пекина, между 5 и 6 кольцевыми дорогами, по 4 этажам грандиозного здания вьется нескончаемая цепь экспозиций — стендов, макетов, действующей аппаратуры. В одном из залов стоит восковой Льюмьер, в другом — блистает красно-золотым генеральским одеянием персонаж фильма 1905 г. в изготовленном в натуральную величину макете первых съемок. Но не с этого начинается Музей историю китайского и мирового кино, а с периода “Весен и осеней” (8-3 вв. до н.э.), когда философ Мо-цзы (5-3 вв. до н.э.) впервые в истории мировой цивилизации сформулировал идею о взаимосвязи света и тени, порождающей образы предметов, из чего возник столь популярный в старом Китае театр теней (те, кто видел шедший у нас фильм Чжан Имоу “Жить”, могут вспомнить, как представления такого передвижного театра давал его главный персонаж), а уж из него — и кинематограф.

Мудро поступили организаторы (Главное управление радио, кино, телевидения, Киноархив и Киноканал Центрального телевидения), добавив к структуре Форума лишний день (а именно столько мы провели в Музее), — это не только зримо показало участникам поступательное движение китайского кино, но и продемонстрировало его весомое место в духовной культуре современного общества в Китае.

В Обществе российско-китайской дружбы

Торжественное собрание, посвященное 90-летию со дня рождения Ху Яобана

14422

2005 г. 14 декабря

14 декабря 2005г. в Культурно-информационном центре ИДВ РАН — Китайском зале Общество российско-китайской дружбы и Институт Дальнего Востока РАН провели торжественное собрание, посвященное 90-летию со дня рождения выдающегося государственного и общественного деятеля КНР Ху Яобана.

В торжественном собрании приняла участие делегация во главе с Ху Дэпином — сыном Ху Яобана, членом ПК ВСНП, заместителем заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК, почетным доктором ИДВ РАН. В состав делегации входили Генеральный директор Гонконгской международной инвестиционной корпорации Сюй Чжимин, дочь Ху Дэпина Ху Чжичжи, а также другие представители возглавляемого Ху Дэпином "Комитета славных дел", главной задачей которого является борьба с бедностью.

Гостями собрания была большая группа сотрудников китайского посольства в Москве во главе с Временным поверенным в делах КНР в РФ Чэн Гопином.

С российской стороны в собрании приняли участие член Совета Федерации, член Комитета Совета Федерации по международным делам, Чрезвычайный и полномочный посол И.А. Рогачев, директор I Департамента Азии МИД РФ К.В. Внуков, Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, академик С.Л.Тихвинский, руководители и активисты Общества, ученые-китаеведы ИДВ РАН.

Открывая торжественное собрание Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН, академик М.Л. Титаренко сказал: "Сегодня мы собрались в этом зале, чтобы отметить 90-летие со дня рождения Ху Яобана — выдающегося деятеля Китая, члена ПК Политбюро, Генерального секретаря, Председателя ЦК КПК, выдающегося представителя китайского и международного молодежного движения."

Отмечая 90-летие со дня рождения Ху Яобана, мы отдаем дань уважения великому сыну китайского народа, всю свою жизнь без остатка посвятившему делу борьбы за победу народной революции, становлению и развитию нового Китая".

150-160.

К142.36-3/Ху Яобан + К142-22/0000/100.3

С докладом о жизни и деятельности Ху Яобана на торжественном собрании выступил доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, член Центрального правления Общества российско-китайской дружбы В.Н.Усов.

На торжественном собрании, посвященном 90-летию Ху Яобана, выступил также Временный поверенный в делах КНР в РФ Чэн Гопин, подчеркнувший, что «китайский народ, отмечая юбилей Ху Яобана, отдает должное и высоко ценит его необыкновенную преданность Родине, умение всего себя отдать делу революции и строительства новой жизни, продвижению вперед великого дела строительства социализма с китайской спецификой».

Отметив новые большие успехи в развитии политического взаимодействия и стратегического партнерства между Китаем и Россией, Чэн Гопин выразил уверенность в том, что в Год России в Китае Посольство КНР в РФ будет еще теснее сотрудничать с Обществом российско-китайской дружбы и другими российскими организациями во имя дальнейшего содействия взаимопониманию, дружбе и сотрудничеству между народами Китая и России.

С большим интересом участники торжественного собрания встретили выступление члена ПК ВСНП, заместителя заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК, сына Ху Яобана — Ху Дэпина.

Перед тем, как предоставить слово Ху Дэпину, Председатель Общества российско-китайской дружбы, академик М.Л.Титаренко сообщил о том, что 13 декабря 2005г. на заседании Президиума РАН Ху Дэпину был вручен Диплом почетного доктора Российской академии наук. Участники собрания дружными аплодисментами поздравили Ху Дэпина с этим высоким званием.

Доктор Ху Дэпин начал свое выступление словами глубокой благодарности Обществу российско-китайской дружбы за организацию проведения торжественного собрания, посвященного 90-летию со дня рождения его отца.

Он подчеркнул преданность Ху Яобана делу революции и строительства нового Китая, его необыкновенное внимание к людям. Торжественные заседания в Пекине, провинциях Хунань и Цзянси, а также других провинциях и городах страны, которые были проведены в связи с 90-летием Ху Яобана, по словам Ху Дэпина, еще ярче и объективнее показали старшему и особенно молодому поколению страны заслуги Ху Яобана, его преданность Родине и веру в светлое будущее Китая.

Завершая торжественное собрание, академик М.Л. Титаренко подчеркнул в своем заключительном слове: «Продолжая дело Ху Яобана, Ху Дэпин прилагает все силы, чтобы оправдать имя отца и содействовать дальнейшему развитию и процветанию нашего соседа — Китайской Народной Республики».

Участники торжественного собрания смогли ознакомиться с большой фотоэкспозицией о жизни и деятельности Ху Яобана, предоставленной Ху Дэпином. Большой интерес, в частности вызвал ее раздел, рассказывающий о пребывании Ху Яобана с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао в 1986 году в провинциях Гуичжоу, Цзянсу и на архипелаге Сиша в Южно-Китайском море.

Делегация ОРКД на международном фестивале снега и льда в Харбине

Делегация Общества российско-китайской дружбы во главе с его Председателем, директором Института Дальнего Востока РАН, академиком М.Л.Титаренко по приглашению мэра г. Харбина Ши Чжунсиня с 4 по 8 января 2006 г. приняла участие в Харбинском международном фестивале снега и льда.

На харбинский фестиваль, который в 2006 году проводился в 22-й раз, было приглашено более 800 официальных гостей.

Наиболее многочисленными были делегации (200 человек), представлявшие 18 краев, областей и городов России.

Город предстал перед нами в сказочной красоте ледяных скульптур, светящихся вечером разноцветными огнями. Городские площади были украшены ледяными красавицами — героинями древнего китайского романа "Сон в красном тереме", любимыми в Китае персонажами пекинских опер и драконами. Улицы встречали гостей букетами роз, пионов и хризантем, застывших в ледяных тумбах.

Символично, что 2006 год, объявленный Председателем КНР Ху Цзиньтао и Президентом РФ В.В.Путиным Годом России в Китае, начался столь красочным праздником именно в Харбине, городе, с которым россияне издавна связывали и поныне связывают дружеские и деловые связи. И не случайно, что тема России стала одной из главных на этом празднике. Большинство ледяных и снежных скульптур, расположившихся на берегу реки Сунгари, воспроизводили достопримечательности Москвы, Санкт-Петербурга и других русских городов. Посетители могли увидеть сверкающую прозрачным льдом Спасскую башню Кремля со светящейся над ней рубиновой звездой, Дворцовую площадь Санкт-Петербурга, фасады Эрмитажа и Петродворца, памятник маршалу Г.К.Жукову, фрагменты архитектурного ансамбля на Мамаевом кургане в Волгограде, храмы Кремля и других городов России, искрящиеся белизной своих куполов.

В дни работы Харбинского фестиваля была открыта фотозэкспозиция, состоявшая из двух разделов: "Русские в Харбине" и "Впечатления от России".

Фотозэкспозиция "Русские в Харбине", воспроизводившая события 20-50-х годов прошлого века, знакомила посетителей с жизнью, бытом, трудом и досугом тысяч и тысяч русских, волю судеб оказавшихся в городе после Октябрьской революции и гражданской войны. На пожелтевших фотографиях — балерина А.П.Павлова, известные русские певцы Ф.И.Шаляпин и А.Н.Вертинский, первые руководители КВЖД и жители разных сословий. Большой раздел экспозиции посвящен 1950-м — годам первой китайской пятилетки, когда из 156 крупнейших промышленных объектов, возведенных на китайской земле в период 1953-1958 гг. с помощью Советского Союза, 13 — были сооружены в Харбине. Они и сейчас являются костяком тяжелой промышленности города.

С большой симпатией харбинские фотомастера показали жизнь нашей страны в разделе "Впечатления от России".

Сотрудничеству провинции Хэйлуунцзян и города Харбина с Россией была посвящена также специально организованная встреча руководителей го-

рода с российскими участниками фестиваля, проходившая под лозунгом "Мероприятия Харбина в Год России в Китае".

Выступая на этой встрече, секретарь Комитета КПК Харбина Ду Юйсинь подчеркнул, что проведение года России в Китае предоставляет Харбину хорошие возможности не только для дальнейшего развития сотрудничества с приграничными регионами России, но и для превращения города в центр экспортно-импортных обменов с Россией в целом. Он сообщил, что руководство города поставило задачу за годы 11-й пятилетки в 10 раз увеличить объемы сотрудничества с Россией и довести его со 100 млн долл. США в 2005 г. до 1 млрд долл. в 2010 г.

Выступившие на встрече представители Приморского, Хабаровского и Краснодарского краев, Амурской и Читинской областей, Якутии, Тувы и других регионов России рассказали о том, как они будут участвовать в Днях России в Китае, как предполагают расширять сотрудничество с Китаем, в целом, и провинцией Хэйлунцзян и Харбином, в частности.

К делегации Общества российско-китайской дружбы в дни пребывания в Харбине было проявлено большое внимание как со стороны руководителей провинции Хэйлунцзян и города Харбина, так и средств массовой информации.

Китайскими руководителями была дана высокая оценка деятельности ОРКД. Много теплых слов прозвучало в адрес его Председателя, академика М.Л.Титаренко, которому было присвоено звание Почетного гражданина города Харбина.

В свою очередь М.Л.Титаренко заверил китайских коллег в том, что Общество российско-китайской дружбы примет самое активное участие в широкомасштабных мероприятиях Дней России в Китае и Дней Китая в России.

© 2006

*Г.Куликова,
Первый заместитель Председателя ОРКД*

Научная жизнь

Фан Жуньхуа — член Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии

16 ноября 2005 г. Ученый совет Института Дальнего Востока РАН принял решение об избрании видного общественного деятеля Гонконга господина Фан Жуньхуа (Henry Fong) членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии с вручением ему диплома Почетного доктора ИДВ РАН за выдающиеся заслуги в изучении и популяризации китайской философии и культуры, за активное содействие делу образования, поддержку исследований китайской философии в России, а также за большой личный вклад в развитие научных связей между учеными Сянгана (Гонконга) и ИДВ РАН.

23 февраля 2006 г. в Гонконге состоялась торжественная церемония вручения диплома Почетного доктора ИДВ РАН господину Фан Жуньхуа.

Как отметил в своем выступлении глава делегации ИДВ РАН и Отделения общественных наук РАН академик М.Л. Титаренко, учение профессора Фан Жуньхуа, изложенное в его работах и, в частности, в обобщающем сборнике высказываний "Яньлунь цзи", синтезирует лучшие достижения китайской и мировой духовной и философской культуры — от конфуцианства, моизма, буддизма до классиков европейской философии. Согласно его убеждениям, добрые дела, к которым прежде всего относится содействие образованию, благополучию людей, не остаются без воздаяния. Это воздаяние в виде полнокровной осмысленной жизни будет ощущать не только тот, кто совершает благие дела, но и его потомки. В системе нравственных ценностей проф. Фан Жуньхуа особое место занимают идеи патриотизма, любви к альма матер и благодарности своим учителям и друзьям. Сам смысл благотворительной деятельности проф. Фан Жуньхуа рассматривает как содействие приобретению друзей, развитию образования, совершенствованию общественных отношений, благополучию и процветанию общества в целом.

О широте деятельности благотворительных фондов "Фаншуньфутан" и фонда "Фан Жуньхуа" свидетельствует то, что благодаря их помощи во многих районах Китая по программе "Надежда" было открыто 64 начальных и 28 средних школ, 18 детских садов, большое количество школьных библиотек, учебных центров, центров профессиональной подготовки, центров реабилитации инвалидов. Более чем в 80 высших учебных заведениях Китая учреждены поощрительные стипендии для талантливых студентов, оборудованы компьютерные центры и целые учебные корпуса.

Деятельность проф. Фан Жуньхуа получила признание и высокую оценку китайской и мировой общественности. Его именем в 1994 г. названа малая планета № 5198. Он и ныне занимает высокие должности члена Совета ди-

K-112(3)ИДВ

163-164

ректоров и советника в 37 образовательных, спортивных, молодежных, общественных организациях, крупных коммерческих организациях. Кроме того, он избран почетным профессором 52 академий, университетов и других образовательных организаций Китая, США, Австралии, Сянгана, а теперь и России. Он является почетным профессором крупных университетов Сянгана, США, Канады, Австралии и Китая. О признании его заслуг в деле благотворительной деятельности, на ниве образования и преодоления бедности свидетельствует и тот факт, что проф. Фан Жуньхуа избран почетным гражданином 11 городов Китая и США и награжден 20 высокими наградами и медалями различных стран.

Мы рады, что к этому перечню высоких наград и званий ныне добавляется решение Ученого совета Института Дальнего Востока РАН об избрании проф. Фан Жуньхуа членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии и присвоении ему звания Почетного доктора (*Honoris causa*) ИДВ РАН.

Как отметил академик М.Л. Титаренко, Институт Дальнего Востока РАН был одним из первых научных учреждений России, который начал устанавливать прямые контакты с научными и образовательными университетами и учреждениями, деловыми кругами Сянгана. Мы готовы и впредь содействовать этой работе. Мы благодарны нашим сянганским друзьям, в том числе проф. Фан Жуньхуа, за их готовность поддержать наши усилия по пропаганде достижений китайской культуры в России, организации образовательных программ ИДВ РАН, направленных на подготовку высококвалифицированных специалистов, знающих китайский и другие восточные языки. Эти специалисты будут надежными помощниками в развитии деловых, культурных, образовательных связей между Россией и Сянганом, Россией и Китаем в целом.

В заключение М.Л. Титаренко поздравил нового Почетного доктора ИДВ РАН проф. Фан Жуньхуа с высоким званием и пожелал ему крепкого здоровья, многих лет жизни и новых успехов в благородной деятельности на ниве просвещения, образования, благотворительности, укрепления культурного диалога между народами, укрепления мира в Азии.

В ответной речи проф. Фан Жуньхуа выразил благодарность Институту Дальнего Востока РАН за присвоение ему почетного титула. Проф. Фан Жуньхуа охарактеризовал проведение в 2006 г. Года России в Китае и в 2007 г. Года Китая в России как новый почин в истории отношений между двумя государствами, который будет способствовать более глубокому взаимопониманию между народами двух стран, укреплению традиционной дружбы между Китаем и Россией.

В заключение проф. Фан Жуньхуа выразил надежду на то, что сянганские образовательные и научно-технические круги расширят обмена с Российской Академией наук во многих областях, будут совместными усилиями стимулировать развитие образования, научно-технических связей Сянгана и России.

В ходе пребывания в Гонконге делегация российских ученых посетила благотворительную организацию Баолянцзюй (Po Leung Kuk), курирующую сеть школ и дошкольных детских учреждений, провела переговоры с руководителями Торговой палаты Коулуна, Китайской генеральной торговой палаты Гонконга и Ассоциации китайских предприятий Гонконга (объединяет функционирующие в Сянгане предприятия КНР). Состоялась также дружеская беседа с Почетным доктором Российской Академии наук и ИДВ РАН, известным гонконгским предпринимателем и общественным деятелем Суй Чжиминем. В ходе этих встреч гонконгские предприниматели и общественные деятели неизменно выражали заинтересованность в расширении научно-технических, торгово-экономических и гуманитарных связей с Россией.

Изучение проблем регионального развития в Китае

© 2006

Я. Бергер

В декабре 2005 г. в Ухане была проведена международная конференция по проблемам региональных различий, экономической интеграции и экономического развития. Этот форум организовали Центр исследований экономического развития Уханьского университета, Институт экономики и менеджмента Уханьского университета и Институт экономики и менеджмента Дуйсбург-Эссенского университета (ФРГ). В конференции приняли участие ученые из многих научных учреждений и университетов Китая, а также из Германии, Франции, США, России и некоторых других стран.

Более сорока представленных участниками конференции на китайском и английском языках докладов опубликованы в объемистом томе, включающем четыре раздела: "Исследования региональных различий в Китае", "Стратегия экономического развития центральных и западных районов", "Международные сопоставления регионального развития и экономической интеграция" и "Теоретический анализ регионального экономического развития". Около половины докладов были заслушаны и обсуждены на пленарных заседаниях. В настоящем сообщении мы коснемся некоторых, самых интересных, с нашей точки зрения, выводов докладчиков.

Наиболее общий анализ тенденций в процессе формирования различий регионального развития в Китае был представлен профессорами Нанькайского университета Хао Шоуи и Цзинь Сяньюем. Докладчики проследили эволюцию различий как между провинциями, так и между тремя крупными регионами страны начиная с 1952 г. Обозревая работы своих предшественников, они показывают, что их выводы существенно различаются в зависимости от используемой методики анализа. В данном исследовании рассматривается воздействие на региональные различия центральных и местных инвестиций в капитальное строительство и прямых иностранных инвестиций (FDI). В подавляющем большинстве провинций решающее значение для эволюции различий имели внутренние инвестиции, особенно централизованные, прежде всего, инвестиции в инфраструктурные проекты. Такие проекты непосредственно сказывались на темпах экономического роста в провинциях.

Внутрирайонные различия в развитии восточного региона выше, чем в центральном и западном регионах. Более того, с началом политики реформ в двух последних регионах они уменьшились по сравнению с дореформенным периодом. В центральном регионе внутрирайонные различия стали сокращаться после 2000 г., тогда как в западном регионе продолжается их возрастание довольно высокими темпами. Различия же между тремя крупными регионами значительно возросли по сравнению с дореформенным периодом, что было особенно заметно в начале 90-х годов прошлого века.

K515 + K022.4 165-142.

В докладе профессора Сианьского технологического университета Жэнь Цина рассмотрены различия между тремя крупными регионами Китая и меры по их сокращению. Среднегодовые темпы роста ВВП в 1999-2003 гг. составили 8%, если же суммировать данные по регионам, то они достигают 9,96%, при этом в 11 провинциях восточного региона — 10,69%, в 8 провинциях центрального региона — 9,05%, в 12 провинциях западного региона — 8,94%. Другими словами, темпы развития в двух последних регионах были ниже среднекитайских, что закрепляет тенденцию дальнейшего их отрыва от восточного региона. Соответственно уменьшается удельный вес центрального и западного регионов в ВВП страны. В 1980 г. среднедушевые располагаемые доходы в центральном регионе составляли 78%, а в западном районе — 70% от соответствующего показателя в восточном регионе, к 2000 г. эти соотношения понизились соответственно до 62 и 54%. Для преодоления этих тенденций, по мнению докладчика, необходимо создать систему макрорегулирования, обеспечивающую равенство шансов и результатов регионального развития, способствовать становлению и совершенствованию рыночных институтов, скорректировать стратегию регионального развития.

Доклад профессоров Уханьского университета Ху Цзинцзина и Цзэн Гоаня посвящен эволюции, причинам и влиянию различий в экономическом развитии китайских регионов с конца 70-х годов прошлого века, а также выбору курса по их регулированию. Увеличение различий в экономическом развитии регионов, полагают докладчики, обостряет противоречия между местными и общенациональными рынками. Региональные власти, исходя из местных интересов, прибегают к протекционистской политике, воздвигая торговые и административные барьеры между регионами. Они стремятся, используя местные финансовые ресурсы, стимулировать развитие в своих регионах наиболее доходных обрабатывающих отраслей, тем самым формируя идентичную отраслевую структуру. В 80-х годах почти в каждой провинции создавались такие отрасли, как текстильная, пищевая, химическая, в 90-х годах приоритетными повсеместно стали автомобилестроение, электроника, производство стройматериалов и торговля недвижимостью. Идентичность отраслевой структуры в регионах снижает общую эффективность народного хозяйства и качество экономического роста. Дублирование размещения и импорта однотипного производства в регионах ведет к распылению ресурсов, снижает эффект масштабов производства. Чрезмерная внутриотраслевая конкуренция стимулирует преждевременное насыщение рынка товарами и услугами, формирует избыточные производственные мощности, мешает межрегиональной кооперации и взаимной поддержке. Концентрируя свое внимание на развитии отраслей с высокой добавленной стоимостью, регионы пренебрегают базовыми отраслями с низкой добавочной стоимостью, преимущественно сырьевыми или отраслями с первичной обработкой. Отставание базовых отраслей в Центральном и Западном Китае отрицательно влияет на потенциал долговременного, устойчивого развития всего народного хозяйства страны. Периодические колебания спроса на инвестиции колеблют стабильность экономического развития страны. Попытка государства регулировать дублирующее строительство способствует охлаждению экономики, а более либеральное отношение еще более ее подогревает. Чередование охлаждения и перегрева крайне неблагоприятно для экономического развития страны.

В менее развитых центральном и западном регионах стремление максимизировать концентрацию ресурсов на развитии экономики, подчеркивают Ху Цзинцзин и Цзэн Гоань, особенно негативно сказывается на развитии социальной сферы. В восточном регионе более согласованному развитию экономики и социальной сферы способствует наличие накоплений как в экономике, так и у

населения. Увеличение различий в экономическом развитии регионов активизирует хаотичное перемещение рабочей силы, особенно крестьян из бедных местностей центрального и западного регионов в крупные приморские города на востоке. Население отсталых регионов ощущает себя обделенным в распределении плодов быстрого экономического развития страны, а население развитых районов всячески сопротивляется перераспределению ресурсов в пользу отсталых регионов. Межрегиональные различия могут стать основой обострения национальных противоречий, особенно в приграничных районах Центрального и Западного Китая, где концентрируются национальные меньшинства, жизненный уровень которых, как правило, в силу разных причин ниже, чем на территориях с ханьским населением. Вкупе с социальными противоречиями это порождает опасность политических волнений и раскола страны.

По мнению докладчиков, нельзя полагаться на то, что одно лишь функционирование рыночных механизмов способно спонтанно сократить региональные различия в экономическом развитии. Такой процесс неизбежно оказался бы слишком длительным и дорогостоящим. Поэтому правительство должно играть в нем активную роль. Для этого необходимо усилить его финансовые возможности и способность перераспределять ресурсы. Конкретно автор рекомендует, прежде всего, увеличить государственные инвестиции в центральном и западном регионах и усовершенствовать их собственную систему аккумуляции ресурсов. Центральному банку нужно разработать для финансовых учреждений центрального и западного регионов специальную льготную кредитную политику. Т.н. целевые ("политические") банки должны принять участие в ликвидации нехватки кредитных ресурсов в этих регионах. Необходима активизация рынка капиталов. Предлагается продвинуть открытость приграничных территорий, интенсифицировать привлечение иностранных инвестиций, усилить координацию и технико-экономическое сотрудничество с восточным регионом. Рекомендуется изменить налогообложение в пользу отраслей, важных для развития центрального и западного регионов, ускорить перестройку структуры собственности в этих регионах в пользу негосударственных секторов, а также реорганизацию и реконструкцию предприятий.

Профессор Ланьчжоуского университета Гао Синьцай посвятил свой доклад реализации стратегии освоения Запада. В 2001 г. и 2003 гг. темпы экономического роста в этом регионе были выше средних по стране, за эти три года несколько улучшилась структура занятости, повысились среднедушевые располагаемые доходы городских жителей и чистый среднедушевой доход сельского населения, хотя по их абсолютным размерам и структуре западный регион все еще далеко отстает от восточного. На западе по-прежнему остается очень острой задача борьбы с бедностью. Из 592 ключевых уездов борьбы с бедностью 375 находятся на западе. В западном регионе насчитывалось 24 млн чел. с низкими доходами, или 48,2% этой категории населения в стране. На востоке бедные в основном — это крестьяне-хлебоборобы и в меньшей степени — люди, пострадавшие от стихийных бедствий. На западе это крестьяне, живущие в большинстве в горных районах с суровым климатом, на лессовом плато, в каменистых и песчаных пустынях, на территориях, подверженных песчаным бурям. Здесь бедность часто связана с плохой экологией, неблагоприятными природными условиями. Нередко она совпадает с районами концентрации национальных меньшинств. Если на востоке для борьбы с бедностью можно опереться на достаточно развитую собственную экономическую базу, на рыночные условия, на специализацию сельского хозяйства и урбанизацию, то на западе во многих случаях собственных сил недостаточно, бедность передается из поколения в поколение. Автор доклада рекомендует еще более усилить инвестиционное участие центра в строительстве базовых сооружений и охране

окружающей среды на западе. С его точки зрения, гигантские сооружения, обеспечивающие транспортировку энергии с запада на восток, привлекают намного больше внимания, чем малые проекты, нацеленные на развитие собственной экономики и повышение уровня жизни населения западного региона, например, гидросооружения, электростанции на болотном газе, сельские дороги, малые ГЭС, мелиорация пастбищ.

Профессор Уханьского научно-технического университета Чжан Чжюю сосредоточил внимание в своем докладе на перемещении избыточной рабочей силы из сельского хозяйства как факторе развития западного региона. На западный регион приходится 42,4% всей избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве страны, на центральный регион — 39,1%, на восточный — 18,4%. Высокий удельный вес сельского хозяйства и тяжелой промышленности в экономике западного региона сдерживает перемещение избыточной рабочей силы деревни. По мнению докладчика, крайне необходимо развивать трудоемкие отрасли, способные обеспечить рабочие места для массы малоквалифицированных работников, создавать волостно-поселковые предприятия, которые в подавляющем большинстве до сих пор сосредоточены в восточном регионе, увеличивать занятость в сфере услуг, расширять сеть малых городов и поселков.

Профессора Уханьского университета Лю Чуаньцзян и Дун Яньфан обрисовали причины существующего упадка экономики и перспективы подъема шести провинций центрального региона (Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянси). В этом регионе, площадь которого составляет 10,7% территории страны, проживает 361 млн чел., или 28,1% всего населения, но ВРП составляет только пятую часть ВВП Китая. Из трех крупных регионов страны темпы экономического развития центрального региона в 2000-2003 гг. были наименьшими, что вело к еще большему сокращению его удельного веса в экономике страны. Регион занимает важное место в растениеводстве (25,5% продукции страны), лесном хозяйстве (28,2%), животноводстве (27,3%) и рыболовстве (17,4%). Однако при расчете на душу населения только в провинции Хубэй продукция этих отраслей превосходит средние данные по стране, и в целом по региону она на одну пятую ниже среднекитайской. Основная причина такой ситуации — в мелкокрестьянском хозяйствовании. В конце 2003 г. в среднем на душу сельского населения приходилось от 1,08 (Хунань) до 2,24 му пашни. В пяти из шести провинций (исключая Хэнань) обеспеченность крестьянских хозяйств основными фондами ниже среднего по стране уровня (который составляет 4152,7 юаня). В районе развита промышленность государственного сектора, но негосударственный сектор слаб, он составляет лишь 4,4% в масштабах страны. Центральный регион остается наименее урбанизированным в стране, особенно мало крупных и средних городов. Доходы и расходы городских жителей здесь существенно ниже, чем на востоке и даже, чем на западе. Район значительно отстает по объему отечественных и иностранных инвестиций в капитальное строительство, в обновление основных фондов, в недвижимость. Реформирование системы налогообложения в деревне за последние годы облегчило бремя крестьян преимущественно в городских предместьях, в чисто же сельскохозяйственных районах оно по-прежнему очень велико. Продвижению индустриализации мешает медленное реформирование правительственных функций и государственных предприятий и недостаточная развитость негосударственного сектора. Привлечение инвестиций тормозят недостаточная экономическая открытость региона, ограниченность преференций, а приток кадров — невысокие доходы и низкое качество социального обеспечения. Докладчики предложили ряд мер, направленных на ускорение развития. В их числе интенсификация строительства базовых объектов, особенно автомобильных дорог в сельской местности и гидротехнических сооружений, усиление государ-

ственной поддержки деревни, особенно в зернопроизводящих районах, возрождение старых промышленных баз в регионе, особенно крупных предприятий тяжелой промышленности и энергетики (цветной металлургии в Хубэе, Цзянси, Хунани, черной металлургии в Хубэе и Аньхое, уголедобычи в Шаньси и Хэнане, гидроэнергетики в Хубэе, машиностроения в Хубэе и Хэнане) и др.

В докладе Пэн Чжиминя (Институт экономики Академии общественных наук провинции Хубэй) и Дун Цзе (Институт экономического управления Сельскохозяйственного университета Центрального Китая) рассматриваются проблемы согласованного развития упомянутых выше шести провинций центрального региона. Поскольку эти провинции — важный сельскохозяйственный район Китая, для них свойственно мелкокрестьянское сознание, тесно связанное с натуральным хозяйством и не склонное к кооперации, что мешает региону стать лидером развития в стране. Авторы отмечают отсутствие явного экономического центра в регионе. Прежде на ведущую роль претендовал Ухань, который лишь немного не дотягивал до статуса города центрального подчинения, но за последние двадцать лет из-за неравномерности развития и административных перемен преимущество Уханя ослабло, на эту роль стал претендовать Чжэнчжоу. Предлагается найти новую модель внутрорегионального разделения труда и кооперации, без чего регион может утратить свою идентичность. Только целостность региона вкупе с конкуренцией позволит ему стать одним из важных полюсов роста в стране. Новая модель кооперации требует открытия рынков, взаимного обмена ресурсами, преодоления внутренней замкнутости, использования стратегии множественности центров.

Профессора Центрально-Южного университета финансов, экономики, политики и права Ло Юн и Цао Лили рассмотрели перспективы промышленного развития западного региона, которое представляется им необходимым путем сокращения различий между западом и востоком. Запад богат разнообразными энергетическими ресурсами, рабочей силой и земля здесь существенно дешевле, чем на востоке (средняя годовая заработная плата в Шанхае в 2003 г. составляла 27304 юаня, а в 12 провинциях западного региона — 13 691 юань), что создает хорошие предпосылки для перемещения промышленности, особенно обрабатывающей, с востока на запад. Этот процесс уже начался. Он проявляется в том, что на востоке началось явное удорожание факторов производства, обнаружилась нехватка квалифицированной рабочей силы, электроэнергии, угля. Есть признаки перемещения на запад иностранных инвестиций, их размещения в Чунцине, Чэнду, Сиане. Есть договоренность Чунцинского правительства с тайваньской группой Жиюзгуан, одним из крупнейших в мире производителей полупроводниковых устройств, о капиталовложениях на сумму в 1 млрд долл. в строительство трех предприятий. Аналогичное соглашение о намерениях подписала с руководством провинции Сычуань и города Чэнду компания Интел. В апреле 2005 г. на очередной сессии Совещания по кооперации, инвестициях и торговле между востоком и западом Китая в Сиане был заключен 131 контракт по использованию иностранных инвестиций на сумму 1,8 млрд долл. Производство интегральных схем перемещается из дельты Янцзы и побережья Бохайского залива в западный регион с центром в Чэнду. Тенденция перемещения иностранных инвестиций на запад неизбежна, и она может занять 30 лет, хотя в настоящее время ей противостоят ряд факторов, таких как узость местного рынка, нехватка ресурсов, низкая подготовленность рабочей силы, невысокая эффективность административного управления, бюрократические рогадки и т.п.

Профессор Хо Дэмин из Центра экономических исследований Пекинского университета проанализировал роль трех важнейших экономических центров страны (дельта Янцзы, дельта Чжуцзян и побережье Бохайского за-

лива) в экономическом развитии страны. Общая площадь этих субрегионов составляет 9,2% территории страны, в них проживает 34,23% населения и производится 61,2% ВВП. Наиболее развита среди них дельта Янцзы, которая производит на единицу площади примерно в два раза больше, чем два других субрегиона, а на душу населения превосходит их еще больше. Среднедушевое производство ВВП в Шанхае в 2002 г. превысило 5 тыс. долл., второе место занимает Пекин, третье — Гуанчжоу. Темпы экономического роста в трех субрегионах значительно выше, чем в среднем по стране. Источники роста различны. В дельте Янцзы важнейшую роль играют инвестиции. Поскольку этот субрегион обладает неплохой инфраструктурной, научно-технической и образовательной базой, он стал центром притяжения инвестиционной активности транснациональных корпораций и частного национального капитала. В 2002 г. на долю Шанхая и провинций Цзянсу и Чжэцзян пришлось 21,9% инвестиций в основные фонды, в несколько раз больше, чем в дельте Чжуцзян и Пекин-Тяньцзиньском субрегионе. В Шанхае создали свои штаб-квартиры многие ТНК и финансовые организации. В дельте Чжуцзян ведущей силой развития служит экспорт. С начала реформ этот субрегион, используя близость к Гонконгу и Макао стал привлекать иностранные инвестиции для производства товаров на экспорт. В 2002 г. на долю этого субрегиона пришлось 35,62 % китайской внешней торговли, в т.ч. 78,7% экспорта готовых изделий. В Бохайском субрегионе двигателем развития стали внутренние потребности, он стал работать на обширный внутренний рынок Северного Китая, превратившись в один из главных его торговых и транспортных центров. В 2002 г. на долю этого субрегиона пришлось 24,7% розничной торговли в стране, но по роли во внешней торговле и иностранных инвестициях он уступает дельтам Чжуцзян и Янцзы.

Три субрегиона различаются по ведущему типу собственности предприятий. В дельте Янцзы главную роль играет частная собственность (в Чжэцзяне она составляет 87,6%, в Цзянсу — 63%, в Шанхае — 65%). Развитием дельты Чжуцзян движет иностранный капитал, по привлечению иностранных инвестиций он не имеет равных в стране. Основные источники инвестиций — Гонконг, Тайвань, страны Юго-Восточной Азии и китайская диаспора. В Бохайском субрегионе традиционно преобладают государственные предприятия. В 2002 г. в провинции Ляонин на их долю пришлось 62,7% ВВП, в Пекине — 53,5%, в Тяньцзине на государственный сектор приходится 86,7% инвестиций в основные фонды, в Пекине и провинции Ляонин — более 40%.

В дельте Янцзы представлены все отрасли тяжелой и легкой промышленности, но особенно выделяется наукоемкое и высокотехнологичное производство. Важная роль в общекайтайском масштабе принадлежит текстильной, швейной, машиностроительной, электронной, металлургической, автомобильной, нефтехимической промышленности. В дельте Янцзы быстрее, чем в других регионах, растут такие научно-технические отрасли, как электроника, оптоволоконная коммуникация, биотехнология, морские сооружения и инновационные материалы. Среднегодовые темпы развития в области электронной информации превышают 30%. Общегосударственной базой проектирования и производства интегрированных сетей являются Шанхай, Уси и Ханчжоу. На долю научно-технических производств в Шанхае в 2002 г. пришлось 23,4% стоимости промышленной продукции, и эта доля из года в год повышается. В дельту Янцзы перемещаются из дельты Чжуцзян иностранные предприятия (включая тайваньские), занятые в этих производствах.

В дельте Чжуцзян преобладают трудоемкие отрасли, работающие преимущественно на экспорт, включая производство одежды, игрушек, бытового электрооборудования. В последние годы быстро происходит прогрессивная модификация структуры производства. Растет производство таких научно-техни-

ческих продуктов, как интегрированные схемы, микроволновое коммуникационное оборудование, мобильные устройства связи, компьютеры. К дельте Чжуцзян тянутся окружающие Гуандун соседние провинции центрального региона: Цзянси, Гуанси, Хунань, где построены скоростные автомагистрали для связи с Гуандуном.

В Бохайском субрегионе доминирует капиталоемкое производство. Он занимает важное место в тяжелом машиностроении, химической промышленности, производстве оборудования, информационных отраслях. Здесь производят более 30% стали и стального проката, тракторов, пластмассы, пива, более четверти холодильников и стиральных машин, половина вычислительной техники. На долю тяжелой промышленности в провинции Ляонин приходится 80% промышленного производства, в провинции Хэбэй — 69,4% в провинции Шаньдун — 61,2%. Важнейшим промышленным центром субрегиона является Пекин, который, используя свое столичное положение, оспаривает у Тяньцзиня его прежнюю роль важнейшего индустриального и коммерческого узла Северного Китая. В Пекине находятся такие крупнейшие государственные предприятия, как металлургический комбинат Шоуду и химический комбинат Яньшань. Пекин является вторым после Шэньяня центром тяжелой промышленности в стране.

Между субрегионами, равно как и внутри них, происходит жесткая конкуренция за привлечение инвестиций. Так, в дельту Янцзы за последние годы переместилось немало иностранного капитала из дельты Чжуцзян. После 2003 г., когда была принята программа возрождения Северо-Восточного Китая, чиновники из этого региона постоянно навещают Сянган, привлекая к себе потенциальных инвесторов налоговыми, земельными и иными льготами. Но есть и примеры кооперации, в их числе совместное строительство нового аэропорта властями Пекина и Тяньцзиня, перемещение из Пекина металлургического комбината Шоуду, изучение планов создания Большого Пекина властями Пекина, Тяньцзиня и провинции Хэбэй, начало строительства моста через залив Ханчжоувань, круглосуточное сообщение с Гонконгом в дельте Чжуцзян, планы создания единой системы кредитных карт Шэньчжэня и Гонконга и др.

Рассматриваются следующие планы дальнейшего развития субрегионов.

Панчжуцзянская дельта 9+2. Идея формирования на базе дельты Чжуцзян нового региона была выдвинута в 2003 г. Она предусматривает включение в состав региона 9 провинций (автономных районов): Гуандун, Фуцзянь, Цзянси, Гуанси, Хайнань, Хунань, Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу и 2 особых административных районов: Сянгана и Аомэня. На долю этого нового региона придется 20,8% территории и 34,8% населения страны. В 2002 г. 9 провинций производили 33,7% ВВП. Зачатки внутрирегиональной кооперации уже имеются. Нехватка электроэнергии в Гуандуне и Гуанси покрывается поставками из Юньнани.

План возрождения Северо-Востока. До 80-х годов этот регион служил базой индустриализации Китая. Многие его города превратились в один гигантский завод. Недостатком была однообразная производственная структура. Неблагоприятная конъюнктура для одной отрасли могла пагубно отразиться на целом городе или даже районе. Реализация плана возрождения Северо-Востока отнюдь не подразумевает использование только правительственных ресурсов. Она основывается на преобразовании местных государственных предприятий и использовании рыночных механизмов для преодоления трудностей, испытываемых регионом. На первом этапе выделяется 60 млрд юаней. Предусматривается сократить налог на добавленную стоимость с тем, чтобы уменьшить себестоимость продукции в капиталоемких отраслях, полнее использовать внутренние возможности страны для поставок оборудования и сократить зависимость от импорта, увеличить экспорт и привлечь крупных

японских и южнокорейских инвесторов. Выполнение последней задачи, однако, затруднительно, поскольку возможности присутствующих в течение многих лет в Бохайском субрегионе японских и южнокорейских инвесторов ограничены. Реализация плана возрождения Северо-Востока осложняется тем, что многие бывшие государственные предприятия обременены долгами, часто находятся на грани банкротства, а их приватизация затруднена в связи с отсутствием инвесторов. Административно принудить банки погасить долги предприятий значит поставить под удар финансовую систему. Нелегко также обеспечить соответствие качества продукции, управления и рабочей силы мировым стандартам.

Создание экономических районов-спутников по р. Янцзы. Города, расположенные по течению р. Янцзы в 2002 г. произвели 42% ВВП, в т.ч. дельта Янцзы — 20%. В перспективе, помимо дельты Янцзы, будут созданы еще два района: Ухань-Чанша-Наньчан в среднем течении и Чунцин-Чэнду в верхнем течении.

Профессор университета им. Сунь Ятсена Чэнь Гуаньхань остановился на перспективах формирования Панчжуцзянского района как примера новых тенденций в развитии межрайонной интеграции. Дельта р. Чжуцзян стала первой территорией на китайском континенте, куда устремились инвестиции и предприятия из Сянгана, Аомэня и Тайваня. Они успешно соединили сервисные возможности такого международного центра финансов и торговли, как Сянган, с дешевой рабочей силой и дешевой землей в дельте Чжуцзян. Еще в то время зародилась мысль о формировании южно-китайского экономического района, куда могли бы войти Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, а также частично Хунань и Цзянси вместе с Сянганом, Аомэнем и Тайванем. Провозглашенный в 2003 г. план создания экономического района Панчжуцзянской дельты можно рассматривать как продолжение идеи южно-китайского экономического района. Разница, однако, состоит в том, что в первом случае движущей силой интеграции были Сянган, Аомэнь и Тайвань, а во втором ею становится развившаяся и укрепившаяся за прошедшее время дельта р. Чжуцзян. Главный смысл формирования Панчжуцзянского района состоит в том, чтобы, во-первых, полнее реализовать соглашение о более тесном экономическом партнерстве (согласно этому соглашению, вступающему в силу с января 2006 г., все товары гонконгского происхождения не облагаются пошлиной. — Я.Б.), а, во-вторых, расширить рынок за счет внутренних районов Китая и тем самым получить новые шансы для конкуренции с дельтой Янцзы. Панчжуцзянский район может также еще более раскрыть южные ворота для выхода китайской экономики на мировые рынки.

Доклад автора этих строк был посвящен сопоставлению региональной политики России и Китая. В докладе фиксировались как объективное сходство задач по преодолению слишком больших различий в уровне и темпах экономического развития регионов в обеих странах, так и существенные различия в причинах возникновения таких различий и в путях и средствах их сокращения.

Нельзя не отметить высокий научный уровень подавляющего большинства докладов и четкую организацию работы конференции. Особо нужно подчеркнуть большой интерес, который был проявлен не только участниками конференции, но и профессорами, студентами и аспирантами Центра исследований экономического развития Уханьского университета к экономическим и политическим процессам, происходящим в современной России. Руководители Центра профессора Го Сibaо и Ма Ин выразили стремление установить и развивать научное сотрудничество с Институтом Дальнего Востока РАН.

Состоится ли российский прорыв в АСЕАН? (Итоги 1-ой российско-вьетнамской научной встречи)

© 2006

М. Тригубенко

В июне 2005 г. вице-президентом РАН, академиком А.Д.Некипеловым и президентом Вьетнамской академии общественных наук, профессором До Хоай Нам был подписан рабочий план трехлетнего межакадемического научного проекта "Отношения между Россией и АСЕАН в первые десятилетия XXI века". Инициатором совместного исследования указанной проблемы выступила Вьетнамская академия наук, предложив Институту международных экономических и политических исследований РАН выступить в качестве соисполнителя проекта со стороны Российской академии наук. Актуальность и своевременность вьетнамской инициативы, одобренной руководством РАН, не вызывает сомнения, поскольку АСЕАН — самое слабое звено в азиатском направлении внешней политики России.

Вялые и безрезультативные действия России в отношении налаживания контактов с АСЕАН объясняются рядом причин:

- односторонней ориентацией азиатской внешней политики России на Японию, Китай, РК в СВА и на Индию — в Южной Азии;

- наличием так называемого информационного вакуума, т.е. слабого понимания и знания стран друг о друге и представлений бизнеса АСЕАН об инвестиционных и научно-технических возможностях России,

- очевидным дисбалансом между политическим диалогом, достигнутым в 90-х гг. и очень скромным торгово-экономическим взаимодействием. В 2004 г. Россия присоединилась (вслед за Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией и Пакистаном) к Балийскому Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, чуть раньше была принята Совместная Декларация о борьбе с международным терроризмом. Однако политическое влияние России в АСЕАН по сравнению с периодом "холодной войны" не выросло, а ослабло, отчасти вследствие китайского прорыва в АСЕАН и неудач хозяйственной политики России. Торговля России с АСЕАН (по данным на 2003 г.) 3,5 млрд долл., по оценке, в 2004 г. — около 4 млрд долл. (торговля Китая с АСЕАН — 78 млрд долл.). Пока что страны АСЕАН в торговых отношениях выступают в основном как покупатели российской военной техники и ноу-хау.

В общем, следует признать недооценку Россией новой внешнеэкономической и внешнеполитической обстановки в Восточной Азии, выражающейся в расширении масштабов свободной торговой зоны АСЕАН путем превращения конфигурации АСЕАН-10 в АСЕАН-13 (включая КНР, Японию, РК), а в перспективе — присоединения к АСЕАН Австралии, Новой Зеландии и прочих

заинтересованных государств (эту заинтересованность выразили Индия и США) и превращения АСЕАН-13 в АСЕАН — 16. Россия в связях с АСЕАН упустила свой шанс. Тем не менее предпосылки для сближения уже есть.

В ЮВА Россия пользуется политическим влиянием как гарант азиатской безопасности, что доказало динамичное развитие стратегического партнерства с Китаем, Индией, Вьетнамом, активное участие России в ШОС, в разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове, а также поддержка асеановских инициатив по борьбе с международным терроризмом, что нашло отражение в совместно подписанной декларации в Куала-Лумпуре.

В начале XXI в. в рамках АСЕАН был принят ряд основополагающих документов о борьбе с международным терроризмом. В Декларации о совместных действиях в борьбе с терроризмом (Бруней, 7-ой Саммит АСЕАН, 2001 г.), терроризм был определен как угроза миру и безопасности и как прямой вызов миру, прогрессу и процветанию в АСЕАН. Разработана рабочая программа АСЕАН по борьбе с терроризмом как составная часть регионального плана по обузданию транснациональной преступности (2002 г.). В Коммюнике встречи министров иностранных дел АСЕАН (Лаос, июль 2005 г.) отмечалось, что роль ООН в борьбе с терроризмом ослабла, хотя ООН должна принадлежать центральной координирующая роль в мировых процессах.

В 2003-2005 гг. российским президентом были предприняты шаги к налаживанию контактов с АСЕАН на двусторонней основе — в ходе встреч с лидерами Сингапура, Малайзии, Таиланда. Интенсифицировалась торговля с Малайзией — оборот в 2005 г., по оценке, может достигнуть 2 млрд долл.

Но пока страны АСЕАН интересуют, прежде всего, военно-промышленный потенциал и космические исследования России, хотя два года назад в Куала-Лумпуре Путин говорил «о скорейшей интеграции России в экономическое пространство АСЕАН». Это подтвердили переговоры Путина на Саммите Россия — АСЕАН в Малайзии в декабре 2005 г. Малайзия вновь проявила заинтересованность в закупках у России систем ПВО, морской техники, истребителей Су-30 МКМ. После Китая и Индии Малайзия — крупнейший покупатель российской военной техники в объеме почти 1 млрд долл. Индонезия заинтересована закупать у России Су-30 МКМ, морские крылатые ракеты «Уран», плавающие БМП. Разворачивается сотрудничество с Малайзией по новому направлению — в освоении космоса путем посылки в космос малайзийского космонавта на российском «Союзе» в октябре 2007 г. Политическим итогом пребывания Путина в Куала-Лумпуре явилась поддержка Малайзией и Таиландом вступления России в ВТО, и за это Россия готова была поддержать либеральный фонд делового партнерства Россия — АСЕАН, который должен будет способствовать приему России в ВТО.

На симпозиуме в Москве и вьетнамские, и российские ученые пытались объяснить причины слабого внимания России к контактам с АСЕАН, прежде всего в экономической сфере, и определить пути выхода из этого тупика.

С основным докладом выступил Президент Вьетнамской академии общественных наук, профессор До Хоай Нам, который заострил внимание на месте АСЕАН в новой международной обстановке и стратегических партнерских отношениях АСЕАН — Россия. Докладчик высказал свое видение нового международного положения с точки зрения места АСЕАН, структурного изменения АСЕАН в переходном периоде: от Ассоциации 10+3 к Содружеству-16, выделил фактор АСЕАН в стратегии великих держав. В разделе доклада, посвященном корректировке и регулированию партнерских отношений АСЕАН-Россия, профессор До Хоай Нам отметил следующее: «Поднимая отношения с АСЕАН на более высокий уровень, Россия будет усиливать свое влияние на

определение геостратегии в Азии, ее присутствие гарантирует соблюдение стратегических интересов в азиатском регионе в целом”.

Глобальные и региональные процессы и их влияние на отношения между Россией и АСЕАН были темой доклада директора Института мировой экономики и политики, профессора Нгуен Хуанг Тханга.

Проблему Россия — АСЕАН, считает профессор Тхан, надо решать в увязке с вступлением России и Вьетнама в ВТО, что позволяет переходить на более высокую стадию — к подписанию двустороннего соглашения о свободной торговле. Далее докладчик отметил, что проблема ЮВА — России связана с усилением мощи Китая после вступления в ВТО и подписанием соглашения КНР с АСЕАН о присоединении в 2010 г. к АФТА — Зоне свободной торговли, что дает возможность Китаю играть лидирующую роль в интеграции. По мнению Тханга, однополярный мир сдвигается к двуполярному с лидерами США и Китай. Но повышается и роль Японии. Япония выступила с предложением о создании “Азиатского Содружества” в составе 10 стран ЮВА (членов АСЕАН) + 3 стран СВА (Япония, Китай, Республика Корея) + Австралия, Новая Зеландия, Индия. Сможет ли Россия участвовать в “Содружестве-16”, и какие принципиальные шаги она должна предпринять? Для этого надо вступить в ВТО, урегулировать стратегические ориентиры Запад-Восток, признать преимущества ориентации на АСЕАН и учесть стратегическую роль Вьетнама в АСЕАН. Вьетнам, по высказываниям профессора Тханга, — ядро между Китаем и Индией, мост между Восточной и Юго-Восточной Азией.

В докладе Нгуен Куанг Тхуана, профессора, директора Института Европы, говорилось, что отношения между Россией и АСЕАН не соответствуют достигнутому уровню их развития, и они сами недооценивают их роль. К основным причинам он отнес невнимание России к АСЕАН из-за собственных трудностей и то, что в приоритетах внешней политики России числятся СНГ и ЕС, а в отношениях с азиатскими странами больше внимания уделяется СВА. Усилить отношения с АСЕАН Россия сможет через усиление отношений с каждым членом Ассоциации, уделяя внимание науке, военному сотрудничеству, поднимая стратегическое партнерство с Вьетнамом на более высокий уровень.

Во всех пяти вьетнамских докладах выделялась роль Вьетнама для России в ее стремлении сблизиться с АСЕАН. Так, профессор Во Дай Льюк обозначил более конкретно, в чем выгода для России опоры на Вьетнам: это наличие традиционных отношений дружбы и сотрудничества, высокие экономические показатели СРВ, усиление внимания всех великих держав (США, Китая, Японии) к Вьетнаму, а также то что Вьетнам — член АСЕАН и АФТА/АСЕАН. Во Дай Льюк назвал три момента в развитии треугольника Вьетнам — России — АСЕАН: вступление России и СРВ в ВТО, заключение двустороннего торгового соглашения России с Вьетнамом, подписание соглашения Россия — АСЕАН.

Главный редактор журнала “Проблемы мировой экономики”, профессор Ле Бо Линь осветил отношения Вьетнам — АСЕАН через призму контактов Вьетнам — Китай и Вьетнам — США, сказав, что после нормализации отношений с ними создались условия для развития всесторонних отношений Вьетнама в АСЕАН. Отношения Вьетнам — АСЕАН прямо влияют на возможность расширения взаимодействия между Россией и АСЕАН. Вьетнам выступает главным фактором объединения ЮВА и играет теперь более важную роль в развитии отношений АСЕАН с другими странами региона и мира.

В докладах российских ученых из ИМЭПИ РАН отношения между Россией и АСЕАН рассматривались, исходя из анализа достигнутого уровня научно-технологического взаимодействия (к.э.н. В.А.Губарев), определяющей роли российского корпоративного капитала в налаживании прямого хозяйственного

взаимодействия с компаниями стран АСЕАН (д.э.н. Б.А.Хейфец), возможности усиления взаимодействия с АСЕАН в ТЭК России (д.э.н. А.Б.Куприянов), преодоления торможения в отношениях России с Вьетнамом (к.э.н. М.Е.Тригубенко).

В докладе д.э.н. Л.З.Зевина была выделена роль периферийных регионов в глобальном мире и место АСЕАН в мировой региональной структуре.

В докладе заместителя директора ИМЭПИ РАН, профессора Глинкиной С.П. был сделан акцент на поисках работающего механизма взаимодействия России и АСЕАН, следуя высказываниям и рекомендациям В.В.Путина, чтобы вывести их на уровень отношений России с ЕС, а наша цель — дать рекомендации для выполнения этой задачи. Россия территориально находится между ЕС и АСЕАН. За 15 лет трансформации у России накопилось много проблем, одна из них — почему в том или ином регионе российское присутствие должно быть особенно заметным. Внешняя политика в основном направлена на Европу и попытки создания региональных группировок на постсоветском пространстве. При всей ее важности эта внешняя ориентация приносит много проблем и ожиданий, которые вряд ли сбудутся.

На Востоке формируется новый геополитический центр, который будет определять ситуацию в XXI в. Россия должна брать пример с Китая в наступательной стратегии. А выбор правильного внешнеполитического направления имеет решающее значение для структурных изменений в экономике России.

Из приглашенных лиц в дискуссии принял участие ученый секретарь ИДВ РАН А.А.Козлов, который отметил, что некоторые страны высказывают сомнение, что Россия — великая держава, особенно те, чей экономический и политический вес возрос, и особенно Япония, поэтому расширение сотрудничества России с АСЕАН — это шанс повысить свою роль и свой вес в Восточной Азии.

По итогам обсуждения научного проекта “Отношения между Россией и АСЕАН”, на симпозиуме было принято следующее решение:

1. Издать в Ханое сборник докладов.
2. Провести вторую встречу в марте 2006 г. в Ханое, в том же составе участников.
3. В последующие годы работы над проектом расширить тематику исследований, включив 7 новых сюжетов: в том числе, как взаимодействуют другие страны АСЕАН на Россию, как отражается диалог Россия — АСЕАН на отношениях АСЕАН с Китаем, Японией и США (для чего требуется более глубокий анализ отношений АСЕАН с Китаем, Японией, США), какие этапы, содержание и подходы определить в изучении проблемы Россия — АСЕАН, как обеспечить совместными усилиями стабильность и безопасность в Азии, какие задействовать механизмы, институциональные структуры и факторы, которые могут определить развитие экономических, культурных связей России с АСЕАН.

Актуальность существенной активизации связей России со странами АСЕАН убедительно продемонстрировала Совместная декларация главы государства Российской Федерации и глав государств-членов АСЕАН о развитом и всеобъемлющем партнерстве, принятая 13 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре в качестве итогового документа первого саммита Россия-Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Конкретные направления развития сотрудничества сформулированы в принятой тогда же Комплексной программе действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и АСЕАН на 2005-2015 гг.

Рецензии

Smil V. China's Past, China's future energy, food, environment. N.Y. Routledge Curzon. 2004. 232 p.

Вацлав Смил, почетный профессор канадского университета Манитобы, известен своими многочисленными работами по проблемам энергообеспечения и экологии Китая. Настоящая книга в большой мере воспроизводит прежние публикации автора, пополняя их некоторым объемом не опубликованного ранее и частичного обновленного материала. По подсчетам самого автора, извлечения из старых работ составляют около трех пятых монографии. Это обстоятельство определяет как ее достоинства, так и определенные недостатки. Книга привлекает, прежде всего, своей фундаментальностью и обстоятельностью. С другой стороны, современному читателю, возможно, будет не доставать анализа новейших тенденций при освещении разрабатываемой автором проблематики, что, впрочем, благодаря взвешенной и осторожной позиции автора мале влияет на надежность его прогнозов.

Книга В. Смилана написана в достаточно свободной манере. Она не перегружена избыточным количеством официальных статистических данных, хотя в ней немало собственных расчетов. Вообще к китайской статистике, которая в последние годы все более ширящимся потоком низвергается на потребителей информации о стране, автор относится с изрядной долей скепсиса. Не без иронии он упоминает о том, что китайская печать нередко приводит с курьезной точностью до сотой доли процента числовые значения явлений, которые вообще можно оценить лишь ориентировочно. Смил не только вслед за А. Мэддисоном и некоторыми другими исследователями подвергает сомнению данные о темпах роста ВВП (основываясь, прежде всего, на сведениях о потреблении энергии), но и называет самой большой и наиболее упорно повторявшейся статистической ложью публикуемые в 90-х годах прошлого века данные о такой важнейшей для жизни народа и страны константе, как величина пахотной площади. По его словам, тысячи пекинских бюрократов прекрасно знали, что многолетние утверждения о том, что она составля-

ет 95 млн га, недостоверны, поскольку они расходятся с данными наблюдений из космоса. В конце концов в 2000 г. пришлось повысить оценку до 130 млн га. Но и эти данные автор считает заниженными. Он убежден, что реально обрабатывается в Китае от 140 до 160 млн га (включая акваторию прудов и садовые насаждения). Иными словами, на душу населения в Китае в 1998 г. приходилось 1100 кв. м обрабатываемой площади, т.е., более чем вдвое или почти втрое больше, чем в соседней Южной Корее, в Японии и на Тайване (с. 128-129). Ровно таким же образом автор критически интерпретирует ряд базисных данных о потреблении энергии, калорийности питания и загрязнении окружающей среды.

Книгу пронизывает трезвый и объективный взгляд на китайскую действительность. Автор категорически не приемлет любые идеологизированные подходы как со стороны алармистски настроенных наблюдателей, так и со стороны тех, кто готов мифологизировать и абсолютизировать те или иные достижения Китая, не усматривая в них никаких негативных сторон. Последние включают, например, восторженное восприятие некоторыми западными аналитиками маоистских методов индустриализации Китая под лозунгом "малое — прекрасно" или завышенные ожидания (равно как и опасения) того, что Китай может стать крупнейшей мировой нефтедобывающей и нефтеэкспортирующей державой на Дальнем Востоке, равной Саудовской Аравии. Но еще более поразительным было, как справедливо показано в книге, намеренное замалчивание или преуменьшение на Западе почти до конца 90-х годов прошлого века масштабов того гигантского бедствия, которое постигло Китай в конце 50-х — начале 60-х годов в результате безумной политики Мао. Здесь, возможно, самым пагубным образом сказалась существовавшая в то время пропасть между советскими и западными исследователями Китая, поскольку в Советском Союзе о голоде в Китае, о его причинах и следствиях сооб-

щали, как известно, достаточно убедительно и подробно. "Западные моралисты, которые столь требовательно относятся к немцам, столь критически воспринимают проступки русских или японцев, — пишет Смил, — становятся почти безучастными или избыточно молчаливыми, когда дело касается бесчеловечности маоистского режима в отношении к собственному народу и апологетики современных правителей Китая" (с. 85).

Структура книги отражает заголовок. Основу ее составляют три главы, посвященные каждому из трех поименованных объектов исследования. К ним добавляются еще две главы, первая из которых носит вводный характер, а последняя представляет собой взгляд в будущее, опирающийся на исторические тенденции.

Примечательной особенностью главы, посвященной энергетике, служит то обстоятельство, что автор наряду с так называемыми коммерческими источниками энергии, большое внимание уделяет и некоммерческим, традиционным, включая мускульную энергию, древесину и солому, играющим особенно важную роль в аграрных районах. Такой акцент в большой мере воплощает предшествующий опыт изучения автором энергетических проблем не только Китая, но и мира в целом. Отмечая острый дефицит органического топлива в деревне, особенно в северных холодных районах, Смил увлеченно описывает методы, способствующие его более рациональному использованию, включая распространение усовершенствованных моделей печей. В связи с этим он приводит собственные расчеты биомассы, расходуемой на топливно-энергетические нужды сельского населения. Немалое внимание уделяется также строительству малых угольных шахт, малых гидростанций и производству метана из биологического материала. Такой подход позволяет более объемно и точно судить об энергетических проблемах и перспективах страны.

Что касается коммерческих энергоносителей, то представляется небезынтересным привести прогноз Смила, касающийся перспектив Китая в производстве, потреблении и импорте нефти. Истекшее с момента написания книги время не могло не повлиять на детали этого прогноза, но мало изменило его суть. Смил достаточно верно определил, что объем импортируемой Китаем нефти достигнет 100 млн т не позже 2005 г. и что Китай неизбежно обойдет Японию по этому показателю, превратившись во второго после США нетто-импортера нефти в мире. Смил, разумеется, не мог предвидеть американскую военную операцию в Ираке, но уверенно предсказал усиление экономическо-

го, дипломатического и политического присутствия Китая на Ближнем Востоке, равно как и обострение протекающих отсюда трений с Соединенными Штатами, если не со всем Западом. Автор выводит отсюда, с одной стороны, возможность возникновения нового мирового кризиса в поставках нефти с непредсказуемыми экономическими и геополитическими последствиями, а с другой — неизбежное увеличение поставок в Китай нефти и газа из России и Казахстана (с. 59–60).

Современная история человечества, отмечает Смил, знает мало случаев, когда бы в питании населения происходили столь быстрые перемены, как это произошло в Китае после аграрных реформ, начатых в конце 70-х годов прошлого века. Благодаря быстрому росту сельскохозяйственного производства Китай по калорийности питания обошел Индию, а затем и Японию, хотя в стране еще оставались обширные районы, не обеспечивавшие себя достаточным количеством продовольствия. Автор посвящает немало страниц книги количественному увеличению и качественному улучшению рациона питания китайцев.

То, что население Китая сегодня обеспечено продуктами питания лучше, чем когда-либо в истории страны, несмотря на гигантское увеличение численности, связано также с беспрецедентно возросшим применением минеральных удобрений. Однако последующее увеличение использования удобрений не сопровождается адекватным повышением урожайности. Еще более существенно, что массированное внесение удобрений несет с собой негативные последствия для окружающей среды. Ни один район в мире, говорится в книге, не использует столько азота, как четыре приморских провинции Китая: Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун. Растет проникновение нитратов в питьевую воду, и Смил предсказывает, что такая концентрация в обширных районах южнее Янцзы может превысить лимиты, установленные Всемирной организацией здравоохранения. Хотя негативное воздействие повышенного содержания нитратов в питьевой воде на здоровье населения является вопросом дискуссионным, избыток азота, без сомнений, отрицательно сказывается на жизни обитателей акваторий. Все большее вымывание азотных удобрений в китайские озера, пруды и реки, а также в прибрежное морское мелководье способствует избыточному развитию водорослей, которые при гниении потребляют кислород, и тем самым создают среду, убивающую придонных моллюсков и ракообразных и отпугивает рыб. Увеличение содержания окислов азота в атмо-

сфере способствует поглощению инфракрасного излучения. Поскольку Китай, в отличие от своих восточноазиатских соседей, не может импортировать в больших объемах основные продукты питания, постольку он обречен на использование синтетических азотных удобрений и поэтому должен обращать особое внимание на эффективность их использования в сельскохозяйственном обороте.

Смил отвергает катастрофические пророчества о том, что Китай в будущем не сумеет себя прокормить и что остальному миру придется брать на себя эту непосильную и для него ношу. Он признает, что для опасений есть определенные основания. Среди них: продолжающийся высокий абсолютный рост населения, ограниченные и сокращающиеся размеры пахотной площади, широко распространенная нехватка воды, серьезное загрязнение атмосферы и водных источников и деградация экосистем, сокращающийся прирост урожайности основных зерновых культур и быстрые изменения в рационе питания. Комбинация этих факторов может привести к значительному дефициту зерна, который может достичь 100 или даже 200 млн т к 2025 г. (с. 126). Ситуацию может еще более усугубить глобальное потепление климата. Вместе с тем у Китая, с точки зрения Смил, есть немалые резервы. Они включают увеличение пахотной площади путем освоения пустошей, дальнейшее повышение урожайности основных сельскохозяйственных культур и снижение потерь при хранении зерна после сбора урожая, кормлении домашних животных, производстве спиртных напитков, а также при неумеренном и расточительном потреблении продуктов во время бесчисленных совместных трапез и банкетов за личный или общественный счет.

Не подвергая сомнению главный вывод Смил, равно как и многих других исследователей, о принципиальной способности Китая самому пропитать себя и не поколебать тем самым существенно мировой баланс производства и потребления продовольствия, нельзя не отметить вместе с тем, что такой вывод покоится на достаточно узком, скорее, техницистском или натуралистическом, чем на социально-экономическом подходе. Автор и сам подчеркивает эту особенность своего мировосприятия, называя себя "натуралистом, хотя и остро заинтересованным в социально-экономических следствиях изменений в окружающей среде" (с. 170). Он считает экономику всего лишь "сложной подсистемой биосферы". При таком подходе удовлетворение потребностей населения в продуктах питания выступает

преимущественно как совокупная функция решения ряда частных задач, таких как, например, более бережное использование воды или развитие агротехнических исследований и разработок, задач, несомненно, важных, но все же производных от общего комплекса социально-экономических и, в частности, аграрных проблем, которые автора по большому счету мало интересуют.

Между тем вряд ли можно с уверенностью судить, к примеру, о тенденциях к увеличению или уменьшению пахотного фонда Китая без учета тех реальных процессов обезземеливания крестьянства, которые идут в процессе урбанизации. Трудно делать выводы о возможностях роста производства основных продуктов питания, не обращая внимание на земельные отношения, на материальную суть крестьянского хозяйства, на человеческий капитал в деревне, на демографический и социальный состав сегодняшнего населения китайской деревни, из которого все более вымываются наиболее трудоспособные слои работников. Для более точного понимания сюжетов, исследуемых Смил, безусловно, весьма важна была бы характеристика аграрной политики нынешнего китайского государства, что, к сожалению, в книге отсутствует. Между тем именно в этой области в последнее время наблюдаются немалые подвижки, способные позитивно повлиять на стагнировавший в течение ряда лет рост производства зерна. Речь идет об отмене взимания существовавшего в течение тысячелетий сельскохозяйственного налога и ряде других мер долгосрочного порядка. Сказанное, разумеется, никак не умаляет результатов работы, проделанной Смил, но лишь указывает на их недостаточность.

В главе, посвященной окружающей среде, основной настрой автора в целом сохраняется. Хотя свои выводы он называет "подлинно беспокоящими" (*genuinely disquieting*) (с. 144), Смил и здесь решительно отмежевывается от позиций алармистов. Более того, он подвергает жесткой критике тех, кто возводит деградацию окружающей среды в ранг угрозы национальной безопасности. Сея опасения новой глобальной катастрофы, они взывают тем самым к таким институтам государства, как вооруженные силы и разведывательные органы, рассчитывая на их дополнительное финансирование. "Отдельные ученые, агентства, выдающие гранты, политики и люди, выделяющие политику, нуждаются в том, чтобы видеть на своем горизонте подходящие опасения, беспокойства, которые обеспечивают богатый субстрат для статей, встреч, консульта-

ций, комиссий и стратегических инициатив, действий, которые исполняют их участники чувством глубокого самоудовлетворения в связи с тем, что они помогают спасти мир" (с. 169).

По оценке Смита, ущерб, наносимый деградацией окружающей среды, составляет около 10% годового ВВП Китая (с. 171). С его точки зрения, в исторической перспективе такая деградация есть лишь достойный сожаления и временный побочный продукт тех изменений, которые несут с собой впечатляющее сокращение детской смертности, постоянное увеличение ожидаемой продолжительности жизни, более высокие располагаемые доходы и растущую социальную мобильность. Китай быстро достиг некоторых из самых худших в мире показателей качества окружающей среды, однако он также обеспечил необычайно впечатляющие улучшения показателей качества жизни, сопоставимые с теми, которыми гордятся Южная Корея и Тайвань. И те, и другие показатели определяются необычайно высокими темпами нынешней модернизации.

Загрязнение атмосферы и вод в Китае не хуже, чем оно было в западных странах на соответствующих стадиях их индустриализации. До конца 70-х годов прошлого века эмиссия сернистого газа в расчете на душу населения в США была в 10 раз выше, чем в настоящее время в среднем по Китаю, в абсолютном выражении она все еще в Китае не больше, чем в 80-х годах в США. Несмотря на то, что такая эмиссия в США и Европе с конца 70-х годов заметно снизилась, в Центральной Европе она все еще значительно выше, чем в Китае, будь то в расчете на душу населения или на квадратный километр площади. В Лондоне в 50-х годах концентрация твердых частиц и сернистого газа в воздухе была такой же, как в Китае в 90-х годах. В некоторых отношениях деградация среды на Западе остается более серьезной, чем в Китае. Это касается, например, среднегодовой концентрации нитратов, которая в нижнем течении Рейна примерно вдвое выше, чем в нижнем течении Хуанхэ, и вчетверо выше, чем в Янцзы на участке провинции Цзянсу. При этом, как бы мало средств ни расходовал Китай на защиту окружающей среды, эти суммы все равно относительно выше, чем тратили западные страны или Япония на соответствующих стадиях своего экономического развития. Государство стало выделять существенные средства на охрану окружающей среды в этих странах только, когда ВВП на душу населения превысил 5 тыс. долл.

В целом Смит не предвидит возникновения в Китае такой ситуации, при которой растущее загрязнение окружающей среды могло бы привести к упадку качества жизни или повысить уровень насилия в обществе и тем самым угрожать интересам национальной безопасности. История учит, что по мере повышения жизненных стандартов в обществе, загрязнение среды служит важным стимулом для повышения эффективности использования энергии и сырья. Нет никаких причин, полагает Смит, почему бы Китаю не подтвердил этот опыт.

В заключительной главе, посвященной взгляду в будущее, Смит, приводя примеры как неудачных, так и более или менее удачных прошлых прогнозов, включая и собственные, принципиально ограничивает диапазон своего нынешнего прогноза исключительно сюжетами, рассматриваемыми в данной книге. Он предвидит удвоение потребления угля к 2020-2025 гг. параллельно с увеличением эффективности его использования. Одновременно прогнозируется довольно быстрое замещение угля, используемого в городах, природным газом, как отечественным, так и импортным. Переброска южных вод на север вкрупне с мерами по повышению эффективности использования воды для ирригации и промышленного производства может смягчить проблемы нехватки воды на Северо-Китайской равнине, в Шаньдуне и южном Хэбэе. Увеличение импорта зерна может помочь Китаю сэкономить как воду, так и удобрения. Вместе с тем урбанизация будет сопровождаться ростом потребления воды.

Рецензируемая книга, суммируя все предшествующие труды как самого автора, так и его многочисленных коллег, которых он обильно цитирует, дает достаточно полное представление о современном состоянии западных исследований по одному из важных направлений изучения современного Китая. Нельзя сказать, чтобы это направление не было совсем представлено в советском и российском Китаеведении. Можно назвать целый ряд отечественных книг и статей, которые достаточно основательно рассматривают проблемы продовольствия, энергетических ресурсов, окружающей среды в Китае. Но все же эти проблемы рассматриваются под несколько иным углом зрения, с иных методических позиций. И в этом смысле новая книга В. Смита представляет несомненный интерес для нашего читателя. Залогом такого интереса служит также высокая компетенция и объективность автора.

Я.М. Бергер

**Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. / Рук. Проекта
Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XX, 2004. 284 с.**

Коллектив российских японоведов под руководством доктора исторических наук Э. В. Молодяковой опубликовал монографию, которая, согласно ее аннотации, охватывает "все основные аспекты отношений между Россией и Японией на рубеже XX—XXI веков" с особым вниманием к "сравнительно малоизученным аспектам" таким, как "взаимное бытование и формирование "образов" двух стран, культурные и научные связи, "народная дипломатия".

Действительно, в этом исследовании авторы, руководствуясь искренним желанием содействовать развитию отношений России с ее дальневосточным соседом, дали довольно полную картину их нынешнего состояния. Отмечая нереализованность больших потенциальных возможностей добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами, каждый из авторов, не ограничиваясь лишь констатацией этого факта, предпринимает попытку выявить то, что мешает углублению двусторонних связей. Более того, все авторы вносят собственные предложения, направленные на их активизацию.

Одной из серьезных причин, тормозящих упрочение добрососедства двух стран, как убедительно показывают Д.В. Стрельцов и А. Е. Куланов, состоит в искаженном стереотипном восприятии друг друга, исторически сформировавшемся и сохраняющемся до сих пор в общественном сознании как японцев, так и россиян. Вместе с тем они указывают и на существенное различие. Более половины россиян считают Японию дружественным государством, для них дальневосточный сосед выглядит "вполне гармонично, а многим даже кажется "идеальным" (с. 65). И, напротив, как приходит к выводу Д.В. Стрельцов, основываясь на анализе данных японских правительственных опросов общественного мнения в 1990-х и начале 2000-х гг., сложившийся прежде отрицательный имидж России "в целом практически не изменился, оставаясь на устойчиво низком уровне", причем "только чуть больше трети японского общества полагает, что развитие отношений с Россией вообще может принести Японии ка-

кую-либо пользу" (с. 80 — 81).

Задавшись изучением этого явления, авторы выявляют различные факторы формирования стереотипов в восприятии образа соседней страны. В частности, они обращают внимание на важное обстоятельство, о котором у нас мало упоминают: формирование образа Японии и японцев в нашей стране осуществляется как бы поэтапно, "во многом усилиями самих россиян" (с. 63), при благожелательном в целом отношении и научных кругов, и средств массовой информации, без вмешательства государства, а в Японии образ россиян по-прежнему формируется целенаправленно. Хотя в основе страха японцев перед Россией лежат исторические события, "подобного рода фобии, — справедливо полагает Д. В. Стрельцов, — являются результатом длительной и целенаправленной политики властей по идеологической обработке населения. Укоренению негативного восприятия России способствует школьное образование, преподносящее многие факты национальной истории, связанные с нашей страной, в одностороннем ключе. Следует учесть также влияние антироссийски настроенных средств массовой информации, к которым у большинства японцев отсутствует критическое отношение" (с. 81—82).

Одновременно японское правительство проявляет несравненно большую, чем наше, заботу о формировании позитивного имиджа своей страны за рубежом, в том числе в России, используя не только разные формы естественного для любого государства "мягкого моделирования" образа Японии, но иногда и "жесткого", то есть, проще говоря, метод лобовой пропаганды. Именно такой метод Япония применяет к России, как считает А. Е. Куланов, когда обращается к территориальной проблеме. Впрочем эффект от пропаганды среди россиян территориальных требований к нашей стране получается обратный ожидаемому. С этим связано, в особенности, наличие на Дальнем Востоке 43% населения, считающего Японию недружественным государством (с. 70).

В политической и общественной жизни Японии, констатирует Д. В.

Стрельцов, "сформировался своего рода порочный круг, который бесконечно генерирует антисоветский (антироссийский) настрой ..., не позволяя взглянуть на Россию более широким, не зашоренным узкими рамками территориальной проблемы, взглядом". В результате вся послевоенная политика Японии по отношению к СССР, а позднее — и к России, как видит ее, например, Ц. Хасегава из Калифорнийского университета, фактически свелась к одному — "политике северных территорий" (с. 87). Характерно, что и японским дипломатам, предпринимавшим некоторые попытки "проявить гибкость и отойти от бесперспективной прямолинейности в территориальных требованиях к России" приходится прятать свое личное мнение, поскольку такой подход трактуется как предательство национальных интересов Японии (с. 86, 95).

В главе монографии "От отношений без мирного договора к отношениям с договором" рассматриваются многие эпизоды переговорного процесса по этому вопросу и обстановке в обеих странах, которая ему сопутствует. Кандидат исторических наук С. В. Чугров излагает свой взгляд на путь к преодолению ненормальной, наносящей ущерб не только Японии, но и России, ситуации затянувшегося отсутствия между ними мирного договора. Заблокированность этого расхождением взглядов сторон на проблему так называемых "северных территорий", по его мнению, требует поиска "цивилизованного компромисса".

Вместе с тем неубедительным кажется брошенный С. В. Чугровым намек, будто именно "российская сторона не может позволить себе медлить до бесконечности в вопросе подписания договора", поскольку "время начало работать не в пользу России" (с. 106). Российская сторона и ранее занимала гибкую, доброжелательную позицию, заявляя о приверженности советско-японской Декларации 1956 года, ратифицированной обеими сторонами. В декабре прошлого года президент В. В. Путин подтвердил, что Россия будет "стараться выполнять все правовые обязательства. Которые были взяты СССР, как бы это ни было тяжело" (Российская газета. 2004. 24 декабря). Для "цивилизованного компромисса", таким образом, нужен адекватный ответ японской стороны.

Что же касается вопроса, против чьей стороны работает время, то ответ на

него требует не выражения эмоций, а более основательной аргументации, нежели та, которой походя прибор С. В. Чугров, кивая на "китайский вызов". Возможно, время покажет, что топтание на месте при обсуждении условий заключений мирного договора в большей мере работает против Японии, нежели России.

Разумеется, подкрепление реально существующих ныне договорных отношений между Россией и Японией подписанием мирного договора пошло бы на пользу обеим странам. Нельзя не согласиться с С.В. Чугровым в том, что шансы на преодоление территориальной проблемы, как препятствия на этом пути, вырастут, если "лечить не симптом, а основное заболевание" (с. 116), то есть всеми способами, на разных направлениях поднимать российско-японские отношения в целом на качественно новый уровень.

С такой позиции авторы монографии анализируют успехи и проблемы "народной дипломатии" в новых условиях постсоветского периода, состояние экономического сотрудничества на примере связей между Дальним Востоком России и Японией, достигнутый уровень и перспективы промышленного и научного сотрудничества с Японией, вопросы изучения и применения в России опыта японского менеджмента. Предметами тщательного анализа являются также проблемы и специфика литературных и культурных связей в постсоветский период, выполняющие роль неотъемлемого элемента духовного сближения и углубления взаимопонимания между россиянами и японцами.

Помимо рассмотрения важных проблем российско-японских отношений, в монографию включен своеобразный отчет о постсоветском периоде деятельности российских японоведов.

Обращаясь к общему обзору японоведческих работ этого периода, доктор исторических наук Э. В. Молодякова отмечает, что советские ученые оставили большое наследство, особенно "очень добротные исследования" по социально-экономическим проблемам, "основанные на прекрасном знании фактического материала и достаточно убедительные в концептуальном плане. Не были забыты, конечно, политика и культура, меньше повезло истории". Вместе с тем, по ее мнению, нельзя замыкаться на рассмотрении лишь таких параметров, как "способ производства" или "классы", "более целесообразно применять цивилизационный подход, ибо в

центре его стоит человек, его возможности самовыражения и саморазвития" (с. 38, 39).

К новаторским работам постсоветского периода Э. В. Молодякова относит в первую очередь двухтомник "История Японии" (1999 г.). Внушительным вкладом в отечественное японоведение она называет три серии из 22 книг, написанных "в абсолютно творческой манере", и которые изданы Центром по изучению современной Японии с участием сотрудников Института востоковедения, Института мировой экономики и международных отношений, Института Дальнего Востока.

В этот же период в дополнение к учрежденному еще в начале 1978 г. ежегоднику "Япония", ставшему связующим звеном для всех японоведов нашей страны, появились новые периодические издания, освещающие жизнь Японии: "Знакомьтесь — Япония", "Япония сегодня" и другие.

Продолжением и углублением обзора японоведческой литературы можно считать главу "Новые тенденции в изучении японского опыта в России". В ней доктор экономических наук И. П. Лебедева показывает, что характерной особенностью японоведения последнего десятилетия стало появление специальных работ, исследующих японскую действительность "с целью обнаружения в ней элементов, которые могли бы быть применены и в нашей стране для решения тех или иных задач" (с. 166). Именно такой, отвечающий насущным отечественным потребностям характер имеет, например, издание периодического сборника "Японский опыт для российских реформ", в более тридцати выпусках которого японоведы дают взвешенную, объективную оценку японского опыта практически во всех сферах жизни современного общества, "отмечая в нем

как позитивные, так и негативные моменты, как достижения. Так и ошибки и неудачи" (с. 174).

К сожалению, внимательный читатель заметит, что отсутствие должной заботы государства о создании благоприятных условий для работы исследователей сказались и на японоведении: большинство упомянутых в обзоре книг и периодических изданий вышло в свет только благодаря поддержке с японской стороны, от японского фонда, фармацевтической фирмы "Искра", международного научного общества Синто и т.д.

Главы, написанные Э. В. Молодяковой и И. П. Лебедевой, представляют хороший, хотя далеко еще не полный, путеводитель по японоведческой литературе для людей, желающих познать Японию в разных ее ипостасях, либо учесть японский опыт в нынешних отечественных глубоких общественных преобразованиях.

Наконец, отметим, что в монографии появился редкостный у нас обзор состояния и тенденций развития японской русистики за последнее десятилетие. С такой сложной задачей успешно справился доктор философских наук В. Э. Молодяков благодаря постоянному и широкому общению с японскими учеными. По его мнению, японская русистика, "ориентированная на зарубежные каноны", в последнее время имеет значительные достижения в изучении российской истории, но еще не освободилась от "традиционно присущего ей евро-американского влияния, направленного на развенчание коммунистической идеологии и советской системы" (с. 265). Очевидно, что познание соседями друг друга должно основываться в первую очередь в процессе собственного непосредственного общения, включая активные научные контакты.

Михаил Иванович Басманов
14.10.1918 — 13.02.2006

Отечественное китаеведение потеряло крупнейшего из современных поэтов-переводчиков, который полвека украшал нашу жизнь прекрасными переводами из китайских поэтов и древних, и современных. Он продолжал трудиться до самых последних дней.

Крестьянин-бедняк из Алтайского края в 1941 году получил высшее образование: окончил филологический факультет пединститута. В 1942-1945 годах он — участник Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями. Вчерашний студент стал солдатом, прошел Карельский фронт, воевал в Заполярье, Финляндии, Норвегии, Польше, Чехословакии.

В 1945 году капитан в отставке М.И.Басманов преподает русский язык и литературу в школе подмосковного города Электросталь, а в 1946 году поступает на восточное отделение Высшей дипломатической школы, где начинает изучать китайский язык. После школы — служба в МИД СССР вплоть до должности заместителя заведующего Дальневосточным департаментом. Он работал в Посольстве в Пекине, был вице-консулом в Тяньцзине и Шэньяне, генеральным консулом в Урумчи, советником-посланником в Монголии. Таков пройденный М.И. Басмановым путь на дипломатической службе.

Его первые стихи были написаны еще в раннем детстве, но поэтом он стал на фронте. Им были написаны и изданы сборники стихов "Меж боями и под огнем", " На втором дыхании" и др. Итогом собственного творчества поэт считал составленное им самим "Избранное.Стихи"(М., 2004), куда он сам включил лучшее из написанного: и лирику последних лет (" Тропарево в лучах горячих..."), и написанное в Монголии ("Любовь моя Монголия"), и ранние фронтовые стихи, и " Китайскую тетрадь", созданную во время поездки в Китай в 1983 году.

40 лет он отдал службе в МИДе, но для нас солдат и дипломат — прежде всего поэт-переводчик.

Его переводы китайской классической поэзии издаются с 1956 года, когда он начал переводить поэзию времен правления династии Тан. С тех пор сделано очень много, сборники стихов китайских поэтов, в переводах которых он участвовал, занимают целый стелд — несколько книжных полок.

Отношение к Китаю в нашей стране в период СССР неоднократно менялось, но любовь нашего читателя к китайской классической поэзии не подлежала конъюнктурным переменам. А поэтическая муза благоволила к М.И.Басманову и одаряла его подлинными удачами. Книги его всегда находили устойчивый сбыт, никогда не залеживались на прилавках. Симпатии и читателей и издателей всегда были на стороне талантливого переводчика, потому что он был не только переводчик, а еще и русский поэт. Поэтому имя М.И.Басманова справедливо может быть названо в одном ряду с такими мастерами перевода как Анна Ахматова и Александр Гитович.

В переводах поэт тяготеет к лирике, которая близка его поэтическому дару. Всеобщее признание снискали его переводы китайских романсов (ц и) и лирики китайских поэтесс с I по XX-ый век.

М.И.Басманов первым начал переводить китайскую женскую поэзию, которая до него оставалась неизвестной нашему читателю и не исследовалась отечественным китаеведением. Собрание своих переводов он назвал: " Голос ашмовой флейты слышу" (М., 1988), потому что поэту был внятен звук древ-

ней флейты. Читательский успех подвиг переводчика на дальнейший труд, и через шесть лет работы появился следующий поэтический сборник "Встречи и расставания" (М., 1993). За ним — еще десять лет труда, и вот в 2003 году издательство "Северо-Запад пресс" в Санкт-Петербурге издает итоговый для поэта-переводчика сборник "Китайская лирика" с его собственным предисловием. Это собрание китайской классической поэзии, которым по праву гордится российское китаеведение.

М.И.Басманов всегда переводил не только классическую поэзию, но и лучшие стихи современных поэтов. Причем во всех сборниках его переводы обязательно останавливают на себе читательское внимание. Так, в недавно изданном собрании "Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом — для будущего" (М., 2002) включены переведенные им стихотворения Цю Цзинь, Мао Цзэдуна, Ай Цина, Цзан Кэцзя.

Поэтические переводы с китайского поэт сам включил в свое последнее "Избранное" (М., 2004).

Его переводы навсегда войдут в мир чтения нашей отечественной литературы, поскольку любовь читателя им завоевана прочно. Мастер перевода удостоен заслуженного внимания.

Коллеги и друзья всегда воздавали должное его выдающемуся поэтическому дарованию и неустанному трудолюбию на ниве китайской поэзии. Светлую память об этом удивительно душевном и отзывчивом человеке сохраняют все, кому выпало счастье общаться с ним.

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Емельянова Татьяна Михайловна
2.11.1932 — 11.02.2006

11 февраля 2006 года ушла из жизни Татьяна Михайловна Емельянова, работавшая в Институте Дальнего Востока с момента его основания, отдавшая китаеведению лучшие годы своей жизни. Татьяна Михайловна после окончания в 1957 г. МГИМО МИД СССР всегда работала в учреждениях, связанных с изучением Китая. В известной мере эта направленность интересов определялась семьей, тем, что в Китае работал ее отец, китаеведом был ее брат, Михаил Михайлович Никольский.

Свою научную работу Т.М. Емельянова начинала как исследователь персоналий китайского руководства, что имело важное значение в годы, отмеченные охлаждением наших отношений с Китаем и последовавшей за ним "культурной революцией". С созданием в ИДВ сектора социально-политических проблем Татьяна Михайловна проделала большую работу по изучению порожденных "культурной революцией" "ревкомов", которым она посвятила несколько своих печатных трудов. В дальнейшем Т.М. Емельянова стала ведущим специалистом по женскому движению и женским организациям Китая, а в последние годы расширила сферу своих исследований до всех массовых общественных организаций КНР. Она была бесменным автором статей по этим вопросам в Ежегодниках ИДВ РАН "КНР: политика, экономика, культура", а также в нескольких коллективных монографиях. В качестве специалиста по женскому вопросу в Китае Татьяна Михайловна приглашалась на научные конференции в другие города.

В начале 1990-х, параллельно с этой проблематикой, Т.М. Емельянова приступила к изучению низового самоуправления в Китае. По этому направлению ей удалось провести своего рода "полевые исследования" в ходе стажировок в КНР, нашедших отражение в ее докладах на конференциях и в соответствующих разделах большой монографии "Как управляется Китай", вышедшей в свет двумя выпусками под редакцией академика РАН М.Л.Титаренко, а также в сборнике трудов Института "Китай в диалоге цивилизаций".

Кончина Т.М.Емельяновой — большая потеря для нашего Института и российского китаеведения. В своих исследованиях она была уникальным специалистом и пока ее заменить некем. Но мы запомним ее не только как трудолюбивого научного работника, а, прежде всего, как необычайно доброжелательного человека, к которому всегда тянулись люди, которого любил коллектив, постоянно избиравший ее и парторгом, и профоргом сектора.

Светлая память о Татьяне Михайловне Емельяновой навсегда сохранится в сердцах её друзей и коллег.

*Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН.
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока".*

Арлен Ваагович Меликсетов
01.01.1930 — 15.02.2006

Отечественное востоковедение и китаеведение понесли тяжелую утрату. 15 февраля 2006 г. на 77-м году жизни скончался выдающийся российский историк и китаевед, бывший директор Института стран Азии и Африки МГУ, бывший заведующий кафедрой истории Китая, доктор исторических наук, профессор Арлен Ваагович Меликсетов.

Арлен Ваагович принадлежал к числу наиболее авторитетных российских историков-востоковедов, китаеведов и специалистов по международным отношениям; его научно-организационная, учебно-методическая и педагогическая деятельность была связана с работой в ведущих московских востоковедных центрах: в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (ИСАА при МГУ), директором которого он являлся в период с 1989 по 1994 г., а с 1994 г. по 2004 г. возглавлял кафедру истории Китая; Московском государственном институте международных отношений при Министерстве иностранных дел РФ (МГИМО-У МИД РФ), где он работал на кафедре истории и культуры стран Азии и Африки, и на протяжении более двадцати лет (с 1969 по 1989 г.) возглавлял кафедру Востоковедения; в Институте китаеведения АН СССР; Институте практического востоковедения и др.

В течение многих лет основным направлением научной деятельности профессора Меликсетова А.В. являлось изучение процессов политической и социально-экономической трансформации на протяжении XX века стран зарубежной Азии, при этом наибольший вклад его труды внесли в изучение развития современного Китая. За несколько десятилетий плодотворной научной деятельности им опубликовано свыше 120 научных работ, в том числе монографии "История зарубежных стран после Второй мировой войны" (1964), "История зарубежных стран: 1917-1945." (1967), "Бюрократический капитал в Китае" (1972), "Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае 1927-1949." (1977), "Китай в период войны против японской агрессии" (совместно с М.Ф. Юрьевым и др.), "Победа китайской революции. 1945-1949." (1989). Некоторые из его работ были изданы за рубежом в переводе на китайский и японский языки и получили широкое признание зарубежных коллег.

В 1998 г. под редакцией профессора Меликсетова А.В. вышел в свет фундаментальный университетский учебник "История Китая", в котором им были творчески применены теоретические наработки, обоснованные в ряде его монографических исследований и статей последних лет. Получивший высокую оценку российской научно-педагогической общественности, этот труд был награжден Ломоносовской премией Московского государственного университета им. Ломоносова и рекомендован Министерством образования РФ в качестве учебника для исторических факультетов университетов России. В 2005 году в связи с большим спросом на эту книгу вышло третье издание учебника.

Главная новаторская заслуга профессора Меликсетова А.В. состоит в том, что на основе опубликованных им на протяжении многих лет научных и научно-методических работ и сформированного им коллектива историков-китаеведов в отечественной исторической науке было создано направление, сумевшее на основе системного изучения ключевых элементов социально-экономической структуры Китая выработать существенно отличавшуюся от прежних представлений новую концепцию характера китайской революции и основ-

ных факторов модернизации экономики и общества в Китае XX века. Предложенные в рамках этого подхода модели и методы анализа имеют большое значение как для китаеведных исследований, так и для изучения новейшей истории всей зарубежной Азии в целом.

При непосредственном участии и руководстве профессора Меликсетова А.В. опубликован целый ряд работ, продолжающих и уточняющих сформулированный им подход и посвященных отдельным аспектам социально-экономического развития Китая, в том числе, развитию в Китае госкапитализма, формированию госсектора, финансовой и денежной политике, аграрной и земельной проблеме, проблематике власти и типов власти в традиционном обществе, взаимоотношениям власти и местного общества. Профессор Меликсетов А.В. являлся организатором в отечественной востоковедной науке комплексного исследования "республиканского периода" в истории Китая (1911-1949 гг.), политического, экономического и социального развития послевоенного Тайваня, вопросов безопасности в связи с ситуацией в Тайваньском проливе и в АТР в целом. Только в последние годы под руководством профессора Меликсетова А.В. на основе проведенных в ИСАА при МГУ научных конференций и семинаров опубликованы сборники работ: "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона" (1997); "Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX века" (1998); "Гоминьдан и Тайвань: история и современность" (1999); "Президентские выборы на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе" (2000); "Тайвань на рубеже веков: новые условия и новые вызовы" (2001); "Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития" (2004); "На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе" (2005) и целый ряд других. Под его руководством подготовлена к печати и опубликована в конце 2005 г. фундаментальная коллективная монография "Власть и деревня в гоминьдановском Китае".

Профессор Меликсетов А.В. вел большую педагогическую работу, читая курсы лекций "История стран Азии и Африки в новое время", "История стран Азии и Африки в новейшее время", "История Китая", спецкурсы по проблемам развития Тайваня, теории "новой демократии" Мао Цзэдуна и др. За годы работы в МГИМО МИД СССР, ИСАА при МГУ, Институте практического востоковедения и других московских вузах профессор Меликсетов воспитал большое количество талантливых специалистов-востоковедов, многие из которых стали видными исследователями, работниками дипломатической службы и средств массовой информации, других государственных и общественных организаций. Им подготовлено более пятидесяти кандидатов наук из числа отечественных и зарубежных соискателей.

Арлен Ваагович был блестящим педагогом, неизменно щедрым на идеи и доброжелательным с коллегами и учениками. Его лекции всегда сопровождались аплодисментами студенческой аудитории. Своих учеников он не только стимулировал и побуждал к новым творческим усилиям и достижениям, но и в буквальном смысле "вел по жизни", следил за их профессиональным становлением, часто помогал в трудоустройстве. Будучи человеком общительным и в то же время проницательным и наблюдательным, способным одним словом или фразой суммировать существо проблемы или охарактеризовать человека, он был всегда снисходительным к своим друзьям, ученикам и сослуживцам, радовался их успехам, без всякой рисовки и позы искренне восхищался творческими удачами коллег-китаеведов.

На протяжении многих лет профессор Меликсетов А.В. возглавлял Специализированный совет по историческим наукам и политологии ИСАА при МГУ, являлся главным редактором реферативного журнала "Китаеведение",

членом редколлегии журналов "Восток", "Вестник Московского университета. (Сер. Востоковедение)".

Богатый научно-педагогический и практический опыт профессора Меликсетова А.В. получил признание зарубежных коллег: он являлся участником большого количества международных конференций и симпозиумов в нашей стране и за рубежом, в том числе нескольких конгрессов востоковедов и конгрессов европейских синологов. В последний период он являлся участником совместного проекта ряда американских исследовательских центров по теме "История свободомыслия в Китае".

В период работы директором ИСАА при МГУ (1989-1994 гг.) ярко проявился талант профессора Меликсетова А.В. как организатора научных исследований и учебно-воспитательной работы, сторонника обновления и реформирования системы высшего образования. Он внес огромный личный вклад в процесс укрепления отечественного вузовского востоковедения, интеграции его с академической наукой, расширения международных связей и контактов отечественных востоковедов и африканистов, выступил инициатором создания целого ряда новых научных и научно-образовательных подразделений в МГУ (Институт практического востоковедения, Международный центр корееведения МГУ, Межвузовский факультет китайского языка и др.).

Много сил отдавал профессор Меликсетов А.В. общественной деятельности, в том числе укреплению традиционной дружбы с народами стран Азии и Африки, он на протяжении более тридцати лет являлся членом Центрального правления Общества российско-китайской дружбы (ранее — советско-китайской дружбы).

За заслуги в деле развития отечественной науки, образования и активную общественную деятельность профессор Меликсетов А.В. был награжден орденом Дружбы народов, орденом Китайской Народной Республики. В 2001 г. ему была присуждена Ломоносовская премия за педагогическую деятельность.

До последних дней своей жизни профессор Меликсетов А.В. вел активную научно-педагогическую и учебно-методическую работу в ИСАА при МГУ по подготовке высококвалифицированных специалистов в области востоковедения и регионоведения. Огромный вклад профессора Меликсетова А.В. в развитие отечественного востоковедения, истории азиатских стран, истории и теории международных отношений в сочетании с высоким гражданским и научным авторитетом снискали ему глубокое уважение и признание коллег по работе. Светлая память об Арлене Вааговиче Меликсетове навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция и коллектив ИСАА при МГУ
Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Академия Стран Тихоокеанского Региона (АСТОР)

Лицензия Федеральной службы по надзору
в сфере образования и науки
№ 169243 от 07.07.2005

Учредители: Институт Дальнего Востока РАН и
Общество российско-китайской дружбы

**объявляет набор студентов
на первый курс факультета Востоковедения
по специальности
"Регионоведение"**

Возможная специализация: Китай, Япония, Корея

Квалификации выпускников:

**бакалавр регионоведения, срок обучения 4 года,
или
регионовед - специалист, срок обучения - 5 лет.**

Начало занятий 1 сентября 2006 года.

Дни Открытых Дверей в 2006 году:

22 апреля, суббота,	с 14 часов,
19 мая, пятница,	с 16 часов,
15 июня, четверг,	с 18 часов.

Адрес Приемной комиссии: Москва 117218, Нахимовский проспект,
дом 32, к. 418, телефон 124 07 22

25-27 октября 2006 г. Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с ИДВ РАН и Ассоциацией китаеведов РАН проводят XVI Международную научную конференцию «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Основная тема конференции — «Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее)». Поскольку проведение конференции по времени совпадает с 50-й годовщиной со дня создания Института Дальнего Востока РАН, то конференция должна одновременно подвести своеобразный итог достижений научно-исследовательской деятельности ученых ИДВ.

Помимо двух пленарных заседаний в рамках конференции будут работать следующие секции:

- Экономические аспекты сотрудничества России и Китая;
- Взаимное восприятие России и Китая в контексте глобализации и международных отношений;
- Исторические и политические аспекты взаимодействия России и Китая;
- Культурно-цивилизационный диалог России и Китая: путь к взаимопониманию.

В период работы конференции планируется провести «Круглый стол» по теме «Россия и Китай: взаимное восприятие», на котором предполагается рассмотреть условия и предпосылки формирования у народов России и Китая взаимного положительного образа, причины возникновения в общественном сознании наших стран негативных стереотипов восприятия друг друга и пути их преодоления.

На конференцию приглашаются ведущие китаеведы России, стран СНГ, ученые из КНР, Кореи, Японии, США, Австралии и европейских стран.

Тезисы докладов (объем не более 8000 символов с пробелами в формате RTF на дискете, в правом верхнем углу указать Ф.И.О., место работы и ученую степень автора, сноски должны следовать после текста, просьба не отягощать тезисы большим количеством сносок) следует направлять по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН, а также по электронной почте rochagina@ifes-gas.ru с пометкой «Оргкомитет». Тезисы будут опубликованы только в том случае, если они полностью соответствуют вышеуказанным требованиям оформления и присланы в Оргкомитет не позднее 1 мая 2006 г.

Председателем оргкомитета конференции является заместитель директора ИДВ РАН Асланов Рустам Мамедович (тел. 124-01-29).

Конференция состоится в помещении ИДВ РАН.

Приглашаем принять участие в конференции.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Уважаемые читатели!

Доводим до вашего сведения, что льготная редакционная подписка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" на второе полугодие 2006 г. будет проводиться с 1 апреля по 15 мая 2006 г.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 15.02.2006 г. Подписано к печати 17.03.2006 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,5 тыс. Уч.-изд. л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 905 экз. Зак. 1157

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Издатель — Научно-производственное объединение «Издательство "Наука"»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2006 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.